

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

№ 1 (57)

2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО

<i>Яшин А. В.</i> Вопросы организации предварительного следствия в органах внутренних дел	5
<i>Саломатин А. Ю.</i> Государственно-правовая безопасность в свете глобальных этнических миграций (сравнительное исследование на примере США и Германии)	13
<i>Емелин М. Ю., Николаев Б. В.</i> Расовый фактор в решениях Верховного Суда США по избирательным спорам	26
<i>Романовский В. Г.</i> «Грязные войны», права человека и проблема противодействия государственному терроризму в странах Латинской Америки	32
<i>Булаков О. Н.</i> Взаимодействие Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка с институтами гражданского общества по вопросам защиты прав и законных интересов несовершеннолетних	47

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Янак А. Л.</i> «Нереализованные» бабушки и дедушки: прародительская ресурсность vs прародительская депривация	54
<i>Шиняева О. В., Каманина В. Е.</i> Реализация функций средств массовой информации в условиях глобальных и национальных вызовов: оценки населения и журналистов	70
<i>Кошарная Г. Б., Тарханова Е. С.</i> Перспективные направления в решении проблемы женской безработицы на региональном рынке труда	86

ЭКОНОМИКА

<i>Захарова С. В., Соколова О. Ю., Власова Н. Л., Скворцова В. А., Скворцов А. О.</i> Особенности внешнеэкономических связей России со странами Африки	103
--	-----

<i>Сальникова О. В., Рожкова Л. В.</i> Применение инновационных технологий в сельском хозяйстве стран БРИКС	115
<i>Новосельцева Г. Б., Чернецова Н. С.</i> Государственная политика управления ресурсом знаний	127

**UNIVERSITY PROCEEDINGS
VOLGA REGION
SOCIAL SCIENCES**

№ 1 (57)

2021

CONTENTS

LAW

<i>Yashin A.V.</i> Issues of the organization of preliminary investigation in the internal affairs.....	5
<i>Salomatin A.Yu.</i> State and legal security in conditions of global ethnic migration (a comparative study by the example of the USA and Germany).....	13
<i>Emelin M.Yu., Nikolaev B.V.</i> Racial factor in US Supreme Court decisions on electoral disputes	26
<i>Romanovskiy V.G.</i> “Dirty Wars”, human rights and the problem of countering state terrorism in Latin America	32
<i>Bulakov O.N.</i> Interaction of Presidential Commissioner for Children’s Rights of Russia with the civil institutions for protection of juvenile rights and legal interests	47

SOCIOLOGY

<i>Yanak A.L.</i> “Unrealized” grandmothers and grandfathers: the resource capacity of grandparents vs the deprivation of grandparents.....	54
<i>Shinyaeva O.V., Kamanina V.E.</i> The implementation of the mass media functions in the context of global and national challenges: assessments of public and journalists	70
<i>Kosharnaya G.B., Tarkhanova E.S.</i> Prospects of dealing with female unemployment in the regional labor market.....	86

ECONOMICS

<i>Zakharova S.V., Sokolova O.Yu., Vlasova N.L., Skvortsova V.A., Skvortsov A.O.</i> Features of Russia’s foreign economic relations with the countries of Africa.....	103
---	-----

<i>Salnikova O.V., Rozhkova L.V.</i> Innovative technologies application in agriculture of the BRICS countries.....	115
<i>Novoseltseva G.B., Chernetsova N.S.</i> State policy of knowledge resource management.....	127

УДК 343.102

doi:10.21685/2072-3016-2021-1-1

**Вопросы организации предварительного следствия
в органах внутренних дел**

А. В. Яшин

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

andrej.yaschin@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Решение задач, стоящих перед сотрудниками органов внутренних дел, осуществляющими предварительное следствие по уголовным делам, зависит от правильной организации их деятельности. Несмотря на то что работа следственных подразделений постоянно совершенствуется, следователи нередко сталкиваются с различными проблемами в своей служебной деятельности. Во многом это связано с их ведомственной принадлежностью, существенно снижающей процессуальную самостоятельность при расследовании преступлений. Цель работы – предложить наиболее эффективные направления организации предварительного следствия в органах внутренних дел. *Материалы и методы.* В статье использовались научные труды по исследуемой проблеме, а также нормативные правовые акты и официальные статистические сведения. Методологической основой послужил всеобщий диалектический метод познания. Кроме того, были реализованы методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, статистического анализа и экспертных оценок. *Результаты.* В ходе проведенного исследования выявлены недостатки организации предварительного следствия в органах внутренних дел, значительно снижающие эффективность расследования преступлений. *Выводы.* Исходя из полученных результатов, предложены рекомендации по совершенствованию организационной работы в следственных подразделениях органов внутренних дел.

Ключевые слова: организация расследования, предварительное следствие, органы внутренних дел, следователь, руководитель следственного органа, оперативные подразделения, процессуальная самостоятельность следователя

Для цитирования: Яшин А. В. Вопросы организации предварительного следствия в органах внутренних дел // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 1. С. 5–12. doi:10.21685/2072-3016-2021-1-1

**Issues of the organization of preliminary investigation
in the internal affairs**

A.V. Yashin

Penza State University, Penza, Russia

andrej.yaschin@yandex.ru

Abstract. *Background.* The solution of the tasks facing the employees of the internal affairs bodies carrying out the preliminary investigation of criminal cases depends on the correct

organization of their activities. Despite the fact that the work of investigative units is constantly being improved, investigators often face various problems in their work. This is largely due to their departmental affiliation, which significantly reduces the procedural independence in the investigation of crimes. The purpose of the work is to propose the most effective directions for organizing a preliminary investigation in the internal affairs bodies. *Materials and methods.* The article used scientific works on the problem under study, as well as regulatory legal acts and official statistical information. The methodological basis was the universal dialectical method of cognition. In addition, methods of analysis and synthesis, deduction and induction, statistical analysis and expert judgment were implemented. *Results.* In the course of the study, shortcomings in the organization of the preliminary investigation in the internal affairs bodies were revealed, which significantly reduce the effectiveness of the investigation of crimes. *Conclusions.* Based on the results obtained, recommendations are proposed for improving organizational work in the investigative units of the internal affairs bodies.

Keywords: organization of investigation, preliminary investigation, internal affairs bodies, investigator, head of the investigative body, operational divisions, procedural independence of the investigator

For citation: Yashin A.V. Issues of the organization of preliminary investigation in the internal affairs. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2021;1:5–12. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-1-1

Предварительное следствие, в соответствии с отечественным уголовно-процессуальным законодательством, является самостоятельной формой предварительного расследования уголовных дел. В юридической литературе верно отмечается, что решение задач, стоящих перед сотрудниками органов предварительного следствия, во многом зависит от организации их деятельности, которая, к сожалению, в последние годы оставляет желать лучшего [1, с. 199]. Несмотря на то что работа следственных подразделений постоянно совершенствуется [2, с. 20], следователи органов внутренних дел сталкиваются с различными проблемами в своей повседневной службе. Это связано с тем, что на следователей, входящих в структуру органов внутренних дел, уголовно-процессуальным законодательством возложена обязанность по производству расследования довольно значительного объема преступлений. Так, ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) нормативно определен перечень преступлений, подследственных следователям органов внутренних дел, количество которых существенно превышает число преступных деяний, подследственных следователям Следственного комитета и Федеральной службы безопасности Российской Федерации¹. Кроме того, ведомственная принадлежность следственных подразделений и их служебная подчиненность руководителям органов внутренних дел приводит к ограничению процессуальной самостоятельности следователей, что снижает эффективность расследования уголовных дел. В связи с этим исследование вопросов организации предварительного следствия в органах внутренних дел представляется актуальным, а также значимым в теоретическом и прикладном аспектах.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 8 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921 ; 2020. № 50. Ст. 8070.

По справедливому мнению Ю. А. Ляхова, несмотря на многочисленные реформирования следственных аппаратов в России, предварительное следствие сопровождается определенными недостатками, связанными с неудовлетворительной его организацией [3, с. 74–75]. Как правило, организация предварительного следствия начинается еще до возбуждения уголовного дела в связи с производством ряда процессуальных действий, необходимых для установления в тех или иных деяниях признаков события и состава преступления. Уголовно-процессуальным законодательством прямо предусмотрены такие действия, к которым относятся следственный осмотр, назначение и производство судебных экспертиз, получение образцов для сравнительного исследования. От правильной организации их проведения зачастую зависит эффективность раскрытия и расследования преступлений.

Как правильно отмечает О. О. Гуменчук, в ведомственных нормативных актах органов внутренних дел довольно подробно регламентируются действия каждого сотрудника, задействованного в следственно-оперативной группе при осмотре места происшествия, однако их работа порой не выдерживает никакой критики [4, с. 161]. Следует полагать, что это связано с несколькими негативными факторами. Так, в деятельность членов следственно-оперативной группы (в том числе следователей) нередко вмешиваются руководители органов внутренних дел, давая им указания по проведению как организационных, так и процессуальных мероприятий. Данное обстоятельство является недопустимым, поскольку в соответствии со ст. 38 УПК РФ следователь самостоятельно принимает решение о производстве следственных и иных процессуальных действий. В связи с этим весьма выверенным представляется мнение С. Б. Россинского, считающего, что следователь не только руководит следственным действием, но и отвечает за надлежащий порядок его проведения [5, с. 74–75]. Поддерживая данную точку зрения, В. М. Быков подчеркивает, что процессуальная самостоятельность следователя предполагает его абсолютную ответственность за качество расследования уголовных дел [6, с. 118].

Кроме того, сотрудники оперативных подразделений по самостоятельной инициативе либо по указанию своих руководителей эпизодически подменяют следователей при проведении отдельных видов следственного осмотра (трупа, предметов и документов и др.), мотивируя это тем, что органы дознания вправе производить неотложные следственные действия и возбуждать уголовные дела. С одной стороны, уголовно-процессуальное законодательство позволяет это делать, однако некомпетентность отдельных оперативных сотрудников в проведении процессуальных действий существенно снижает их качество.

Недоработки следственно-оперативной группы зависят также от формального похода к производству следственных осмотров. В частности, следователи не всегда принимают меры к обнаружению и изъятию необходимых следов и вещественных доказательств, что приводит к отсутствию доказательственной базы после возбуждения уголовных дел. Думается, что в целях улучшения организации и повышения эффективности проведения следственных осмотров следует проводить подробный инструктаж участников следственно-оперативных групп при заступлении их на дежурство. Кроме того,

руководителям следственных подразделений рекомендуется учитывать и анализировать изъятые с мест происшествия следы и вещественные доказательства, при необходимости направлять следственно-оперативные группы для производства дополнительных и повторных осмотров.

Немаловажное значение для расследования преступлений имеет правильная формулировка вопросов при назначении судебных экспертиз до возбуждения уголовных дел. В данном случае следователю необходимо более активно использовать непроцессуальные формы взаимодействия с экспертами. По этому поводу следует согласиться с А. И. Букуром, полагающим, что следователь, вынося постановление о назначении экспертизы, нередко испытывает трудности при постановке задач эксперту, вследствие чего нужно заранее с ним проконсультироваться [7, с. 59]. Думается, что такая консультация является довольно эффективным приемом, исключающим необходимость назначения повторных и дополнительных судебных экспертиз при дальнейшем расследовании уголовных дел.

После производства неотложных следственных действий перед следователем возникает задача организации возбуждения уголовного дела. Если следственные осмотры и другие необходимые процессуальные действия были произведены качественно и способствовали установлению достаточных данных, указывающих на признаки состава преступления, то уголовное дело может быть возбуждено сразу после окончания их проведения. Однако в ряде случаев возникает необходимость в дополнительной проверке заявления (сообщения) о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ, которую может проводить как следователь, так и орган дознания.

По поводу стадии возбуждения уголовного дела в юридической литературе встречаются противоречивые мнения. Так, Б. Я. Гаврилов критически оценивает данную стадию и полагает, что она не нужна уголовному судопроизводству в связи с затруднением доступа к правосудию и многочисленными процессуальными нарушениями (например, сокрытием преступлений от учета, принятием незаконных решений и т.п.) [8, с. 7–8]. Сторонники стадии возбуждения уголовного дела полагают, что она, напротив, необходима, так как данные, указывающие на признаки преступления, не всегда могут быть получены посредством первичной информации о совершенном деянии [9, с. 177]. Представляется, что следует согласиться с данным суждением, поскольку от правильной организации возбуждения уголовного дела будет зависеть успех всего проведенного расследования. Кроме того, стадия возбуждения уголовного дела, выступая гарантом законности и обоснованности принимаемых решений, может оградить следственные подразделения от необоснованной деятельности органов дознания [10, с. 23–24].

Так, уголовные дела порой возбуждаются по материалам результатов оперативно-розыскной деятельности. В этом случае следует солидаризироваться с А. Н. Гуциным, считающим, что результаты оперативно-розыскной деятельности являются важными сведениями для принятия решения о возбуждении уголовного дела [11, с. 157]. Тем не менее в практической деятельности органов внутренних дел встречаются факты фальсификации результатов проведенных оперативно-розыскных мероприятий в целях повышения показателей раскрываемости преступлений, что приводит к необоснованному возбуждению уголовных дел. К примеру, А. Н. Халиков, основываясь на

проведенных им исследованиях, отмечает, что практически ежедневно в Российской Федерации выносятся приговоры в отношении сотрудников оперативных подразделений за незаконные методы проведения оперативно-розыскных мероприятий [12, с. 16]. В целях выявления данных нарушений и пресечения необоснованного возбуждения уголовных дел руководителям следственных органов совместно со следователями следует тщательно изучать представленные оперативно-розыскные материалы, сопоставляя их с результатами, полученными в ходе проведения неотложных следственных действий.

Важной составляющей организации предварительного следствия в органах внутренних дел является надлежащее обеспечение расследования нераскрытых преступлений. По этому поводу А. А. Нечаев обоснованно пишет, что особое внимание следственным подразделениям надлежит обратить на организацию расследования преступлений, по которым виновное лицо не установлено, поскольку количество уголовных дел о нераскрытых преступлениях в последние годы довольно значительно [13, с. 83]. Так, согласно официальным статистическим сведениям, в 2019 г. удельный вес нераскрытых преступлений составил примерно 48 % [14, с. 7], что свидетельствует о недостаточной эффективности организации расследования уголовных дел данной категории.

Одной из проблем некачественного расследования уголовных дел о нераскрытых преступлениях является неравномерное их распределение руководителями следственных органов между подчиненными сотрудниками. Согласно проведенным исследованиям, в производстве одних следователей органов внутренних дел может находиться одновременно до 50 уголовных дел, а других – значительно меньшее их количество [15, с. 308]. В результате следователи не успевают проводить необходимый комплекс следственных действий по неочевидным уголовным делам и это приводит к тому, что преступления остаются нераскрытыми.

Кроме того, в процесс предварительного следствия могут вторгаться руководители органов внутренних дел либо оперативных подразделений, пытаясь навязать следователям «правильную», с их точки зрения, линию расследования. Такое вмешательство заключается в организации и проведении разнообразных совещаний, рабочих встреч следователей с руководителями и сотрудниками других подразделений, которые, как правило, проводятся формально и не приводят к положительным результатам. В отдельных случаях, нарушая Приказ МВД России от 9 января 2018 г. № 1¹, руководители органов внутренних дел и (или) оперативных подразделений запрашивают находящиеся в производстве следователей уголовные дела для проверки, оценивая принятые ими решения, а порой и давая следователям негласные указания по производству тех или иных процессуальных действий.

На основании изложенного надлежит констатировать, что в настоящее время следственные подразделения органов внутренних дел ограничены в процессуальной самостоятельности в силу ведомственного подчинения

¹ Об органах предварительного следствия в системе МВД России : приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 8 января 2018 г. № 1 // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 11.01.2021).

руководству органов внутренних дел различного уровня. Данное обстоятельство существенно препятствует надлежащей организации предварительного следствия и качественному выполнению следователями своих функций. В целях повышения эффективности деятельности следственных подразделений руководителям органов внутренних дел всех уровней и подчиненных им служб необходимо неукоснительно соблюдать требования Приказа МВД России от 9 января 2018 г. № 1. Руководителям следственных органов надлежит пресекать попытки оценивания процессуальных действий и решений следователей, дачи им указаний по расследованию уголовных дел лицами, не уполномоченными на то законом.

Надеемся, что вышеуказанные предложения и рекомендации по совершенствованию организации предварительного следствия в органах внутренних дел позволят повысить не только качество расследования преступлений, но и удельный вес их раскрываемости.

Список литературы

1. Снурницына Л. Г., Галченкова В. Ю., Шамрин А. В., Симушкин А. В. Организация предварительного следствия в системе МВД России // Достижения вузовской науки 2019 : сб. ст. по материалам XI Междунар. науч.-исслед. конкурса (г. Пенза, 5 декабря 2019 г.). Пенза : Наука и просвещение, 2019. С. 198–200.
2. Ширванов А. А. Следствие в системе правоохранительных ведомств государства (к 55-летию предварительного следствия в МВД) // Научный портал МВД России. 2018. № 2. С. 17–21.
3. Ляхов Ю. А. Об организации предварительного следствия в Российской Федерации // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью : сб. науч. тр. по материалам 4-й Всерос. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 26 октября 2018 г.). Краснодар : Кубанский гос. аграрный ун-т им. И. Т. Трубилина, 2019. С. 74–78.
4. Гуменчук О. О. Организация работы и взаимодействие сотрудников следственно-оперативной группы при проведении осмотра места происшествия // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар : Изд-во Краснодарского ун-та МВД России, 2016. С. 160–165.
5. Россинский С. Б. О полномочиях должностных лиц, осуществляющих следственные действия: вопросы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 8. С. 73–81.
6. Быков В. М. О процессуальной самостоятельности следователя в российском уголовном процессе // Право и государство: теория и практика. 2017. № 11. С. 112–118.
7. Букур А. И. О некоторых вопросах взаимодействия следователя и эксперта при назначении и производстве судебных экспертиз // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2017. № 17-1. С. 58–59.
8. Гаврилов Б. Я. Реалии и мифы возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 7–9.
9. Седукина О. Н. К вопросу о необходимости стадии возбуждения уголовного дела в современном российском уголовном судопроизводстве // Вестник института мировых цивилизаций. 2017. № 14. С. 173–178.
10. Яковлев М. М., Федоров И. К. К вопросу о понятии и значении стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе России // Проблемы науки. 2018. № 11. С. 22–25.

11. Гущин А. Н. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела и в доказывании по уголовным делам // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 4. С. 157–162.
12. Халиков А. Н. Проверка и оценка следователем результатов оперативно-розыскной деятельности при возбуждении уголовного дела // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития : сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), посвящ. 20-летию кафедры криминалистики (г. Краснодар, 28–29 сентября 2018 г.). Краснодар : Кубанский гос. аграрный ун-т им. И. Т. Трубилина, 2019. С. 16–21.
13. Нечаев А. А. Организация деятельности органов предварительного следствия по расследованию нераскрытых преступлений: проблемы и пути совершенствования // Труды академии управления МВД России. 2017. № 4. С. 83–86.
14. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года. М. : Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. 66 с.
15. Яшин А. В. Концептуальные основы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2018. 486 с.

References

1. Snurnitsyna L.G., Galchenkova V.Yu., Shamrin A.V., Simushkin A.V. Organization of preliminary investigation in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Dostizheniya vuzovskoy nauki 2019: sb. st. po materialam XI Mezhdunar. nauch.-issled. konkursa (g. Penza, 5 dekabrya 2019 g.) = Achievements of university science 2019: proceedings of the 11th International scientific and research contest (Penza, December 5, 2019)*. Penza: Nauka i prosveshchenie, 2019:198–200. (In Russ.)
2. Shirvanov A.A. Investigation in the system of state law enforcement agencies (to the 55th anniversary of the preliminary investigation in the Ministry of Internal Affairs). *Nauchnyy portal MVD Rossii = Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;2:17–21. (In Russ.)
3. Lyakhov Yu.A. On the organization of preliminary investigation in the Russian Federation. *Ugolovno-pravovye, ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie voprosy bor'by s prestupnost'yu: sb. nauch. tr. po materialam 4-y Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Krasnodar, 26 oktyabrya 2018 g.) = Criminal law, criminal procedure and forensic issues in the fight against crime: proceedings of the 4th All-Russian scientific and practical conference (Krasnodar, October 26, 2018)*. Krasnodar: Kubanskiy gos. agrarnyy un-t im. I. T. Trubulina, 2019:74–78. (In Russ.)
4. Gumenchuk O.O. Organization of work and interaction of employees of the investigative and operational group during the inspection of the incident's scene. *Kriminalistika i sudebno-ekspertnaya deyatel'nost' v usloviyakh sovremennosti: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. = Forensic science and forensic activity in modern conditions: proceedings of the 4th International scientific and practical conference*. Krasnodar: Izd-vo Krasnodarskogo un-ta MVD Rossii, 2016:160–165. (In Russ.)
5. Rossinskiy S.B. On the powers of officials carrying out investigative actions: issues of theory and practice. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2017;8:73–81. (In Russ.)
6. Bykov V.M. On the procedural independence of an investigator in Russian criminal procedure. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: theory and practice*. 2017;11:112–118. (In Russ.)
7. Bukur A.I. On some issues of interaction between an investigator and an expert in the appointment and production of forensic examinations. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami = Actual issues of combating crimes and other offenses*. 2017;17-1:58–59. (In Russ.)

8. Gavrilov B.Ya. Realities and myths of criminal procedure. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal procedure*. 2010;2:7–9. (In Russ.)
9. Sedukina O.N. On the issue of the necessity of the stage of initiation of a criminal case in modern Russian criminal proceedings. *Vestnik instituta mirovykh tsivilizatsiy = Bulletin of Institute of World Civilizations*. 2017;14:173–178. (In Russ.)
10. Yakovlev M.M., Fedorov I.K. On the issue of the necessity of a criminal case initiation in modern Russian criminal procedure. *Problemy nauki = Science issues*. 2018;11:22–25. (In Russ.)
11. Gushchin A.N. The use of the results of operational-search activities at the stage of initiating a criminal case and in proving in criminal cases. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;4:157–162. (In Russ.)
12. Khalikov A.N. Verification and assessment by the investigator of the operational-search results activities when initiating a criminal case. *Sovremennye problemy otechestvennoy kriminalistiki i perspektivy ee razvitiya: sb. nauch. st. po materialam Vseros. nauch.-prakt. konf. (s mezhdunar. uchastiem), posvyashch. 20-letiyu kafedry kriminalistiki (g. Krasnodar, 28–29 sentyabrya 2018 g.) = Modern problems of domestic forensic science and prospects for its development: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (with international participation) dedicated to the 20th anniversary of the sub-department of criminalistics*. Krasnodar: Kubanskiy gos. agrarnyy un-t im. I. T. Trubilina, 2019:16–21. (In Russ.)
13. Nechaev A.A. Organization of the activities of the preliminary investigation bodies to investigate unsolved crimes: issues and ways of improvement. *Trudy akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;4:83–86. (In Russ.)
14. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'-dekabr' 2019 goda = The state of crime in Russia in January-December 2019*. Moscow: Glavnyy informatsionno-analiticheskiy tsentr Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2020:66. (In Russ.)
15. Yashin A.V. *Kontseptual'nye osnovy preduprezhdeniya prestupleniy protiv uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva: dis. d-ra yurid. Nauk = Conceptual framework for the prevention of crimes against participants in criminal procedure: dissertation to apply for the degree of the doctor of juridical sciences*. Saratov, 2018:486. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Андрей Владимирович Яшин

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры правоохранительной
деятельности, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: andrej.yaschin@yandex.ru

Andrei V. Yashin

Doctor of juridical sciences, associate
professor, professor of the sub-department
of law enforcement, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Поступила в редакцию / Received 11.01.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 21.01.2021

Принята к публикации / Accepted 05.02.2021

УДК 342

doi:10.21685/2072-3016-2021-1-2

**Государственно-правовая безопасность
в свете глобальных этнических миграций
(сравнительное исследование на примере США и Германии)**

А. Ю. Саломатин

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

valeriya_zinovev@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Политика мультикультурализма, выдвинутая на рубеже XX–XXI столетий, ставит перед государствами реальный вопрос о сохранении государственно-правовой безопасности и этно-политической стабильности. Об этом, в частности, свидетельствует активизация движения «Жизнь черных имеет значение» в 2020 г. в США, а также спорная иммиграционная политика, проводимая Германией в 1960-е гг., которая, увы, не увенчалась полноценной интеграцией иммигрантов в немецкое общество. Целью статьи является проведение анализа миграционных потоков в США и Германии, а также анализ их влияния на демографическую, экономическую, интеллектуальную, этнокультурную безопасность в рамках государственно-правовой безопасности. *Материалы и методы.* Автор использует обширный историко-государствоведческий материал в области исследования миграционных процессов в США и Германии, данной статистики. Публикуется оригинальная авторская схема, демонстрирующая влияние процессов эмиграции и иммиграции на государственно-правовую безопасность стран-доноров и стран-рецидивов. *Результаты.* Проведен анализ миграционных процессов в США и Германии. Показано, что даже знаменитый американский «плавильный тигль», работавший в XIX–XX вв. достаточно эффективно, в XXI столетии не справлялся с задачами культурно-цивилизационной интеграции американского социума. В Германии, которая не имела богатого опыта проведения сдерживающе-поощрительной иммиграционной политики, как в США, возможности по встраиванию приезжих (прежде всего крайне агрессивных приверженцев исламского фундаментализма) еще более ограничены. *Выводы.* Для каждого конкретного государства миграция имеет свои плюсы и минусы. Однако прежде всего не достаточно регулируемая миграция является угрозой государственно-правовой безопасности – создает этнополитическую нестабильность. Не стоит возлагать надежды и на то, что миграция сможет решить такие общепланетарные проблемы, как бедность, голод и социально-экономическая отсталость.

Ключевые слова: государственно-правовая безопасность, миграционные потоки, иммиграция, эмиграция, мультикультурализм, иммиграционная политика США, иммиграционная политика Германии, оптимизация иммиграционного законодательства

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ № 20-011-00341 «Этнический фактор в развитии федеративных государств: мировой и российский опыт (сравнительное историко-государствоведческое и историко-правовое исследование)».

Для цитирования: Саломатин А. Ю. Государственно-правовая безопасность в свете глобальных этнических миграций (сравнительное исследование на примере США и Германии) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 1. С. 13–25. doi:10.21685/2072-3016-2021-1-2

State and legal security in conditions of global ethnic migration (a comparative study by the example of the USA and Germany)

A.Yu. Salomatin

Penza State University, Penza, Russia

valeriya_zinovev@mail.ru

Abstract. *Background.* The policy of multiculturalism, put forward at the turn of the 20th–21st centuries, raises before the states the real question of maintaining state and legal security and ethno-political stability. This is evidenced, in particular, by the activation of the Black Lives Matters movement in 2020 in the United States, as well as the controversial immigration policy pursued by Germany in the 1960s which, unfortunately, was not succeed with the full integration of immigrants into German society. The purpose of the research is to analyze the migration flows in the United States and Germany, as well as to analyze their impact on demographic, economic, intellectual, ethnocultural security within the framework of state and legal security. *Materials and methods.* The author uses extensive historical and state research statistics materials in the study of migration processes in the USA and Germany. An original author's scheme is published, which demonstrates the influence of emigration and immigration processes on the state and legal security of donor and recyclable countries. *Results.* The analysis of migration processes in the USA and Germany is carried out. It is shown that even the famous American “melting crucible”, which worked in the 19th–20th centuries quite effectively, in the 21st century it did not cope with the tasks of cultural and civilizational integration of the American society. In Germany, which did not have a wealth of experience in conducting a restraining and encouraging immigration policy, as in the United States, the possibilities for embedding newcomers (first of all, extremely aggressive adherents of Islamic fundamentalism) are even more limited. *Conclusions.* For each specific state, migration has its pros and cons. However, first of all, insufficiently regulated migration is a threat to state and legal security, creating ethno-political instability. One should not pin hopes on the fact that migration will be able to solve such planetary problems as poverty, hunger and socioeconomic backwardness.

Keywords: state and legal security, migration flows, immigration, emigration, multiculturalism, US immigration policy, German immigration policy, optimization of immigration legislation

Acknowledgments: the research was financed by the RFBR No. 20-011-00341 “Ethnic factor in the development of federal states: world and Russian experience (comparative historical-state and historical-legal research”.

For citation: Salomatin A.Yu. State and legal security in conditions of global ethnic migrations (a comparative study by the example of the USA and Germany). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2021;1:13–25. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-1-2

Важнейшей стороной государственно-правовой безопасности той или иной страны является складывающаяся в ней этно-политическая ситуация. В современном мире, подверженном мощным миграционным процессам, даже в странах, до того времени этнически однородных, складываются в результате притока зарубежных мигрантов многочисленные **проблемные этнические анклавы**. Пресловутая **политика мультикультурализма**, приветствующая этническое многообразие как идеалистическую гуманитарную

цель и допускающая сохранение за приезжими некоей «культурной самобытности», была выдвинута на рубеже XX–XXI столетий либералами-мондиалистами. Официально она была осуждена главами многих западных правительств после начала в 2008 г. мирового финансово-экономического кризиса [1–3]. Однако неофициально эта политика до сих пор находит поддержку среди влиятельной западной интеллектуальной элиты и СМИ. Ее пытаются сохранить вопреки очевидным провалам в административно-правовом инструментарии представители космополитически настроенных правящих кругов.

Перемещения людей по поверхности нашей планеты существовали с доисторических времен, но статистика их ведется только с XIX в. В условиях формирования мировой колониальной системы главными целями мигрантов были молодые государства Нового Света, которые осваивали выходцы из Европы (табл. 1).

Таблица 1

Иммиграция в страны Нового Света, 1851–1914 (в тыс. чел.) [4, р. 14]

Годы	Аргентина	Бразилия	Канада	США
1851–1860	–	122	–	2598
1861–1870	28	98	176	2315
1881–1890	842	530	887	5245
1891–1900	648	1144	341	3689
1901–1909	1765	695	1644	8796
1911–1914	966	581	1258	4133

США были наиболее популярны среди европейцев, и здесь этническая мозаика была наиболее пестрой. Уже в конце XVIII в. англичане доминировали среди населения (60,1 %), но в бывших английских колониях проживали также шотландцы и ирландцы (8,1 и 9,5 %), голландцы (3,1 %), французы (2,3 %), шведы (0,7 %). К середине XIX в. главными в потоке приезжих стали ирландцы и немцы, а в конце XIX в. многообразие мигрантов увеличилось за счет выходцев из Восточной Европы – прежде всего итальянцев и русских [5, р. 732–735]. Знаменитый **американский «плавильный тигль»** пока справлялся с задачей приведения различных этносов к некоему усредненному знаменателю на основе белого англоязычного протестантизма, но его возможности, как показал уже XX в., были не безграничны.

Следует признать, что после Второй мировой войны состав ищущих новую родину резко усложнился. В США, например, устремились переселенцы из Азии и Латинской Америки. **Государственно-правовая политика в отношении иммигрантов, отличавшаяся в свое время здоровым рестрикционизмом (в том числе и идеологическим), стала с 1960–1970-х гг. либерально-попустительской**, что имело негативные последствия. В частности, Закон об иммиграции 1965 г. отменил старую систему национальных квот и сделал акцент на «воссоединение семей». Как результат, со временем один иммигрант мог генерировать до 25 различных виз для членов семьи и это радикально изменило этнический состав Америки. Возросла также нелегальная иммиграция, с которой правительство без большого успеха пыталось бороться путем введения юридической ответственности работодателей и

с помощью проведения иммиграционных амнистий. Вопиющим по своей недальновидности мероприятием стало проведение в 1990-е гг. иммиграционных лотерей с целью увеличить «культурное многообразие» США за счет приезжих.

Акт международного терроризма, каковым стали события 11 сентября 2001 г., нарушил благостное восприятие иммиграционной ситуации в США. **Межпартийный консенсус в иммиграционном вопросе оказался подорван.** Общественное мнение в ряде штатов (Калифорнии и Аризоне) на референдумах в 1994 и 2004 г. выступило за рестрикционные меры в отношении нелегалов.

Демократам в силу сопротивления республиканцев в Конгрессе так и не удалось принять значимого нового иммиграционного закона. В период президентства республиканца Дж. Буша младшего Белому дому, симпатизировавшему иммиграционной реформе, было сложно решительно выразить свои предпочтения из-за нежелания обидеть консервативных однопартийцев. Межпартийные по своей сути законопроекты провалились в Сенате летом 2007 г. [6, с. 112–118].

При администрации демократа Б. Обамы власти выступали формально с двух позиций – нативистской, т.е. рестрикционной, патриотической, и либеральной гуманистической. В своей книге «Дерзость надежды» президент попытался в самой осторожной форме подыграть антииммиграционным настроениям, указывая, что его охватывает патриотическое негодование, когда он видит море мексиканских флагов, или что он чувствует свою беспомощность, не будучи способным без переводчика понять автослесаря-иностранца [7, р. 266–269]. Однако Обама не вполне искренен: ведь он готов предоставить гражданство иммигрантам-нелегалам, сумевшим доказать, что они проживают в США не менее 5 лет, заплатить штраф и сдать экзамен на знание английского языка и истории [6, с. 123]. Не слишком ли это простой путь для легализации нарушителей иммиграционного законодательства?

Начало мирового финансово-экономического кризиса в 2008 г. отвлекло внимание Белого дома и Конгресса от иммиграционной реформы. Однако в 2010 г. ее сторонники попытались реанимировать вопрос. В частности, вопреки негативной реакции общественного мнения уже после выборов в Конгресс через нижнюю палату прошел билль, чтобы быть проваленным в верхней палате, о нелегальных несовершеннолетних иммигрантах. В то же время либерально настроенной федеральной судебной власти удалось заблокировать инициативу законодателей штата Аризона о жестком контроле за нелегалами с 14 лет и их наказании [6, с. 139–140].

Летом 2012 г., в канун президентских выборов, Обама принял указ «Отложенная депортация для въехавших детьми» (Deferred Action for Childhood Arrivals – DACA), который предоставлял нелегальным иммигрантам, соответствующим определенным строгим критериям, рабочие визы на два года с возможностью их продления. «В связи с тем, что ДАСА не закон, а указ, лица, которые получают по нему рабочие визы, не будут иметь права претендовать на получение гражданства. Но даже в таком случае указ значительно облегчил жизнь более миллиону нелегальных иммигрантов, многие из которых не помнят свою родину и не представляют себе другого дома, кроме США» [6, с. 145–146].

Между тем очередная перепись населения, проведенная в 2010 г., показала дальнейшее размывание белой, англоязычной, протестантской Америки. Из 309 млн граждан белые составляли только 72 %. Этот показатель был критически низким (т.е. чуть превышал половину или даже ниже ее) во многих штатах: на Юге, Дальнем Западе, Атлантическом побережье (табл. 2).

Таблица 2

Этнорасовый состав населения отдельных штатов США
по переписи 2010 г., в процентах

Штаты	Этнорасовый состав			
	Европейцы	Афроамериканцы	Испаноязычные	Азиаты
Вермонт	93	1	2	2
Западная Вирджиния	93	4	1	1
Мэн	94	1	2	1
Нью-Хэмпшир	91	1	4	3
Калифорния	37	5	39	14
Нью-Мексико	37	2	49	1
Техас	42	12	40	5
Нью-Йорк	55	14	19	9
Нью-Джерси	55	13	21	10
Джорджия	53	31	10	4
Флорида	54	15	26	3

Удивительно, насколько разными могут быть штаты по составу своего населения, как, например, практически гомогенные Мэн, Нью-Хэмпшир, Вермонт, Западная Вирджиния и практически **этнодуалистические** Калифорния, Нью-Мексико, Техас. Неудивительно, что примерами повышенной гетерогенности являются космополитичные Нью-Йорк и Нью-Джерси, но симптоматично, что повышенно усложненный состав населения свойственен некоторым когда-то закрытым штатам глубокого Юга – Флориде и Джорджии [8, с. 227–228].

Тревожным для американской элиты является тот факт, что возрастает число графств с доминированием испаноязычного населения, афроамериканцев или других небелых этнических групп. Таких графств особенно много на Юге и Юго-Западе США (в частности, в Техасе, Калифорнии, Миссисипи).

В целом на Юге особенно мало белых (около 35 % населения) и больше всего афроамериканцев (около 55 % общей численности чернокожего населения США). Запад представляет из себя наиболее пеструю этнорасовую мозаику: здесь живут 46 % лиц азиатского происхождения, индейцы, эскимосы, гавайцы, потомки от смешивания различных рас. На Среднем Западе преобладает белое население (до 85 %). На Северо-Востоке также немало «миноритарных» этнических групп [9, с. 84–85].

Иммигранты, как и в конце XIX в., вновь составляют весьма внушительную долю населения – 13,6 % (в 1970 г. – только 4,7 %). Почти половина

из 44,4 млн приезжих размещается в Калифорнии, Техасе и Нью-Йорке. Они концентрируются в 20 крупнейших мегаполисах – прежде всего в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и Майами. Более 1 млн человек прибывает каждый год в США. В 2017 г. 126 тыс. добрались из Индии, 124 тыс. – из Мексики, 121 тыс. – из Китая, 41 тыс. – с Кубы [10].

Республиканская администрация Д. Трампа приняла разумные, но пока еще малоуспешные усилия, чтобы как-то купировать либеральные издержки предшествующей иммиграционной политики. Еще в ходе президентской кампании 2016 г. он пообещал достроить сплошную стену на границе с Мексикой и переоснастить уже ранее выстроенный ее участок в 1000 км. Он предложил прекратить негодную политику «поймай и отпусти» в отношении нелегальных иммигрантов, которых ловили и откладывали депортацию, отправляя во временные центры, где они могли обратиться к адвокату и ожидать месяца апелляции по своему делу. В случае переполненности центров нелегалов могли отпустить с предписанием самостоятельно покинуть территорию США. Трамп также настаивал на немедленной депортации без апелляции нелегалов – нарушителей закона, для чего передать федеральные полномочия правоохранительным органам штатов. Он же предлагал прекратить федеральное финансирование «городов-убежищ» – крупных мегаполисов, чьи власти по эгоистическим политиканским соображениям отказывались от сотрудничества с федеральным центром в поиске нелегалов. Кандидат в президенты был готов отменить обамовский указ ДАСА и ввести запрет на выдачу виз в некоторых странах [11].

Выиграв выборы, **Трамп столкнулся с саботажем на разных условиях власти.** Неоднократно федеральные судьи блокировали указы президента об ограничении иммиграции из мусульманских стран, представляющих угрозу терроризма, и только третьей, уточненной и ослабленной версией запрета Верховный Суд США разрешил вступить в силу 4 декабря 2017 г. Неудача преследовала Трампа и с отменой обамовского указа ДАСА. Верховный Суд США в феврале 2018 г. фактически с ней не согласился. Однако администрация сумела претворить в жизнь часть ограничительных мер с помощью своих бюрократических возможностей. Например, «был значительно замедлен процесс получения виз для “воссоединения семей” и натурализации иммигрантов, служивших в армии США, снизилось общее число разрешений на выезд беженцев, а также был ограничен круг лиц, имеющих право на получение самой распространенной временной рабочей визы – 1В» [6, с. 187].

Социально-политическая обстановка в США стремительно меняется. В последнее десятилетие появился даже особенный термин – «фрагментированный федерализм», что указывает на высокий уровень дифференциации между штатами и федеральным центром в подходах к практической политике [12, с. 131]. Страна расколота между консерваторами-патриотами и либералами-космополитами. Причем последние не стесняются и не боятся использовать экстремистские этно-расовые силы.

Резкая активизация движения «Жизнь черных имеет значение» в 2020 г. показала всю пагубность для государственно-правовой безопасности недостаточно контролируемой иммиграции в прошлом. Протесты против произвола полиции время от времени происходили в США и в прошлом, но тогда они носили локальный, эпизодический характер. В настоящее время они приобрели вид повсеместной расово-иммиграционной войны. В них участвуют,

видимо, не только коренные американцы, но и приезжие или их непосредственные потомки, не разделяющие традиционные ценности белой Америки.

Германия, в отличие от США, долгое время не сталкивалась с феноменом иммиграции. Из Германии в течение XVIII – первой половины XX в. некоторые немцы уезжали – прежде всего в Новый Свет, но Германия до 1950-х гг. никого не принимала. Дополнительные рабочие руки понадобились только после Второй мировой войны для восстановления экономики и реализации немецкого «экономического чуда».

В 1955 г. между Германией и Италией было подписано первое соглашение о вербовке сезонных итальянских рабочих для сельского хозяйства. Аналогичные соглашения вскоре были заключены с Испанией (1960), Грецией (1960), Турцией (1961), Марокко (1963), Португалией (1964), Тунисом (1965) и Югославией. При этом иностранные граждане воспринимались немцами как временное явление: они, в основном мужчины, выезжали на период от одного до двух лет, а затем предполагалось их возвращение на родину.

Однако **вскоре ротационный принцип перестал работать и это привело к пагубным последствиям для внутренней социальной стабильности**. После года трудовой деятельности работники получили право выписывать себе семьи. В результате к началу 1970-х гг. в ФРГ из 4 млн иностранцев только две трети были рабочими, остальные составляли их дети и другие члены семьи.

На фоне обострения международных проблем в конце 1980-х гг. резко возрос поток лиц, претендующих на переезд в Германию по основаниям гуманизма: «С 1988 г. по 1993 г. свыше 1,4 млн человек из Турции и восточноевропейских стран подали прошение о предоставлении им убежища в Германии. Еще 350 тыс. беженцев из районов военных действий на территории бывшей Югославии нашли временное прибежище в Германии, не проходя процедуру подачи ходатайства о предоставлении политического убежища» [13, с. 72].

Как и в США, в Германии в условиях благополучных 1980-х гг. распространяется **идеология мультикультурализма**, что находит отражение и в правительственных установлениях. В 1988 г. принимается «**Программа интеграции переселенцев**» (Программа Коля), которая исходила из весьма спорной мысли, что не только приезжие должны «подстраиваться» под быт и культуру новой страны проживания, но и что коренные жители обязаны быть информированы о социальных традициях приезжих.

И все же в 1990-е гг. наивно либеральные настроения в отношении иммигрантов сменились настороженностью. При этом были введены известные ограничения для лиц, злоупотреблявших правом политического убежища, но зато поощрялось возвращение в страну этнических немцев. Вступивший в силу с 1 января 2005 г. новый Закон об иммиграции заменил существовавшие до этого пять форм видов на жительство двумя. Он же оговорил возможность в течение одного года подыскать себе место работы иностранным студентам. Высококвалифицированные специалисты, работающие в сфере компьютерных технологий, получали бессрочный вид на жительство. В то же

время ужесточили правила отъезда в страну для лиц с низкой квалификацией. Прибывшие в страну побуждались пройти специальные интегративные курсы в виде занятий по немецкому языку и германской истории и культуре (соответственно 600 и 30 учебных часов) [14, с. 58].

Показательно, что к концу первого десятилетия XXI столетия у некоторых в Германии и за ее пределами стало возникать ощущение, что состав мигрантов изменился. В связи с вступлением в Евросоюз 10 новых стран начал нарастать поток приезжих из Восточной Европы, имеющих более высокую профессиональную квалификацию. Однако усугубилась проблема признания зарубежных дипломов, что заставило в 2011 г. принять специальный закон и установить право на оценку около 350 нерегламентированных ранее специальностей [15, с. 39–44].

Большой общественный резонанс в Германии вызвал выход книги видного деятеля социал-демократической партии Германии Тило Саррацина «Германия. Самоликвидация». Смертельный приговор Германии, по его мнению, вынесла недолжная демографическая социальная, миграционная, образовательная политика, проводимая властями ФРГ.

В результате этого, согласно микропереписи 2007 г., в Германии живет свыше 15 млн граждан с миграционной историей (табл. 3).

Таблица 3

Этническое происхождение граждан Германии
с миграционной историей на начало XXI в. [15, с. 57]

Происхождение	Численность		Средний возраст
	в тыс. человек	удельный вес в процентах	
Репарианты	3962	4,7	37
Турция	2812	3,4	27
Европейский Союз	1907	2,3	35
Южная Европа	1527	1,8	34
Бывшая Югославия	1146	1,4	32
Дальний Восток	734	0,9	29
Ближний Восток	542	0,6	27
Африка	502	0,6	28
Прочие (нет данных)	2742	3,3	–
Коренные жители	67 682	81,0	44
Население в целом	83 558	100	–

Наибольшее беспокойство для государства и общества представляли выходцы из мусульманских стран, чей удельный вес составлял 25–40 %. В то же время на долю этой группы приходилось 70–80 % проблем иммиграционного сообщества в сфере образования, рынка труда, трансфертных валют и криминалитета [16, с. 231].

Красноречиво об этих проблемах свидетельствуют следующие данные: «Население турецкого происхождения составляет среди выпускников немецкого среднего образования самую высокую долю неокончивших школу

(30 %) и самую низкую долю тех, кто получает право поступления в вузы (14 %). И еще: за счет трансфертных социальных выплат в Германии живут только 8 % коренного населения, 12 % выходцев из бывшего СССР, но 16 % мигрантов турецкого происхождения и 24 % мигрантов из африканских стран» [16, с. 59].

Книга Т. Саррацина предвосхитила масштабный иммиграционный кризис 2015 г., когда в страну прибыло не менее 1,1 млн беженцев. Общественное мнение раскололось примерно пополам на сторонников и противников беспрецедентной иммиграции, а внутри правящей партии «Христианско-демократический союз в Германии» / «Христианско-социальный союз в Баварии» (ХДС/ХСС) усилилось давление на канцлера А. Меркель по поводу ее, мягко говоря, неудачной, попустительской иммиграционной политики. Стали обсуждаться первые антииммиграционные ограничения: например, «отмена ограничений на депортацию, в том числе в зимний период, запрет на извещение о дате высылки, облегчение депортации лиц, ссылающихся на медицинские показания», предоставление денежных средств (670 евро в месяц) только зарегистрированным беженцам в лагере первичного приема и только в первый месяц пребывания и т.д. [17, с. 28–29].

Параллельно с ограничениями была предпринята попытка интеграции мигрантов в немецкое общество, начиная с детского возраста. Например, исходя из того, что в 2006–2015 гг. число не говорящих по-немецки детей из семей мигрантов выросло в три раза, федеральные власти выделили 1 млрд евро на программу «Язык в детских садах. Ключ, открывающий мир». Для родителей же правительство выпустило специальные переведенные на 15 языков пособий в виде брошюр, видеофильмов и курсов, где даются методические рекомендации по обучению детей немецкому языку [18, с. 61].

Увы, все это паллиативные меры, а сверхооптимистические расчеты на экономическую выгоду от миграции построены на песке. По данным государственных агентов, «только 21 % из тех, кто получил убежище в 2013 г., устроились на полноценную работу до 2016 г., а среди потока мигрантов, прибывших в страну в 2015 г., в следующем 2016 всего 5 % устроились на работу». По оценкам германского иммиграционного чиновника, «до трех четвертых иммигрантов в стране еще как минимум пять лет будут безработными, а многим понадобится даже десять лет до полной интеграции в немецкое общество» [19, с. 76–77].

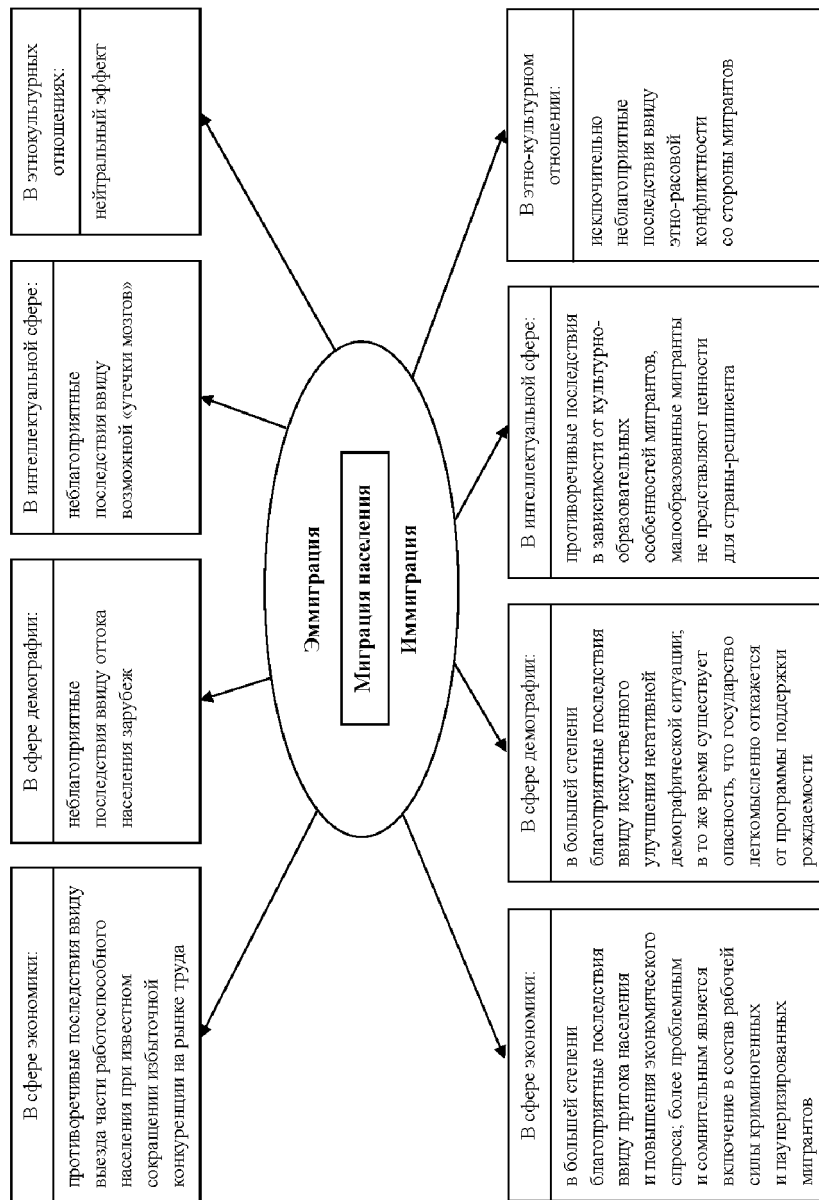
В целом же в Германии, которая, в отличие от США, не имела богатого опыта проведения сдерживающе-поощрительной иммиграционной политики, возможности по встраиванию приезжих (прежде всего крайне агрессивных приверженцев исламского фундаментализма) являются еще более ограничены.

Миграция, как справедливо полагают специалисты, может оказывать влияние на государственно-правовую безопасность по многим направлениям. Можно говорить в связи с этим о ее влиянии на демографическую, экономическую, интеллектуальную, этнокультурную безопасность [20, с. 55–187].

При этом очень важно иметь в виду принципиально различное воздействие миграционных процессов на страну, которую мигранты покидают (эмиграция), и страну, в которую мигранты пребывают (иммиграция) (схема 1).

Схема 1

Влияние миграционных процессов на государственно-правовую безопасность стран-доноров и стран-реципиентов

В целом как для стран-доноров миграции, так и для стран-реципиентов существуют свои благоприятные и неблагоприятные, а также противоречивые и даже нейтральные последствия. Их надо тщательно взвешивать для каждой ситуации.

Утверждение о том, что «иностранные мигранты не только перераспределяют, но и создают богатство, причем нередко активнее, чем местные граждане» [21, с. 31], является полуправдой. Здесь надо разбираться с каждым конкретным случаем, принимая во внимание состав мигрантов и обстоятельства их прибытия. Мы должны понимать, что нет никакой гарантии, что все приезжие добросовестно выйдут на рынок труда, а не уйдут в криминальные структуры.

Совершенно справедлив тезис о том, что «в глобализирующемся мире капитал и товары могут перемещаться свободно, но совершенно немыслимо, чтобы это правило распространялось и на рабочую силу, ибо к ней привязаны семьи, общества и народы». С помощью миграции, увы, нельзя решить проблемы бедности, голода и социально-экономической отсталости на нашей планете. Ведь действительно «сегодня невозможно и на самую малость уменьшить проблему населения Африки или Ближнего Востока, даже приняв в Европу 100 или 200 млн мигрантов» [16, с. 227].

Список литературы

1. Меркель А. Попытки построить мультикультурное общество в Германии полностью провалились // РБК. 2010. 17 октября. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20101017070445.shtml>
2. Британский премьер осудил политику мультикультурализма // Лента.ру. 2011. 5 февраля. URL: <http://www.lenta.ru/news/2011/02/05/multicult/>
3. Саркози признал провал мультикультуризма // Лента.ру. 2011. 11 февраля. URL: <http://lenta.ru/news/2011/02/11/fail>
4. Nugent W. The Great Transatlantic Migrations. 1870–1914. Bloomington, 1992. P. 14.
5. 12th Census of the US // Census Reports. 1901. Vol. 1. P. 732–735.
6. Филиппенко А. А. Иммиграционная политика США. Очерки истории. М., 2018. С. 112–118.
7. Obama B. The Audacity of Hope. N. Y. : There Rivers Press, 2006. P. 266–269.
8. Саломатин А. Ю., Макеева Н. В., Наквакина Е. В., Корякина А. С., Миряева Ж. А. Этнический федерализм. Энциклопедический иллюстрированный словарь / под ред. проф. А. Ю. Саломатина. М. : РИОР, 2020. С. 227–228.
9. Саликов М. С., Гончаров М. В. Этничность. Культура. Государственность. Проблемы этнического федерализма в XXI в. : монография / под ред. М. С. Саликова. Екатеринбург, 2014. С. 84–85.
10. Radford J. Key findings about US immigration. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/06/17/key-findings-about-u-s-immigrants/>
11. Immigration reform that will make America Great Aggin // Donald J. Trump official site. URL: <http://amctrump.org/2016/03/16/immigration-reform-that-will-make-america-great-again/>
12. Гуляков А. Д. Федерализм: механизм возникновения и основные направления развития: историко-государствоведческое исследование : монография. М. : РИОР : ИНФРА-М, 2020. С. 131.
13. Петелин Б. В., Кожевников В. В. Особенности миграционной политики ФРГ // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 4. С. 72.
14. Карачурина Л. Иммиграционная политика Германии: успешный и неуспешный опыт // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 7. С. 58.

15. Романова Е. В. Смена миграционной парадигмы в Германии в XXI веке // Миграционные проблемы в Европе и пути их решения : монография. М. : Ин-т Европы РАН, 2015. С. 39–44. (Доклады Института Европы ; № 315).
16. Саррацин Т. Германия. Самоликвидация. М. : АСТ, 2013. С. 57.
17. Тимошенкова Е. П. Особенности партийно-политического развития ФРГ и миграционный кризис 2015–2016 гг. // Трансформация партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза в условиях кризиса : в 2 ч. М. : Ин-т Европы РАН, 2017. Ч. 1. С. 28–29. (Доклады Института Европы ; № 337).
18. Кучеров М. Ю. Миграционный кризис в Германии: нагрузка или инвестиции в будущее? // Власть. 2020. № 4. С. 61.
19. Щупленков Н. О., Щупленков О. В. Политика замещающей миграции в Германии // Этносоциум. 2020. № 3 (141). С. 76–77.
20. Миграция и безопасность в России / под ред. Г. Битковской, С. Панарина. М., 2000. С. 55–187.
21. Карпова Н. С. Социокультурные и экономические аспекты трансграничной миграции. Плюсы и минусы для конкурентоспособности принимающих стран // Глобальные и региональные аспекты миграционных процессов / отв. ред. А. А. Громыко. М. : Ин-т Европы РАН, 2019. С. 31.

References

1. Merkel' A. Attempts to build a multicultural society in Germany have completely failed. *RBC*. 2010. 17 Oct. Available at: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20101017070445.shtml> (In Russ.)
2. British Prime Minister condemned the policy of multiculturalism. *Lenta.ru*. 2011. 5 Febr. Available at: <http://www.lenta.ru/news/2011/02/05/multicult/> (In Russ.)
3. Sarkozy admits the failure of multiculturalism. *Lenta.ru*. 2011. 11 Febr. Available at: <http://lenta.ru/news/2011/02/11/fail/> (In Russ.)
4. Nugent W. *The Great Transatlantic Migrations. 1870–1914*. Bloomington, 1992:14.
5. 12th Census of the US. *Census Reports*. 1901;1:732–735.
6. Filippenko A.A. *Immigratsionnaya politika SShA. Ocherki istorii = USA immigration policy. History essays*. Moscow, 2018:112–118. (In Russ.)
7. Obama B. *The Audacity of Hope*. New York: There Rivers Press, 2006:266–269.
8. Salomatin A.Yu., Makeeva N.V., Nakvakina E.V., Koryakina A.S., Miryaeva Zh.A. *Etnicheskiy federalizm. Entsiklopedicheskiy illyustrirovannyi slovar' = Ethnic federalism. Encyclopedic illustrated dictionary*. Moscow: RIOR, 2020:227–228. (In Russ.)
9. Salikov M.S., Goncharov M.V. *Etnichnost'. Kul'tura. Gosudarstvennost'. Problemy etnicheskogo federalizma v XXI v.: monografiya = Ethnicity. Culture. Statehood. Problems of ethnic federalism in the 21st century: a monograph*. Ekaterinburg, 2014:84–85. (In Russ.)
10. Radford J. *Key findings about US immigration*. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/06/17/key-findings-about-u-s-immigrants/>
11. Immigration reform that will make America Great Again. *Donald J. Trump official site*. Available at: <http://amctrump.org/2016/03/16/immigration-reform-that-will-make-america-great-again/>
12. Gulyakov A.D. *Federalizm: mekhanizm vozniknoveniya i osnovnye napravleniya razvitiya: istoriko-gosudarstvovedcheskoe issledovanie: monografiya = Federalism: the mechanism of origin and the main directions of development: historical and state studies: a monograph*. Moscow: RIOR: INFRA-M, 2020:131. (In Russ.)
13. Petelin B.V., Kozhevnikov V.V. Features of the migration policy of Federal Republic of Germany. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Cherepovets State University*. 2014;4:72. (In Russ.)

14. Karachurina L. German immigration policy: successful and unsuccessful experiences. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World economy and international relations*. 2008;7:58. (In Russ.)
15. Romanova E.V. Change of the migration paradigm in Germany in the 21st century. *Migratsionnye problemy v Evrope i puti ikh resheniya: monografiya = Migration problems in Europe and ways to solve them: a monograph*. Moscow: In-t Evropy RAN, 2015:39–44. (European Institute reports; No. 315). (In Russ.)
16. Sarratsin T. *Germaniya. Samolikvidatsiya = Germany. Self-destruction*. Moscow: AST, 2013:57. (In Russ.)
17. Timoshenkova E.P. Features of the party-political development of the Federal Republic of Germany and the migration crisis of 2015–2016. *Transformatsiya partiynno-politicheskogo landshafta v stranakh Evrosoyuza v usloviyakh krizisa: v 2 ch. = Transformation of the party-political landscape in the EU countries during the crisis: in 2 parts*. Moscow: In-t Evropy RAN, 2017;1:28–29. (European Institute reports; No 337). (In Russ.)
18. Kucherov M.Yu. The migration crisis in Germany: an effort or an investment in the future? *Vlast'*. 2020;4:61. (In Russ.)
19. Shchuplenkov N.O., Shchuplenkov O.V. Replacement migration policy in Germany. *Etnosotsium*. 2020;3(141):76–77. (In Russ.)
20. Bitkovskaya G., Panarin S. (eds.) *Migratsiya i bezopasnost' v Rossi = Migration and security in Russia*. Moscow, 2000:55–187. (In Russ.)
21. Karpova N.S. Socio-cultural and economic aspects of cross-border migration. Pros and cons for the competitiveness of host countries. *Global'nye i regional'nye aspekty migratsionnykh protsessov = Global and regional aspects of migration processes*. Moscow: In-t Evropy RAN, 2019:31. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Алексей Юрьевич Саломатин

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории
государства и права и политологии,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: valeriya_zinovev@mail.ru

Aleksey Yu. Salomatina

Doctor of juridical sciences, professor,
head of the sub-department of theory
of state and law and political science,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Поступила в редакцию / Received 27.10.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.11.2020

Принята к публикации / Accepted 10.12.2020

УДК 342.724 (73)

doi:10.21685/2072-3016-2021-1-3

Расовый фактор в решениях Верховного Суда США по избирательным спорам

М. Ю. Емелин¹, Б. В. Николаев²

¹Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Пензе, Пенза, Россия

²Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹mikhemelin@yandex.ru, ²nikolboris@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Вопросы обеспечения равноправия и преодоления последствий расовой дискриминации представляют собой один из ключевых элементов современной правовой системы США. Участвуя во всех сферах общественной жизни, они находят отражение и в реализации избирательных прав граждан, приобретая особое толкование, отличное от общепринятого подхода. Предметом исследования выступают общественные отношения, возникающие при реализации избирательных прав граждан, вне зависимости от расовой и национальной принадлежности. Цель работы – проанализировать подход Верховного Суда США по избирательным спорам и выявить место расового фактора в подобных делах. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа законодательства и судебной практики США. *Результаты.* Исследованы решения Верховного Суда США по избирательным спорам, взаимодействие позиции по ним с доктриной аффирмативных действий. *Выводы.* Несмотря на занимающую существенное место в практике высшего судебного органа доктрину аффирмативных действий, Верховный Суд США в вопросах реализации избирательных прав исключает фактор расы, в том числе позитивный.

Ключевые слова: дискриминация, аффирмативные действия, избирательное право

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31773.

Для цитирования: Емелин М. Ю., Николаев Б. В. Расовый фактор в решениях Верховного Суда США по избирательным спорам // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 1. С. 26–31. doi:10.21685/2072-3016-2021-1-3

Racial factor in US Supreme Court decisions on electoral disputes

M.Yu. Emelin¹, B.V. Nikolaev²

¹Moscow University named after S.Yu. Witte (Penza branch), Penza, Russia

²Penza State University, Penza, Russia

¹mikhemelin@yandex.ru, ²nikolboris@yandex.ru

Abstract. *Background.* The issues of ensuring equality and overcoming the consequences of racial discrimination are one of the key elements of the modern US legal system. Participating in all aspects of public life, they are reflected in the implementation of the electoral rights of citizens, acquiring a special interpretation that is different from the generally accepted approach. The subject of the research is social relations arising from the exercise of the electoral rights of citizens, regardless of race and nationality. The purpose of the

research is to analyze the approach of the US Supreme Court to electoral disputes and to identify the place of the racial factor in such cases. *Materials and methods.* The implementation of the research tasks was achieved on the basis of an analysis of US legislation and judicial practice. *Results.* The decisions of the US Supreme Court on electoral disputes, the interaction of the position on them with the doctrine of affirmative actions are investigated. *Conclusions.* Despite the doctrine of affirmative actions, which occupies an essential place in the practice of the highest judicial body, the US Supreme Court excludes the factor of race, including the affirmative, in matters of exercising electoral rights.

Keywords: discrimination, affirmative actions, electoral law

Acknowledgments: the reported study was funded by RFBR and EISR within the research project No. 20-011-31773.

For citation: Emelin M.Yu., Nikolaev B.V. Racial factor in US Supreme Court decisions on electoral disputes. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2021;1: 26–31. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-1-3

Проблема обеспечения равноправия, «равных возможностей для всех людей является, пожалуй, государствообразующей или национальной идеей для североамериканского государства» [1]. Вопросы равноправия в Соединенных Штатах Америки в настоящее время приобретают совершенно новое звучание. Несмотря на продолжительную историю преодоления расовых и национальных противоречий, они до настоящего времени остаются нерешенными. Переход от сегрегации к доктрине позитивной дискриминации, характеризующей последние десятилетия общественной жизни США, не является конечной точкой развития отношений национальных и расовых меньшинств. Сама проблема оценки содержания, форм и методов реализации принципа позитивной дискриминации, по оценкам специалистов, остается противоречивой и незавершенной, а Верховный Суд США так и не смог сформулировать в этой связи согласованную последовательную и единую позицию [2].

Особые оттенки эта проблематика приобретает в сфере избирательного права, проявляя отсутствие четко определенного направления развития правоотношений и противоречивую позицию высшей судебной инстанции.

На современном этапе государственно-правового развития в избирательном праве США отмечаются две тенденции: расширение вовлеченности избирателей посредством большей информированности; создание единой базы данных избирателей в целях исключения незаконного голосования [3].

Вопросы преодоления расовой дискриминации также занимают важное место в избирательном законодательстве и судебной практике. Ключевым делом последней декады, безусловно, стало дело *Shelby County v. Holder*.

Раздел 4 Закона об избирательных правах 1965 г. предусматривал формулу, согласно которой штаты, которые использовали различные процедуры, создававшие препятствия для голосования, и имели низкую регистрацию или явку избирателей в 1960-х и начале 1970-х гг., не имели права самостоятельно вносить изменения в процедуры голосования. Они должны были получить одобрение со стороны федеральных органов государственной власти, которое стало известно как «предварительное разрешение».

Первоначально срок действия формулы и требования о предварительном разрешении истекал через пять лет, но Закон неоднократно пересматривался. В 2006 г. действие Закона было продлено еще на 25 лет, но формула не

изменилась. Распространение правила о предварительном разрешении по-прежнему зависело от того, проводился ли в штате тест на голосование в 1960-х или 1970-х гг. и был ли в то время низкий уровень регистрации или явки избирателей.

Заявитель по делу *Shelby County v. Holder* указывал, что действующее избирательное законодательство допускает значительное отклонение от основных конституционных принципов. В частности, требование о необходимости утверждения актов штатов со стороны федеральной власти открыто противоречит принципу разграничения полномочий в контексте децентрализованного американского федерализма. Кроме того, применение закона только к девяти штатам имеет явным образом избирательный характер и нарушает принцип равноправия.

Верховный Суд США так описал необходимость введения подобных ограничений: «В 1966 году эти отклонения были оправданы “болезнью расовой дискриминации при голосовании”, которая “заражала избирательный процесс в некоторых частях страны на протяжении почти столетия”. По мнению Суда, эта формула имела смысл в качестве “способа увязать осуществление беспрецедентной власти с проблемой, которая ее оправдывала”. Действие закона ограничивалось штатами, в которых Конгресс обнаружил “доказательства фактической дискриминации при голосовании”. К таким “доказательствам” относились “использование специальных тестов и процедур при регистрации избирателей, а также явное снижение явки избирателей (процент участия избирателей на президентских выборах 1964 года был на 12 пунктов ниже, чем общенациональные показатели)” [4].

В заключение Суд пришел к выводу о кардинальных изменениях в течение прошедшего столетия. «Во многом из-за Закона об избирательных правах явка избирателей и количество регистраций в охватываемых юрисдикциях теперь приближаются к паритету. Откровенно дискриминационные уклонения от федеральных указов редки. А кандидаты из числа меньшинств занимают должности на высоком уровне. Тесты и процедуры, блокирующие доступ к бюллетеням, запрещены по всей стране более 40 лет» [4].

Верховный Суд определил, что в оценке текущей потребности в системе предварительного разрешения историю с 1965 г. нельзя игнорировать. «Пятнадцатая поправка не предназначена для наказания за прошлое; ее цель – обеспечить лучшее будущее. Для достижения этой цели Конгресс – если он желает разделить штаты – должен определить те юрисдикции, которые следует выделить на той основе, которая имеет смысл в свете текущих условий» [4].

Таким образом, разд. 4 Закона признан не соответствующим Конституции США.

Данное дело, по оценкам исследователей, создало предпосылки для дезинтеграции избирательной системы США, нарушив тенденцию повышения роли федерального правительства в регулировании избирательных отношений [5].

Также обращает на себя внимание тот факт, что указанное решение основано на принципах, противоречащих доктрине аффирмативных действий (позитивной дискриминации), опирающейся на возмещение ущерба, причиненного расовым меньшинствам в связи с имевшей место дискриминацией.

Напротив, в этом решении Суд указал на недопустимость использования прошлой дискриминации в обоснование современных законодательных ограничений.

Относительно недавно выводы о неиспользовании расового фактора Верховный Суд США подтвердил в деле *Cooper v. Harris*. Оно было связано с перераспределением избирателей после переписи 2010 г. в двух округах Северной Каролины. До этого ни один из округов не имел большинства чернокожего населения избирательного возраста, но в обоих последовательно избирались кандидаты, предпочитаемые большинством афроамериканских избирателей. В результате перераспределения увеличился процент чернокожего населения избирательного возраста в одном округе с 48,6 до 52,7 %, в другом – с 43,8 до 50,7 %. Зарегистрированные избиратели в этих округах подали иски против должностных лиц Северной Каролины, жалуюсь на недопустимые расовые посягательства.

Суд установил, что расовая принадлежность являлась преобладающим основанием для перераспределения округов, и поддержал вывод о незаконности подобных действий [6].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Верховный Суд США в избирательных отношениях использует противоположный доктрине позитивной дискриминации подход.

Однако подобное утверждение не совсем верно, о чем свидетельствует решение по делу *Husted v. A. Philip Randolph Institute*. Данное дело подверглось серьезной критике как оказывающее влияние на положение меньшинств.

Закон о государственной регистрации избирателей (NVRA) предусматривает исключение избирателей из списков голосования штата по причине изменения места жительства. Закон устанавливает требования, необходимые для удаления из списков на основании изменения места жительства. Наиболее важное из них заключается в том, что штат может осуществить удаление из списков по причине изменения места жительства, если человек либо подтвердил в письменной форме, что он переехал, либо не возвратил предварительно адресованную ему обратную карту установленного законом содержания, а затем не принимал участия в голосовании на каких-либо выборах в течение следующих двух федеральных кампаний.

Закон также предусматривает, что удаление не должно осуществляться исключительно по причине неучастия избирателя в голосовании. Указанная процедура также раскрывается в Законе о содействии голосованию от 2002 г. (HAVA).

Верховный Суд США пришел к выводу, что Закон штата Огайо не нарушает положений федерального законодательства. Процесс удаления из списков избирателей в законе штата Огайо повторяет пункты Федерального закона в буквальном смысле: он не удаляет зарегистрированное лицо на основании изменения места жительства до тех пор, пока ему не отправлена обратная карта, которая не была возвращена, при условии, что лицо не голосует в течение еще четырех лет.

Штат Огайо удаляет заявителей из избирательных списков только на допустимом основании: изменение места жительства. Невозвращение уведомления и неучастие в голосовании служат просто доказательством того, что зарегистрированное лицо переехало, а не самым основанием исключения из списков избирателей.

Верховный Суд заключил, что пока критерий для отправки уведомлений является «единообразным, недискриминационным и соответствует Закону об избирательных правах», штаты могут использовать любой критерий, который они сочтут подходящим, включая такой признак, как «неучастие в голосовании» [7].

В Российской Федерации также отмечаются значительные сложности в системе регистрации избирателей [8], однако подобного механизма российским законодательством не предусмотрено.

Данное решение Верховного Суда США вызвало масштабную чистку списков и многочисленные жалобы на удаление избирателей, которые на самом деле не переезжали [9]. Отмечались также и его негативные последствия для реализации избирательных прав представителями национальных и расовых меньшинств.

Тем не менее данное решение в целом не отклоняется от избранной концепции по избирательным спорам. Верховный Суд США исключает любой фактор расы, в том числе позитивный, в вопросах реализации избирательных прав. Несмотря на то что система источников правового регулирования избирательных отношений в США характеризуется как сложная и противоречивая, подобная позиция вполне укладывается в подход, определенный в деле *Shelby County v. Holder*.

Список литературы

1. Николаев Б. В. Конституционно-правовое обеспечение равноправия в системе высшего образования в США: доктрина Брауна // Право и образование. 2010. № 10. С. 93–101.
2. Котленко Н. С. Проблемы позитивной дискриминации сквозь опыт Соединенных Штатов Америки и России // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 180–192.
3. Шидловский А. В. Новеллы в избирательном процессе США // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция. 2018. № 4. С. 126–133.
4. *Shelby County v. Holder*, 570 U.S. 529. 2013. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/570/529/> (дата обращения: 24.11.2020).
5. Николаев Б. В. Система источников избирательного права в США // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 4. С. 59–70.
6. *Cooper v. Harris*, 581 U.S. 2017. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/581/15-1262/> (дата обращения: 24.11.2020).
7. *Husted v. A. Philip Randolph Institute*, 584 U.S. 2018. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/584/16-980/> (дата обращения: 24.11.2020).
8. Емелин М. Ю., Николаев Б. В. Основные проблемы системы регистрации (учета) избирателей в Российской Федерации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. № 1. С. 38–44.
9. Brater J., Morris K., Perez M., Deluzio C. Purges: A growing threat to the right to vote // Brennan Center for Justice. 2018. URL: <https://www.brennancenter.org/publication/purges-growing-threat-right-vote> (дата обращения: 24.11.2020).

References

1. Nikolaev B.V. Constitutional and legal support for equality in the higher education system in the United States: the Brown Doctrine. *Pravo i obrazovanie = Law and education*. 2010;10:93–101. (In Russ.)

2. Kotlenko N.S. Problems of positive discrimination through the experience of the United States of America and Russia. *Voprosy rossiyskoy yustitsii = Russian justice issues*. 2019;3:180–192. (In Russ.)
3. Shidlovskiy A.V. Novels in the electoral process of the United States of America. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Yurisprudentsiya = Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*. 2018;4:126–133. (In Russ.)
4. *Shelby County v. Holder*, 570 U.S. 529. 2013. Available at: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/570/529/> (accessed 24.11.2020).
5. Nikolaev B.V. The system of sources of suffrage in the United States of America. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2018;4:59–70. (In Russ.)
6. *Cooper v. Harris*, 581 U.S. 2017. Available at: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/581/15-1262/> (accessed 24.11.2020).
7. *Husted v. A. Philip Randolph Institute*, 584 U.S. 2018. Available at: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/584/16-980/> (accessed 24.11.2020).
8. Emelin M.Yu., Nikolaev B.V. The main problems of the registration (accounting) system of voters in the Russian Federation. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2020;1:38–44. (In Russ.)
9. Brater J., Morris K., Perez M., Deluzio C. Purges: A growing threat to the right to vote. *Brennan Center for Justice*. 2018. Available at: <https://www.brennancenter.org/publication/purges-growing-threat-right-vote> (accessed 24.11.2020).

Информация об авторах / Information about the authors

Михаил Юрьевич Емелин

кандидат юридических наук, доцент
кафедры юриспруденции, филиал
Московского университета
имени С. Ю. Витте в г. Пензе
(Россия, г. Пенза, ул. Вяземского, 25 Б)

E-mail: mikhemelin@yandex.ru

Mikhail Yu. Emelin

Candidate of juridical sciences, associate
professor of the sub-department of
jurisprudence, Moscow University named
after S.Yu. Witte (Penza branch)
(25 B Vyazemskogo street, Penza, Russia)

Борис Викторович Николаев

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: nikolboris@yandex.ru

Boris V. Nikolaev

Candidate of historical sciences, associate
professor, associate professor of the
sub-department of criminal law, Penza
State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Поступила в редакцию / Received 30.11.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.12.2020

Принята к публикации / Accepted 15.01.2021

УДК 343.41

doi:10.21685/2072-3016-2021-1-4

«Грязные войны», права человека и проблема противодействия государственному терроризму в странах Латинской Америки

В. Г. Романовский

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

vlad93@sura.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Понятие «грязной войны» стало активно использоваться в странах Латинской Америки во второй половине XX в. для определения гражданского конфликта. Этот термин получил последующее распространение и в других странах при характеристиках боевых действий полицейских сил, в рамках которых используются чрезвычайные полномочия, значительно ограничивающие основные права человека. Такие нарушения исследовались в зарубежной доктрине. Они также стали предметом рассмотрения Межамериканского суда по правам человека. Это актуализировало исследования, посвященные государственному терроризму. Сформулированные выводы и рекомендации могут быть использованы в российской юридической науке. *Цель работы* – провести сравнительно-правовое исследование зарубежной доктрины и решений Межамериканского суда по правам человека, посвященных признакам «грязной войны» и последствиям государственного терроризма для порядка соблюдения прав человека. *Материалы и методы.* Исследовательские задачи были решены благодаря научному анализу широкого спектра источников, посвященных проблемам защиты прав человека. В качестве метода исследования в первую очередь был использован сравнительно-правовой, позволивший исследовать понятие государственного терроризма и его последствия при внедрении теории «грязной войны». *Результаты.* Представлен общий вывод об использовании в современном мире чрезвычайных репрессивных мер для подавления политических оппонентов и выхода из жесткого гражданского противостояния. В этом случае борьба с террором осуществляется на основе практики устрашения, когда сами правоохранительные органы используют террористические методы при оказании противодействия радикальным организациям. *Выводы.* В статье выделены общие выводы, сформулированные в решениях Межамериканского суда по правам человека, направленные на предотвращение «грязных войн» в будущем. Между тем доктрина государственного терроризма не находит своего международного признания, поскольку многие страны опасаются обвинений в следовании такому курсу в условиях борьбы с терроризмом (как внутренним, так и внешним).

Ключевые слова: террор, государственный терроризм, «грязная война», Межамериканский суд по правам человека, Аргентина, Перу, права человека, чрезвычайное законодательство

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00096.

Для цитирования: Романовский В. Г. «Грязные войны», права человека и проблема противодействия государственному терроризму в странах Латинской Америки // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 1. С. 32–46. doi:10.21685/2072-3016-2021-1-4

“Dirty Wars”, human rights and the problem of countering state terrorism in Latin America

V.G. Romanovskiy

Penza State University, Penza, Russia

vlad93@sura.ru

Abstract. *Background.* The concept of “dirty war” began to be actively used in Latin America in the second half of the 20th century to define civil conflict. This term was later spread in other countries in the characteristics of the military operations of the police forces, within which emergency powers are used, which significantly restrict fundamental human rights. Such violations have been investigated in foreign doctrine. They also became the subject of the Inter-American Court of Human Rights. This has updated the research on state terrorism. The formulated conclusions and recommendations can be used in Russian legal science. The purpose of the research is to carry out comparative law research of foreign doctrines and decisions of the Inter-American Court of Human Rights dedicated to signs of “dirty war” and the consequences of state terrorism for about human rights. *Materials and methods.* The research problems were solved thankful to the scientific analysis of a wide range of sources devoted to the problems of protecting human rights. As a research method, in the first place, the comparative legal method was used, which made it possible to study the concept of state terrorism and its consequences when introducing the theory of “dirty war”. *Results.* The general conclusion about the use of extraordinary repressive measures in the modern world to suppress political opponents and get out of tough civil confrontation is presented. In this case, the fight against terror is carried out on the basis of the practice of intimidation, when the law enforcement agencies themselves use terrorist methods in countering radical organizations. *Conclusions.* The article highlights the general conclusions formulated in the decisions of the Inter-American Court of Human Rights, aimed at preventing “dirty wars” in the future. Meanwhile, the doctrine of state terrorism does not find its international recognition, since many countries fear accusations of following this course in the context of the fight against terrorism (both internal and external).

Keywords: terror, state terrorism, “dirty war”, Inter-American Court of Human Rights, Argentina, Peru, human rights, emergency legislation

Acknowledgments: the research was financed by the RFBR within the research project No. 20-011-00096.

For citation: Romanovskiy V.G. “Dirty Wars”, human rights and the problem of countering state terrorism in Latin America. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2021;1:32–46. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-1-4

Понятие государственного террора стало первичным для характеристики общего явления терроризма. Изначально Тит Ливий определял государственную политику тотального устрашения специальным термином “terror”, переводимым на русский язык как «страх и ужас». На вооружение его приняли французские революционеры, благодаря деятельности которых террор вошел в политическую лексику. Габриель Бонно де Мабли (один из идеологов Французской революции) считал, что только гражданская война способна вернуть гражданам свободу [1]. Гракх Бабеф, Максимилиан Робеспьер, Марат – эти имена тесно связаны с политикой тотального уничтожения политических противников.

Связка террора с деятельностью французских революционеров прослеживалась в дореволюционной русской юридической литературе. Н. М. Коркунов указывал на якобинцев как главных представителей крайней формы деспотизма, обеспечиваемой террором и рабством [2]. Такой же точки зрения придерживался М. Н. Петров [3]. Н. А. Гредескул подобные выводы применял к деятельности должностных лиц Российской империи в период Революции 1905–1907 гг. В его оценках именно государство абсолютизма идет на политический террор, чтобы подавить революционную борьбу с всевластием. Революционный террор, по мнению Н. А. Гредескула, лишь ответная реакция [4, с. 30]. Взвешенная позиция высказана И. Малиновским, представившим деление террора на революционный и правительственный (выражающийся в политических репрессиях) [5]. В. Герье осуждает как революционный, так правительственный («ответный») террор (его правовой формой выступают чрезвычайные законы) [6, с. 321–331].

Молодая советская республика провозгласила красный террор как официальную политику в отношении своих идеологических противников, средством установления диктатуры пролетариата, что нашло отражение в Постановлении СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» (благодаря которому ВЧК получила право на бессудный расстрел). После его отмены уголовное законодательство Советской Республики не акцентировало внимание на террористическом акте как самостоятельном уголовном преступлении. Он «растворялся» во всеобъемлющем понятии контрреволюционного преступления. Террор всегда оценивался как признак организованной деятельности, что не могло признаваться страной победившего социализма, постоянно подчеркивающей в своих программных документах строительство нового подлинно свободного общества. Только к 80-гг. прошлого столетия терроризм возвращается в научную повестку советской юридической науки, но с определенными особенностями – с приставкой «государственный». У. Р. Латыпов рассматривал базовые международные документы в сфере борьбы с государственным терроризмом [7]. В. И. Блищенко провел классификацию государственного терроризма на внешний (направленный на другое государство) и внутренний (против собственных граждан) [8], установив соотношение с понятием агрессии. Примечательно, что внутренний государственный терроризм, по мнению В. И. Блищенко, должен попадать под действие норм международного права (с указанием на основания такого вывода, а в качестве примера – на режим Пиночета в Чили). Махмуд Аль-Абд Сакер в 1990 г. анализировал акты государственного терроризма Израиля в отношении арабских стран, обвиняя в соучастии США, в форме военно-экономической поддержки [9].

Несмотря на разработку в Советском Союзе понятия государственного терроризма с указанием на необходимость международно-правовой борьбы с этим явлением, сама доктрина не нашла своей поддержки в международном сообществе. Практически единственным актом можно признать Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1984 г. 39/159 «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах». В Резолюции содержится общий посыл о недопустимости разрешения международно-правовых проблем с помощью силы и оказания вооруженного давления, осуждается политика и практика терроризма

в межгосударственных отношениях как метод ведения дел с другими государствами и народами. При этом признаки государственного терроризма (даже в общих чертах) в документе не содержатся. Здесь следует уточнить: во-первых, резолюция Генеральной Ассамблеи носит рекомендательный характер; во-вторых, долгое время любые упоминания в международных актах о терроризме не приветствовались странами Западной демократии. Их позиция основывалась на том, что борьба с терроризмом многими странами обозначалась как предлог для нейтрализации политических противников. Даже юридическая формализация терроризма оценивалась как возможность вовлечения уголовно-правового института в политическую борьбу, что было бы «подарком» для недемократических режимов. Ситуация в риторике изменилась после 11 сентября 2001 г.

Использование правления чилийской хунты в качестве примера государственного террора (как это можно найти в диссертации В. И. Блищенко) можно назвать показательным. Во многих странах Латинской Америки вся вторая половина XX в. прошла под символом военного режима, отказа от многих демократических ценностей и политики устрашения в отношении своих политических оппонентов. В Аргентине был выработан специальный термин – «грязная война» (*la guerra Sucia*), которым характеризовалась деятельность военной хунты в период с 1976 по 1983 г. Несколько слов о природе конфликта. К этому времени социальные противоречия в Аргентине были максимально обострены. С одной стороны, движения левацкого толка похищали бизнесменов и убивали военных, полицейских, обкладывали данью крестьян, собирая таким образом средства на борьбу с капитализмом; с другой – «эскадроны смерти» (Аргентинский антикоммунистический альянс) появились еще при «гражданском» правительстве до захвата власти военной хунтой, полицейские операции отличались жестокостью и беззаконием, а репрессии касались профсоюзных лидеров рабочих организаций ведущих промышленных корпораций (Рено, Форд, Фиат и др.). Приход к власти трех офицеров высшего звена (генералов О. Агости и Х. Видела, адмирала Э. Э. Массера) первоначально воспринимался как долгожданный переход к спокойствию и порядку. Накануне переворота Э. Э. Массера в беседе с послом США в Аргентине заявил, что новая власть не будет себя вести как Пиночет в Чили, предпримет все меры к соблюдению прав человека [10].

Однако практически сразу был взят курс на подавление гражданских свобод, уничтожение политических противников, ликвидацию профсоюзов, введение чрезвычайных законов, создание специального репрессивного органа (PEN – Poder Ejecutivo Nacional, дословный перевод – Национальная исполнительная власть). За основу была взята тактика *detenidos – desaparecidos* – «задержан – пропал без вести». По общим подсчетам более 22 тыс. человек по настоящее время числятся как «исчезнувшие». При этом PEN занималась похищением не только граждан собственной страны, жертвами оказывались граждане США, западноевропейских стран, соседних латиноамериканских. Военная хунта рухнула в силу нарастания социальных противоречий и экономического кризиса. Завершающим эпизодом стало поражение в Фолклендской войне от Великобритании, когда США поддержали своего союзника по НАТО.

Термин «грязная война» стал использоваться представителями военной хунты для обоснования своего поведения в условиях гражданского конфликта. Он указывал, что все стороны не следуют гуманитарным правилам. Х. Видела (в военном училище за его гибкое тело ему дали прозвище «Розовая пантера») до конца своей жизни отстаивал свою правоту, утверждая, что велась Третья мировая война против коммунизма, когда весь мир спал. Еще в 1975 г. он открыто заявил: «В Аргентине должно умереть столько людей, сколько необходимо, чтобы страна снова была в безопасности». Даже в суде по обвинению в принудительном отъеме малолетних детей от матерей-социалисток и их передаче в другие семьи Х. Видела заявил: «Все те, кто рожали, были активными боевиками в машине террора. Они использовали своих детей как живые щиты» [11].

Ответной реакцией на череду военных хунт стало принятие Межамериканской конвенции о предотвращении пыток и наказании за них (1985). Можно предположить, что следствием подобных событий стало вступление в силу Американской конвенции о правах человека, принятой в 1969 г., но вступившей в силу в 1978 г. Содержание Межамериканской конвенции о предотвращении пыток и наказании за них во многом идентично Конвенции ООН, но включает расширительное толкование понятия пытки: «Под пытками также следует понимать применение в отношении лица методов, направленных на разрушение личности жертвы или снижение ее физических или умственных способностей, даже если такие методы не причиняют физической боли или психических страданий». Конвенция допускает возможность экстрадиции лиц, обвиняемых в пытках. Столь поздний срок вступления в силу указанных конвенций обусловил отсутствие принятых решений Межамериканского суда по правам человека по жалобам против Аргентины. Только в решении по делу «Баярри против Аргентины» (2008) [12] представлена ссылка на «грязную войну», развязанную военной хунтой и продолжавшуюся достаточно длительное время (с середины 70-х гг. до середины 80-х гг. прошлого столетия). Упоминание не имело отношения к рассматриваемой фактологии, а касалось лишь сохранения «пыточных» традиций в системе правоохранительных органов.

Термин «грязная война» плотно вошел в оборот при характеристике масштабных действий по подавлению гражданских свобод и инакомыслия. Так, это понятие стали использовать при оценке подобных мер под предлогом борьбы с наркоторговлей в Мексике в 50–80-х гг. прошлого столетия [13]. Э. Тиг на основе анализа значительного числа документов пришла к выводу, что американская поддержка правящей партии стала катализатором насилия в указанный период в Мексике [14]. Именно под предлогом борьбы с наркотрафиком были приданы чрезвычайные полномочия полицейским службам и военным, что привело к масштабным нарушениям прав человека [15]. В ряде решений Межамериканский суд по правам человека признал Мексику виновной в нарушении прав человека, подтвердив общую позицию (излагаемую в различных решениях правозащитных инстанций) о возложении обязанности проводить расследование на государство, если заявитель указал, что признание в совершении преступления было сделано в результате пытки. Отсутствие такого расследования презюмирует вину государства. Факт пыток считается доказанным. Данный вывод, в частности, содержится в решении по делу

«Кабрера Гарсия и Монтель Флорес против Мексики» (2010) [16], по делу «Гарсия Круз и Санчес Сильвестр против Мексики» (2013) [17].

Вызывают интерес правовые позиции Межамериканского суда по правам человека, озвученные в деле «Гонсалес и др. (“Хлопковое дело”) против Мексики» (2009) [18]. В 2001 г. на хлопковом поле в Сьюдад-Хуарес были найдены три женских тела. Судебная инстанция указала, что официальные власти, получив в свое время заявления об исчезновении женщин, не предприняли каких-то активных действий по их поиску и последующему расследованию убийств. При этом была широка известна практика насильственных исчезновений женщин в штате Мексика. Чаще всего они были связаны с принуждением к работе на наркокартели. В 1998 г. в Сьюдад-Хуарес было создано специальное подразделение прокуратуры по расследованию убийств женщин, разработана экспериментальная программа по поиску исчезнувших лиц. Мексика была признана виновной в нарушениях ст. 5 Конвенции (запрет пыток), поскольку не смогла доказать, что принятые меры «были эффективными или достаточными для предотвращения массового насилия против женщин в Сьюдад-Хуарес». Суд признал эти меры неэффективными и способствующими безнаказанности. Государству не удалось доказать, что официальные лица оперативно действовали в первые часы и дни после сообщений об исчезновениях. Государство просто выполнило формальности, записав показания, но не пытаясь найти жертв.

Больше всего решений, согласно которым давалась правовая оценка действиям военной хунты, касалось ситуации в Перу. В 1992 г. действующий Президент Перу Альберто Фухимори провел «само-переворот», свергнув с помощью военных собственное правительство, распустив неконтролируемый его сторонниками парламент. Первоначально инициативы А. Фухимори положительно воспринимались большинством населения (поддержку оказало около 80 % населения). Это связано было с политическим кризисом – неприятием политиков, воспринимавшихся как ставленники перуанского олигархата, – а также с затянувшимся гражданским конфликтом. На территории государства активно вели себя маоистская партизанская организация «Сияющий путь» (“Sendero Luminoso”) и перуанская леворадикальная повстанческая группировка марксистского толка «Революционное движение Тупак Амару» (Movimiento Revolucionario Túpac Amaru – MRTA). Организация «Сияющий путь» открыто провозглашала терроризм как способ продвижения своих идей и метод политического давления. Было убито около 20 тыс. человек, из них значительная часть – государственные служащие, полицейские, военнослужащие. Некоторые районы полностью контролировались данной группировкой. Именно поэтому в 1993 г. А. Фухимори безоговорочно победил на президентских выборах. Нередко последующий период его правления многие политологи называли тоталитаризмом, пришедшим демократическим путем [19]. Гражданский конфликт (также характеризующийся как «грязная война»), который перешел в активную стадию, по общим оценкам унес около 70 тыс. человеческих жизней.

Для осуществления борьбы с леворадикальными группировками было принято соответствующее антитеррористическое законодательство, включавшее в себя отмену процессуальных гарантий в отношении лиц, обвиненных в терроризме и государственной измене. А. Фухимори активно издавал

чрезвычайные указы, позволяющие армии полностью контролировать обеспечение порядка на ряде территорий, подменяя собой гражданские и полицейские службы. Антитеррористическое законодательство (расширившее в первую очередь Закон № 24651, дополнивший Уголовный кодекс Перу разделом «О преступлениях терроризма» [20]) стало включать в себя следующие меры:

- передача судебных функций органам полиции и вооруженных сил. Им были переданы также полномочия по проведению оперативных мероприятий, затрагивающих неприкосновенность частной жизни, включая обыски, вторжение в жилище, арест, раскрытие банковской тайны;

- определение внесудебного задержания (было введено такое понятие, как «превентивное задержание») как первичного элемента начала разбирательства о причастности к террористической организации (при таком подходе происходили длительные задержания лиц, осуществленные «вверным» методом);

- содержание под стражей без уведомления родственников (связь с внешним миром прекращалась полностью) и вне допуска адвоката, с возможностью перемещения между различными местами содержания;

- введение инквизиционного процесса, где во главу угла становилось признание обвиняемым вины в совершении преступлений, что повлекло за собой доносительство, распространение пыток, отрицание роли адвоката в судебном процессе, введение «закрытых» судей (личности судей были засекречены, не раскрывались их данные для участников процесса);

- минимальность доказательств для признания виновным в терроризме при задержании в зоне боевых действий, вовлечение военных судов в оперативное рассмотрение дел о терроризме в специальных районах;

- основной акцент на репрессивных мерах при отсутствии профилактики преступного поведения, ресоциализации осужденных, выявления причин и его предотвращения;

- особый правовой статус для агентов DINCOTE (Национального управления по борьбе с терроризмом – специального органа полиции по борьбе с терроризмом и государственной изменой). После возвращения страны к демократическим принципам управление было ликвидировано, взамен была создана Контртеррористическая дирекция, подразделение Национальной полиции Перу (Dirección contra el terrorismo – DIRCOTE).

На появление общей тенденции превращения чрезвычайного законодательства в стандартную модель борьбы с терроризмом указывал еще в 1990 г. профессор Перуанского университета В. Сальдарриага [21]. До президентства А. Фухимори был расширен комплекс преступлений террористического характера. Статья 288А УК Перу вводила понятие терроризма, под которым понимался целый ряд общественно опасных деяний (разрушение зданий, дорог, средств связи, транспорта и др.), но при этом цель формулировалась весьма размыто – способно вызвать нарушение общественного спокойствия или «повлияет на международные отношения или безопасности государства». Статья 288С вводила ответственность за пособничество террористическому акту, ст. 288D – за предоставление любой помощи в террористических целях, а ст. 288Е криминализовала содействие «любому акту сотрудничества, который способствует совершению» террористических преступлений или

«реализации целей террористической группы». При этом ст. 288Е расшифровывала, что могло подпадать под понятие «сотрудничество» – это и предоставление информации о гражданских объектах, предоставление продуктов питания, денег, имущества, оказание любой помощи террористам (включая содействие побегу), любая экономическая помощь и др. При А. Фухимори наличие цели перестало рассматриваться как обязательный признак террористического преступления: наказанию подлежал также и тот, кто не знал, что оказывает содействие террористу (при, например, передаче продуктов питания) [22]. Конституционный Суд Перу, который решил дать правовую оценку вводимым чрезвычайным правилам, был распущен. Интересный факт: Конституционный Суд обратился в Межамериканский суд по правам человека, по его жалобе было принято соответствующее решение [23]. Относительно пыточных практик полицейских служб, подавления инакомыслия и репрессий в отношении мирного населения выступала «Международная амнистия» [24]. Несмотря на раскрутку репрессивного механизма в академической среде Перу, антитеррористические законы имели критическую оценку. Подчеркивалось, что они порождают «культуру чрезвычайных ситуаций», а исключения становятся правилами. Произошла инволюция перуанского уголовного законодательства [25]. Особенности перуанского законодательства стало создание, по образному выражению ряда ученых, «черных дыр» и «серых дыр», позволяющих трактовать закон исключительно в целях оправдания любых действий спецслужб [26].

Развитие событий по негативному сценарию привело к массовым обращениям в международные правозащитные инстанции. Желание предотвратить возвращение бесчеловечных методов в обычную практику органов власти – одна из целей Межамериканской конвенции о предотвращении пыток и наказании за них, и она была реализована в «перуанском кейсе». В решении 1996 г. Межамериканской комиссии по правам человека по делу «Ракель Мехия против Перу» было определено, что изнасилование подпадает под определение пытки. Она не являлась задержанной; был арестован ее муж, который был вывезен в неизвестном направлении и в последующем убит. Будучи беззащитной, Ракель Мехия дважды была изнасилована военнослужащими в ночь задержания мужа. Представители государства отрицали факт сексуального надругательства, но Комиссия в основу положила отчеты правозащитных организаций, указывавших на распространенность насилия в отношении женщин в районах, где было объявлено чрезвычайное положение. Межамериканская комиссия по правам человека проанализировала общие признаки, присущие пытке, указав, что все они имели место в конкретном деле. Во-первых, изнасилование является «физическим и моральным надругательством, совершенным в результате насильственного действия». Во-вторых, насилие в отношении Ракель Мехия был обозначено как наказание за связь с террористом, виновный объявил ей, что «ее имя находится в списке лиц, связанных с терроризмом». В-третьих, насильник был служащим сил безопасности, которого сопровождала группа солдат [27].

В последующем было доказано, что сексуальное надругательство стало обычной практикой агентов DINCOTE, особенно в штаб-квартире в столице Перу – Лиме. Указание на использование такого метода унижения происходило в ряде заявлений международных организаций, начиная с середины

90-х гг. прошлого столетия [28]. Все это обусловило сильное гражданское противостояние.

В решении по делу «Эспиноза Гонсалес против Перу» [29] подробно рассматривались чрезвычайные меры, осуществляемые в Перу под предлогом борьбы с терроризмом. В 1992 г. провозглашается Правительство по чрезвычайным ситуациям и национальному восстановлению, наделенное правом издавать декреты-законы, позволяющие вводить экстраординарные правила, исключающие основные процессуальные гарантии, предъявляемые к процедуре уголовного преследования. Эспиноза Гонсалес (кстати, проходившая обучение в Советском Союзе) была арестована в 1993 г., после чего подверглась пыткам и сексуальному насилию. Ей было предъявлено обвинение в государственной измене в силу причастности к организации – Революционному движению Тупака Амару. Гонсалес была приговорена к пожизненному лишению свободы, отбывала наказание в различных тюрьмах Перу, где неоднократно подвергалась пыткам, вплоть до 2003 г., когда 17 февраля она была оправдана Высшей палатой по уголовным делам Верховного Суда Перу, но это не привело к освобождению. Ей были предъявлены обвинения в терроризме, а в 2004 г. она приговаривается к 25-летнему сроку лишения свободы. Практически сразу после задержания Гонсалес обратилась в правозащитные организации. Государство отрицало факт применения пыток и сексуального насилия, хотя это нашло подтверждение во время детального изучения материалов дела.

В решении по делу «Бальдеон Гарсиа против Перу» (2006) [30] суд установил, что пытки стали обычной практикой военных и полицейских сил страны в период, который стал предметом оценки по конкретной жалобе. В решении подчеркивается: «Существует презумпция того, что государство применяло пытки или жестокое или бесчеловечное обращение, если власти не провели тщательное фактическое расследование фактов с последующим предъявлением обвинения тем, кто был идентифицирован как виновные в таких действиях».

Показательно решение «Лоайза Тамайо против Перу» (1997) [31], в рамках которого государство максимально торпедировало любые инициативы, нацеленные на защиту прав женщины – профессора Университета Сан-Мартин-де-Поррес (г. Лима), бездоказательно обвиненной студентом в участии в организации «Сияющий путь» (как и 20 других человек, проходивших по делу, с целью, по-видимому, освобождения от ответственности). В течение 10 дней после ареста ее пытали, насиловали, чтобы получить признательные показания. Насилие государством отрицалось (как и пытки), а осмотр мед-экспертом носил поверхностный характер. К тому же в докладах правозащитных организаций отмечалось, что экспертиза по таким делам всегда отличалась отсутствием объективности. Сами же эксперты участвовали в актах насилия. Л. Тамайо была обвинена в государственной измене, показана по телевидению страны в полосатой робе. В последующем военные суды выносят оправдательные приговоры, несмотря на которые профессор все равно находится в заключении. Более того, инициируется обвинение в терроризме, и в максимально короткие сроки она приговаривается к 20 годам лишения свободы. Межамериканский суд по правам человека в приведенном решении

указывал, что никакое жестокое обращение не может когда-либо быть оправдано независимо от контекста, в том числе усилий по противодействию терроризму. Л. Тамайо по требованию международной инстанции была освобождена, после чего она эмигрировала в Чили. Перу настолько сопротивлялась исполнению требований Межамериканского суда по правам человека, что инициировала денонсацию соглашений о признании его юрисдикции (вручена грамота о немедленном отказе от его полномочий). В окончательном виде решение было исполнено только в 2011 г.

«Перуанские» дела привели к толкованию многих моментов относительно пыточных практик. Только в 2003 г. Конституционный Суд Перу признал ряд положений законодательства о противодействии терроризму неконституционными. С этого момента пошел «обратный отсчет»: возбуждались уголовные дела по фактам злоупотреблений должностным положением. Сам А. Фухимори бежал из страны, в последствии был осужден за коррупционные преступления, экстрадирован в Перу, где и отбывал уголовное наказание.

Термин «грязная война» применяется и к экстраординарным мерам по противодействию наркотрафику, что нашло отражение в решениях Межамериканского суда по правам человека. Выше упоминались такие постановления в отношении Мексики. Полицейские службы Эквадора также были обвинены в применении незаконных методов допроса в отношении граждан, подозреваемых в наркоторговле. Общественное мнение старалось нейтрально относиться к отдельным вскрываемым фактам в силу соседства страны с Перу и Колумбией – крупнейшими производителями и поставщиками коки и кокаина. Этот факт отмечался в решении по делу «Херрера Эспиноза и другие против Эквадора» (2014) [32]. Государство было признано виновным не только в силу выявления самого факта пыток в отношении целого ряда граждан (некоторые из них – иностранцы), но и с учетом отказа в проведении эффективного расследования по заявлениям о применении пыток. В решении подтверждалось: «Пытки имеют место, когда насилие: (1) является умышленным; (2) причиняет серьезные физические или моральные страдания, и; (3) совершено с какой-либо целью».

Также с наркотрафиком связано решение по делу «Тиби против Эквадора» (2004) [33]. Гражданин Франции – Даниэль Давид Тиби (продавец ювелирных изделий и антикварита) – был обвинен в наркоторговле. Его арестовывают по доносу, подвергают конфискации все его имущество. В последующем ввиду отсутствия прямых улик его постоянно пытаются (жгут ноги раскаленными прутьями и сигаретами, ломают ребра битой и топят в бочке), чтобы получить признательные показания, предлагая взамен свободу. Чуть позже на основании судебного приказа Д. Тиби освобождают и он эмигрирует во Францию. Суд указал на целенаправленность пыток – принуждение к самоговору, признав Эквадор виновным в нарушении прав человека.

Подведем итоги. Терроризм, возникнув как элемент целенаправленной государственной политики, в последующем трансформировался в уголовное преступление, вменяемое тем лицам, которые своими действиями подрывают общественное спокойствие и государственную безопасность. Несмотря на уход в иную плоскость, государственный терроризм не изжил себя. По настоящее время можно наблюдать использование чрезвычайных репрессивных

мер для подавления политических оппонентов и выхода из жесткого гражданского противостояния. В этом случае борьба с террором осуществляется на основе практики устрашения, когда сами правоохранные органы используют террористические методы при оказании противодействия радикальным организациям.

Латиноамериканский опыт второй половины XX в. свидетельствует о перерастании политического противостояния в плоскость вооруженного конфликта немеждународного характера, при котором обе враждующие стороны отказываются от соблюдения гуманитарных принципов. Усиление кризиса приводило лишь к умалению демократической сущности государственных институтов, переходу органов власти в мобилизационный режим, использующий чрезвычайные полномочия. В конечном итоге политический процесс завершался военным переворотом, отменой выборности парламента, введением цензуры, умалением основных прав и свобод, запретом деятельности любых оппозиционных сил (даже если они ставили в качестве цели приход к власти только мирным путем).

Практика Межамериканского суда по правам человека оказала серьезное влияние на оценку деятельности органов государства в период установления военных режимов. Были открыты целые кейсы по жалобам против Перу, Эквадора и других стран, переживавших тоталитарный период своего развития. Между тем доктрина государственного терроризма не находит своего международного признания, поскольку многие страны опасаются обвинений в следовании такому курсу в условиях борьбы с терроризмом (как внутренним, так и внешним).

Список литературы

1. Де Мабли Г. Б. О правах и обязанностях гражданина // Избранные произведения / Г. Б. де Мабли. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950. 340 с.
2. Коркунов Н. М. История философии права. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1915. 502 с.
3. Петров М. Н. Лекции по всемирной истории : в 5 т. Т. III. История новых веков. Харьков : Издание книжного магазина Д. Н. Полуехтова, 1888. 226 с.
4. Гредескул Н. А. Террор и охрана. СПб. : Тип. товарищества «Общественная польза», 1912. 34 с.
5. Малиновский И. Кровавая месть и смертные казни. Томск : Типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1909. 537 с.
6. Герье В. Вторая Государственная Дума. М. : Печатня С. П. Яковлева, 1907. 379 с.
7. Латыпов У. Р. Международно-правовая борьба с государственным терроризмом : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1988. 163 с.
8. Блищенко В. И. Международно-правовые проблемы государственного терроризма (на примере Чили) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. 170 с.
9. Аль-Абд Сакер Махмуд. Государственный терроризм – международно-правовое преступление : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 1990. 14 с.
10. New declassified details on repression and U.S. Support for military Dictatorship. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB185/>
11. Bernstein A. Jorge Rafael Videla, Argentine junta leader, dies at 87 // The Washington Post. 2013. 17 May. URL: https://www.washingtonpost.com/world/the_americas/jorge-rafael-videla-argentine-junta-leader-dies-at-87/2013/05/17/f22ae8d0-2f5c-11e2-a30e-5ca76eeec857_story.html

12. Bayarri v. Argentina. URL: https://iachr.ils.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Bayarri_v_Argentina/acosta_bayarri_v_argentina.pdf
13. Ricart Carlos A. Pérez. Taking the War on Drugs Down South: The Drug Enforcement Administration in Mexico (1973–1980) // *The Social History of Alcohol and Drugs*. 2020. Vol. 34, № 11. P. 82–113. URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/707645>
14. Teague A. Mexico's Dirty War on Drugs: Source Control and Dissidence in Drug Enforcement // *The Social History of Alcohol and Drugs*. 2019. Vol. 33, № 1. P. 63–87. URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/full/10.1086/702693>
15. García J. M. Reconstructing the Collective Memory of Mexico's Dirty War: Ideologization, Clandestine Detention, and Torture // *Latin American Perspectives*. 2016. Vol. 43, № 6. P. 124–140. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0094582X16669137>
16. Cabrera García and Montiel Flores v. Mexico. URL: https://iachr.ils.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Cabrera_Garcia_and_Montiel_Flores_v_Mexico/Cabrera%20Garc%20B%C2%A1a%20and%20Montiel%20Flores%20v.%20Mexico.pdf
17. García Cruz and Sánchez Silvestre v. Mexico. URL: https://iachr.ils.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Garcia_Cruz_y_Sanchez_Silvestre_v_Mexico/gonzalez_garcia_cruz_and_sanchez_silvestre_v_mexico.pdf
18. González et al. ("Cotton Field") v. Mexico. URL: https://iachr.ils.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Gonzalez_et_al_-Cotton_Field-_v_Mexico/Gonzalez%20et%20al.%20v.%20Mexico.pdf
19. Levitsky S. Fujimori and Post-Party Politics in Peru // *Journal of Democracy*. 1999. Vol. 10, № 3. P. 78–92. URL: https://scholar.harvard.edu/levitsky/files/SL_fujimori.pdf
20. Ley № 24651. URL: <http://cdn01.pucp.education/idehpucp/wp-content/uploads/2017/07/13163847/ley-n-24651.pdf>
21. Saldarriaga V. P. La política penal de emergencia: Funcion y Efectos // *Derecho & Sociedad*. 1990. № 2. P. 26–30.
22. Caro Coria D. C. Superación del pasado a través del derecho penal? Notas sobre la reforma del Código Penal peruano a diez años de su vigencia // *Themis: Revista de Derecho*. 2002. № 44. P. 197–214. URL: <http://revistas.pucp.edu.pe/index.php/themis/article/view/10071>
23. Caso del Tribunal Constitucional Vs. Perú, Sentencia de 31 de enero de 2001. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/Seriec_71_esp.pdf
24. Las leyes antiterroristas de Perú siguen sin estar a la altura de las normas internacionales de derechos humanos. URL: <https://www.amnesty.org/download/Documents/184000/amr460051994es.pdf>
25. Ugaz Sánchez-Moreno J. Libertad, seguridad personal y debido proceso. En Autores varios, *La Constitución de 1993: análisis y comentarios*. Lima : Konrad Adenauer Stiftung, 1996. 703 p.
26. Vallejos A. S. La lucha antiterrorista en el Perú: agujeros negros legales, agujeros grises y el arduo camino constitucional. Lecciones peruanas para la guerra contra el terrorismo global // *Derecho PUCP*. 2015. № 75. P. 75–94. URL: <http://revistas.pucp.edu.pe/index.php/derechopucp/article/view/14424>
27. Права человека при отправлении правосудия: пособие по правам человека для судей, прокуроров и адвокатов. Нью-Йорк ; Женева : ООН, 2003. 1086 с.
28. Merits J. Peru. July 20, 2011. URL: <https://www.oas.org/en/iachr/decisions/court/11769FondoEn.pdf>
29. Espinoza Gonzáles v. Peru. URL: https://iachr.ils.edu/sites/default/files/iachr/Cases/karim_espinoza_gonzales_v_peru.pdf
30. Baldeón García v. Peru. URL: https://iachr.ils.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Baldeon_Garcia_v_Peru/Balde%20B%C2%A6n%20Garc%20B%C2%A1a%20v.%20Peru.pdf

31. Loayza Tamayo v. Peru. URL: https://iachr.ils.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Loayza_Tamayo_v_Peru/Loayza%20Tamayo%20v.%20Peru.pdf
32. Herrera Espinoza et al. v. Ecuador. URL: https://iachr.ils.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Herrera_Espinoza_v_Ecuador/herrera_espinoza_v._ecuador.pdf
33. Tibi v. Ecuador. URL: https://iachr.ils.edu/sites/default/files/iachr/Cases/rouche_tibi_v._ecuador.pdf

References

1. De Mabli G.B. On the rights and obligations of a citizen. *Izbrannye proizvedeniya = Selected works*. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950:340. (In Russ.)
2. Korkunov N.M. *Istoriya filosofii prava = History of philosophy of law*. Saint-Petersburg: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1915:502. (In Russ.)
3. Petrov M.N. *Leksii po vsemirnoy istorii: v 5 t. T. III. Istoriya novykh vekov = Lectures on world history: in 5 volumes. Volume 3. History of new centuries*. Kharkov: Izdanie knizhnogo magazina D. N. Poluekhova, 1888:226. (In Russ.)
4. Gredeskul N.A. *Terror i okhrana = Terror and security*. Saint-Petersburg: Tip. tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1912:34. (In Russ.)
5. Malinovskiy I. *Krovavaya mest' i smertnye kazni = Bloody revenge and death penalty*. Tomsk: Tipolitografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela, 1909:537. (In Russ.)
6. Ger'e V. *Vtoraya Gosudarstvennaya Duma = Second State Duma*. Moscow: Pechatnya S. P. Yakovleva, 1907:379. (In Russ.)
7. Latypov U.R. *Mezhdunarodno-pravovaya bor'ba s gosudarstvennym terrorizmom: dis. kand. yurid. nauk = International legal fight against state terrorism: dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences*. Kazan, 1988:163. (In Russ.)
8. Blishchenko V.I. *Mezhdunarodno-pravovye problemy gosudarstvennogo terrorizma (na primere Chili): dis. kand. yurid. nauk = International legal problems of state terrorism (by the example of Chile): dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences*. Moscow, 1989:170. (In Russ.)
9. Al'-Abd Saker Makhmud. *Gosudarstvennyy terrorizm – mezhdunarodno-pravovoe prestuplenie: avtoref. dis. kand. yurid. nauk: 12.00.10 = State terrorism is an international crime: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences: 12.00.10*. Moscow, 1990:14. (In Russ.)
10. *New declassified details on repression and U.S. Support for military Dictatorship*. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB185/>
11. Bernstein A. Jorge Rafael Videla, Argentine junta leader, dies at 87. *The Washington Post*. 2013. 17 May. Available at: https://www.washingtonpost.com/world/the_americas/jorge-rafael-videla-argentine-junta-leader-dies-at-87/2013/05/17/f22ae8d0-2f5c-11e2-a30e-5ca76eeec857_story.html
12. Bayarri v. Argentina. Available at: https://iachr.ils.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Bayarri_v_Argentina/acosta_bayarri_v._argentina.pdf
13. Ricart Carlos A. Pérez. Taking the War on Drugs Down South: The Drug Enforcement Administration in Mexico (1973–1980). *The Social History of Alcohol and Drugs*. 2020;34(11):82–113. Available at: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/707645>
14. Teague A. Mexico's Dirty War on Drugs: Source Control and Dissidence in Drug Enforcement. *The Social History of Alcohol and Drugs*. 2019;33(1):63–87. Available at: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/full/10.1086/702693>
15. García J.M. Reconstructing the Collective Memory of Mexico's Dirty War: Ideologization, Clandestine Detention, and Torture. *Latin American Perspectives*. 2016;43(6): 124–140. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0094582X16669137>

16. *Cabrera García and Montiel Flores v. Mexico*. Available at: https://iachr.ils.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Cabrera_Garcia_and_Montiel_Flores_v_Mexico/Cabrera%20Garc%2B%C2%A1a%20and%20Montiel%20Flores%20v.%20Mexico.pdf
17. *García Cruz and Sánchez Silvestre v. Mexico*. Available at: https://iachr.ils.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Garcia_Cruz_y_Sanchez_Silvestre_v_Mexico/gonzalez_garcia_cruz_and_sanchez_silvestre_v._mexico.pdf
18. González et al. ("*Cotton Field*") v. *Mexico*. Available at: https://iachr.ils.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Gonzalez_et_al_-Cotton_Field-_v_Mexico/Gonzalez%20et%20al.%20v.%20Mexico.pdf
19. Levitsky S. Fujimori and Post-Party Politics in Peru. *Journal of Democracy*. 1999; 10(3):78–92. Available at: https://scholar.harvard.edu/levitsky/files/SL_fujimori.pdf
20. *Ley № 24651*. Available at: <http://cdn01.pucp.edu.pe/idehpucp/wp-content/uploads/2017/07/13163847/ley-n-24651.pdf>
21. Saldarriaga V.P. La política penal de emergencia: Funcion y Efectos. *Derecho & Sociedad*. 1990;2:26–30.
22. Caro Coria D.C. Superación del pasado a través del derecho penal? Notas sobre la reforma del Código Penal peruano a diez años de su vigencia. *Themis: Revista de Derecho*. 2002;44:197–214. Available at: <http://revistas.pucp.edu.pe/index.php/themis/article/view/10071>
23. *Caso del Tribunal Constitucional Vs. Perú, Sentencia de 31 de enero de 2001*. Available at: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/Seriec_71_esp.pdf
24. *Las leyes antiterroristas de Perú siguen sin estar a la altura de las normas internacionales de derechos humanos*. Available at: <https://www.amnesty.org/download/Documents/184000/amr460051994es.pdf>
25. Ugaz Sánchez-Moreno J. *Libertad, seguridad personal y debido proceso. En Autores varios, La Constitución de 1993: análisis y comentarios*. Lima: Konrad Adenauer Stiftung, 1996:703.
26. Vallejos A.S. La lucha antiterrorista en el Perú: agujeros negros legales, agujeros grises y el arduo camino constitucional. Lecciones peruanas para la guerra contra el terrorismo global. *Derecho PUCP*. 2015;75:75–94. Available at: <http://revistas.pucp.edu.pe/index.php/derechopucp/article/view/14424>
27. *Prava cheloveka pri otpravlenii pravosudiya: posobie po pravam cheloveka dlya sudey, prokurorov i advokatov = Human rights in the administration of justice: a manual on human rights for judges, prosecutors and lawyers*. New-York; Zheneva: OON, 2003; 1086. (In Russ.)
28. *Merits J. Peru*. July 20, 2011. Available at: <https://www.oas.org/en/iachr/decisions/court/11769FondoEn.pdf>
29. *Espinoza Gonzáles v. Peru*. Available at: https://iachr.ils.edu/sites/default/files/iachr/Cases/karim_espinoza_gonzales_v._peru.pdf
30. *Baldeón García v. Peru*. Available at: https://iachr.ils.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Baldeon_Garcia_v_Peru/Balde%2B%C2%A6n%20Garc%2B%C2%A1a%20v.%20Peru.pdf
31. *Loayza Tamayo v. Peru*. Available at: https://iachr.ils.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Loayza_Tamayo_v_Peru/Loayza%20Tamayo%20v.%20Peru.pdf
32. *Herrera Espinoza et al. v. Ecuador*. Available at: https://iachr.ils.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Herrera_Espinoza_v_Ecuador/herrera_espinoza_v._ecuador.pdf
33. *Tibi v. Ecuador*. Available at: https://iachr.ils.edu/sites/default/files/iachr/Cases/rouche_tibi_v._ecuador.pdf

Информация об авторах / Information about the authors

Владислав Георгиевич Романовский

кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: vlad93@sura.ru

Vladislav G. Romanovskiy

Candidate of juridical sciences, associate
professor of the sub-department of criminal
law, Penza State University (40 Krasnaya
street, Penza, Russia)

Поступила в редакцию / Received 20.01.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 29.01.2021

Принята к публикации / Accepted 02.02.2021

УДК 342.7

doi:10.21685/2072-3016-2021-1-5

**Взаимодействие Уполномоченного
при Президенте Российской Федерации по правам ребенка
с институтами гражданского общества по вопросам защиты прав
и законных интересов несовершеннолетних**

О. Н. Булаков

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

bulakov62@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Построение эффективной системы защиты прав и законных интересов несовершеннолетних тесно связано с вовлеченностью каждого члена общества в решение данной задачи. Институт уполномоченного по правам ребенка является особым механизмом, выполняющим роль связующего звена между гражданами и государством в вопросах защиты прав детей. Цель данного исследования – выявить направления взаимодействия между Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по правам ребенка с институтами гражданского общества, а также предложить пути совершенствования совместной работы. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа законодательства и практики деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. При выполнении работы были использованы методы системного анализа, моделирования. *Результаты.* После анализа опыта взаимодействия Уполномоченного при Президенте Российской Федерации с институтами гражданского общества можно выделить три основных направления сотрудничества. Во-первых, детский омбудсмен выступает своеобразным объединяющим фактором организаций, работа которых направлена на защиту прав детей, и органов государственной власти. Во-вторых, Уполномоченный оказывает методическую поддержку, организуя семинары по актуальным вопросам детства с привлечением экспертов по отдельным областям. В-третьих, Уполномоченный участвует в информационном просвещении по вопросам защиты прав и законных интересов детей. *Выводы.* Эффективности повышения уровня защищенности детей может способствовать консолидированная работа государства и общества. Работа Уполномоченного при Президенте по правам ребенка является важнейшим объединяющим фактором на пути построения подобного сотрудничества. Представляется, что перечисленные пути построения эффективного взаимодействия между детским омбудсменом и институтами гражданского общества носят долгосрочный характер и способны сделать жизнь детей в стране существенно безопасней и благоприятной для развития.

Ключевые слова: Уполномоченный, детский Уполномоченный, детский омбудсмен, защита прав, защита прав детей

Для цитирования: Булаков О. Н. Взаимодействие Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка с институтами гражданского общества по вопросам защиты прав и законных интересов несовершеннолетних // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 1. С. 47–53. doi:10.21685/2072-3016-2021-1-5

Interaction of Presidential Commissioner for Children's Rights of Russia with the civil institutions for protection of juvenile rights and legal interests

O.N. Bulakov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

bulakov62@mail.ru

Abstract. *Background.* The construction of an effective system for the protection of the rights and legitimate interests of minors is closely linked to the involvement of every member of society in this task. The children's ombudsman is a special mechanism that serves as a link between citizens and States in the protection of children's rights. The purpose of this work is to identify areas of interaction between the Presidential Commissioner for Children's Rights of Russia and civil society institutions, as well as to propose ways to improve collaboration. *Materials and methods.* The implementation of the research tasks was achieved on the basis of the legislation and practice analysis of the Presidential Commissioner for Children's Rights of Russia. During the work, methods of system analysis and modeling were used. *Results.* After analyzing the experience of the Presidential Commissioner with civil society institutions, three main areas of cooperation can be identified. Firstly, the children's ombudsman acts as a kind of unifying factor for organizations whose work is aimed at protecting the rights of children and public authorities. Secondly, the ombudsman provides methodological support by organizing seminars on topical issues of childhood with the involvement of experts in specific areas. Thirdly, the ombudsman participates in information education on the protection of the rights and legitimate interests of children. *Conclusions.* The consolidated work of the State and society can effectively improve the level of children protection. The work of the Presidential Commissioner for Children's Rights of Russia is a crucial unifying factor in building such cooperation. The above-mentioned ways of building effective interaction between the children's ombudsman and civil society institutions seem to be long-term and can make the lives of children in the country safer and more conducive to development.

Keywords: ombudsman, children's ombudsman, children's commissioner, protection of the rights, protection of the rights of children

For citation: Bulakov O.N. Interaction of Presidential Commissioner for Children's Rights of Russia with the civil institutions for protection of juvenile rights and legal interests. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2021;1:47–53. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-1-5

Поправки в Конституцию Российской Федерации 2020 г. провозгласили детей важнейшим направлением государственной политики Российской Федерации. Обеспечение интересов несовершеннолетних и защита их прав не может быть эффективной без вовлеченности всех общественных институтов. В этой связи представляется интересным вопрос взаимодействия Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка и представителей общественности. Гражданское общество характеризуется деятельностью общественных объединений и активным участием граждан в решении вопросов, в том числе связанных с защитой прав детей. Г. В. Синцов, П. Л. Лихтер отмечают, что «деятельность Уполномоченного по правам ребенка во многом направлена на повышение эффективности сотрудничества

между государством и общественными институтами» [1]. Кроме того, деятельность Уполномоченного должна строиться на принципе доступности населению [2]. Таким образом, политики, омбудсмены и общественники преследуют единую цель – создание безопасного пространства для развития ребенка. Для достижения поставленной цели между всеми субъектами, принимающими активное участие в защите прав детей, должны быть созданы простые и прозрачные механизмы взаимодействия, которые будут способствовать решению общих задач, а не бюрократизировать и заволокичивать процесс восстановления нарушенных прав несовершеннолетних.

1. Опыт взаимодействия Уполномоченного по правам ребенка с институтами гражданского общества.

Правовой статус Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, сложившийся на данный момент, показывает, что данная должность имеет черты как государственного института, так и гражданского общества. Тот факт, что работу по организации деятельности Уполномоченного выполняет аппарат Общественной палаты, говорит о том, что омбудсмен находится в тесной взаимосвязи с представителями общественности. С принятием федерального закона «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» от 27.12.2018 № 501-ФЗ были очерчены механизмы взаимодействия рассматриваемых институтов.

Для целей построения эффективного сотрудничества при Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка действует Общественный совет, Экспертный совет, Совет отцов, проект-центр.

Общественный совет при Уполномоченном создается в целях обеспечения эффективного взаимодействия с некоммерческими организациями, общественными объединениями и иными институтами гражданского общества в сфере охраны семьи, материнства, отцовства и детства [3].

В функции Общественного совета входит следующее: организация общественных экспертиз нормативно-правовых актов по вопросам охраны и защиты семьи, материнства, отцовства и детства, мониторинг законодательства и подготовка предложений по совершенствованию законодательства в целях защиты семьи, материнства, отцовства и детства, подготовка рекомендаций по совершенствованию деятельности Уполномоченного и др.

Экспертный совет при Уполномоченном создается в целях обеспечения эффективной деятельности Уполномоченного [4]. Функции Экспертного совета по сравнению с Общественным советом значительно расширены и включают в себя организацию и осуществление мониторинга законодательства, относящегося к компетенции Уполномоченного; участие в подготовке Уполномоченным предложений и проекта документов по охране и защите прав семьи, материнства, отцовства, детства; участие в подготовке обращений Уполномоченного в органы государственной власти; организацию и проведение научно-исследовательских работ в области защиты прав семьи, материнства, отцовства и детства и др.

При Уполномоченном создан Совет отцов, который объединил под своим началом активных мужчин по всей России для решения социально значимых вопросов детства, а также организации наставничества и воспитания подрастающего поколения. Вопросы безопасности детей и подростков являются одним из приоритетов деятельности Совета отцов.

В целях формирования комплексной системы поддержки общественных проектов и инициатив, направленных на защиту прав семьи, материнства, отцовства и детства, повышение уровня и качества жизни семей с детьми, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, при Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка создан общественный проектный офис [5].

Для достижения целей общественный проектный офис осуществляет сбор информации и анализ основных проблем в сфере защиты прав семьи, материнства, отцовства и детства, положения семей с детьми, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Отдельного внимания заслуживают вопросы взаимодействия Уполномоченного по правам ребенка и средств массовой информации. Одной из основных функций СМИ в сфере защиты детства является установление связи между государством и обществом, которая должна позволить отслеживать мнения общества об уровне защищенности детей. Как отмечает О. В. Федорова, одной из важнейших функций детского Уполномоченного является функция просвещения [6, с. 56]. В настоящий момент законодательное регулирование взаимодействия Уполномоченного со СМИ сводится к обязательному опубликованию ежегодного доклада омбудсмена в «Российской газете».

Следует положительно оценить сложившуюся практику проведения пресс-конференций Уполномоченного, в рамках которых широкой общественности предоставляется возможность узнать о состоянии защищенности прав детей, а также задать вопросы Уполномоченному.

2. Перспективы развития сотрудничества уполномоченного по правам ребенка с институтами гражданского общества.

После анализа опыта взаимодействия Уполномоченного при Президенте Российской Федерации с институтами гражданского общества можно выделить три основных направления сотрудничества. Во-первых, детский омбудсмен выступает своеобразным объединяющим фактором организаций, работа которых направлена на защиту прав детей и органов государственной власти. Во-вторых, Уполномоченный оказывает методическую поддержку, организуя семинары по актуальным вопросам детства с привлечением экспертов по отдельным областям. В-третьих, Уполномоченный участвует в информационном просвещении по вопросам защиты прав и законных интересов детей. Статус независимого правозащитника позволяет омбудсмену выступать с экспертным мнением, а также влиять на общественное мнение по вопросам детства. Такое взаимодействие носит крайне узкий характер и нуждается в дальнейшем поиске форм и средств сотрудничества.

Исследователи, изучающие правовой статус детского Уполномоченного, все чаще выделяют его особую роль в построении механизма защиты прав несовершеннолетних. Е. А. Бондарева, Е. А. Руднева отмечают, что «создание института Уполномоченного по правам ребенка призвано обеспечить компетентные интеграции органов государственной власти и общественных организаций» [7]. Г. В. Синцов высказывает точку зрения, согласно которой детский омбудсмен обладает особым правовым статусом и является наименее бюрократизированной фигурой [8]. В научной литературе также отмечается, что статус Уполномоченного по правам ребенка как независимого правозащитника может помочь решать проблемы защиты прав детей более

эффективно, в частности проблемы вторичного сиротства в Российской Федерации, проблемы работы с опекунами семьями и т.п. [9].

Реализация всего потенциала института детского взаимодействия невозможна без построения разветвленных, многоуровневых связей с обществом в целом. Представляется, что одной из острых задач, стоящих перед Уполномоченным на сегодняшний день, является построение инфраструктуры защиты прав несовершеннолетних. Под построением инфраструктуры автор статьи подразумевает не только сотрудничество с крупными всероссийскими организациями, защищающими права детей, но и поддержку региональных социально ориентированных организаций, которые ежедневно вносят вклад в повышение уровня защищенности детей, работая «на земле».

Согласимся с мнением Н. Г. Сосниной, что «для обеспечения эффективности законопроектов по защите прав детей необходимо учитывать финансовые инвестиции, направленные на разработку новых программ» [10]. С финансовой точки зрения Уполномоченный может нести роль независимого эксперта между парламентариями и институтами гражданского общества. Именно социально-ориентированные некоммерческие организации знают, как обстоит дело с финансовой поддержкой проектов и мероприятий, направленных на защиту детей, представляется, что омбудсмен может быть тем посредником, который доносит до парламентариев мнение общества в процессе формирования бюджета.

Представляется, что взаимодействие Уполномоченного со средствами массовой информации должно претерпеть изменения в сторону большей открытости и расширения форм сотрудничества. В рамках данного вопроса согласимся с позицией М. Ю. Шамрина [11, с. 81], согласно которой необходимо публиковать в СМИ заключения омбудсмана на судебные решения, вынесенные по делам о нарушениях прав, свобод и законных интересов ребенка.

Таким образом, уровень защищенности прав несовершеннолетних граждан в Российской Федерации вызывает обеспокоенность на сегодняшний день. Эффективным решением данного вопроса может стать консолидированная работа государства и общества. Работа Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка является важнейшим объединяющим фактором на пути построения подобного сотрудничества. Представляется, что перечисленные пути построения эффективного взаимодействия между детским омбудсменом и институтами гражданского общества носят долгосрочный характер и способны сделать жизнь детей в стране существенно безопасней и благоприятной для развития.

Список литературы

1. Синцов Г. В., Лихтер П. Л. Институт Уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации: теория и практика, тенденции и противоречия развития. М. : Юрлитинформ, 2018. 216 с.
2. Синцов Г. В. Основные принципы организации и деятельности Уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации // Черные дыры в Российском законодательстве. 2016. № 2. С. 27–30.
3. Положение об Общественном совете при Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка // Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. URL: <http://deti.gov.ru/files/os1.pdf> (дата обращения: 12.04.2019).

4. Положение об Экспертном совете при Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка // Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. URL: <http://deti.gov.ru/files/es1.pdf> (дата обращения: 12.04.2019).
5. О проектном офисе // Проект-центр Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. URL: <http://www.projectdeti.ru/pages/about> (дата обращения: 05.02.2019).
6. Федорова О. В. Уполномоченный по правам ребенка: конституционно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. Новосибирск, 2017. 198 с.
7. Бондарева Е. А., Руднева Е. А. Институт уполномоченного по правам ребенка в России и ее субъектах: вопросы становления и перспективы развития // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2016. № 1. С. 47–58.
8. Синцов Г. В. Уполномоченный по правам ребенка в системе органов государственной власти // Lex russica (Русский закон). 2016. № 7 (116). С. 160–166.
9. Тузова О. Н., Степанова Д. Н. Роль Уполномоченного по правам ребенка в защите прав несовершеннолетних, воспитывающихся в опекунских семьях // Психология и право. 2019. Т. 9, № 3. С. 310–319.
10. Соснина Н. Г. Обеспечение эффективной защиты прав детей: на примере зарубежного опыта // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 3 (32). С. 386–389.
11. Шамрин М. Ю. Административно-правовой статус Уполномоченного по правам ребенка : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. М., 2014. 345 с.

References

1. Sintsov G.V., Likhter P.L. *Institut Upolnomochennogo po pravam rebenka v sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii: teoriya i praktika, tendentsii i protivorechiya razvitiya = Institute of the Commissioner for Children's Rights in the constituent entities of the Russian Federation: theory and practice, development trends and contradictions*. Moscow: Yurlitinform, 2018:216. (In Russ.)
2. Sintsov G.V. Basic principles of organizing the activities of the Commissioner for Children's Rights in the constituent entities of the Russian Federation. *Chernye дыры v Rossiyskom zakonodatel'stve = Black holes in Russian legislation*. 2016;2:27–30. (In Russ.)
3. Regulations on the Public Council under the Presidential Commissioner for Children's Rights of Russia. *Upolnomochenny pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po pravam rebenka = Presidential Commissioner for Children's Rights of Russia*. Available at: <http://deti.gov.ru/files/os1.pdf> (accessed 12.04.2019). (In Russ.)
4. Regulations on the Expert Council under the Presidential Commissioner for Children's Rights of Russia. *Upolnomochenny pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po pravam rebenka = Presidential Commissioner for Children's Rights of Russia*. Available at: <http://deti.gov.ru/files/es1.pdf> (accessed 12.04.2019). (In Russ.)
5. About the project office. *Proekt-tsentri Upolnomochennogo pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po pravam rebenka = Project Center of the Presidential Commissioner for Children's Rights of Russia*. Available at: <http://www.projectdeti.ru/pages/about> (accessed 05.02.2019). (In Russ.)
6. Fedorova O.V. *Upolnomochenny po pravam rebenka: konstitutsionno-pravovoe issledovanie: dis. kand. yurid. nauk: 12.00.02 = Presidential Commissioner for Children's Rights: constitutional legal research: dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences: 12.00.02*. Novosibirsk, 2017:198. (In Russ.)
7. Bondareva E.A., Rudneva E.A. The Institute of the Presidential Commissioner for Children's Rights of Russia and its entities: issues of formation and development prospects. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo = Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*. 2016;1:47–58. (In Russ.)

8. Sintsov G.V. Commissioner for Children's Rights in the system of state authorities. *Lex russica (Russkiy zakon) = Lex russica (Russian law)*. 2016;7(116):160–166. (In Russ.)
9. Tuzova O.N., Stepanova D.N. The role of the Commissioner for Children's Rights in protecting the rights of minors brought up in foster families. *Psikhologiya i pravo = Psychology and law*. 2019;9(3):310–319. (In Russ.)
10. Sosnina N.G. Ensuring effective protection of children's rights: on the example of foreign experience. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal = Baltic Journal of Humanities*. 2020;9(3):386–389. (In Russ.)
11. Shamrin M.Yu. *Administrativno-pravovoy status Upolnomochennogo po pravam rebenka: dis. kand. jurid. nauk: 12.00.14 = Administrative and legal status of the Commissioner for Children's Rights: dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences: 12.00.14*. Moscow, 2014:345. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Олег Николаевич Булаков

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой конституционного
и международного права, Российский
государственный гуманитарный
университет (Россия, г. Москва,
Миусская площадь, 6)

E-mail: bulakov62@mail.ru

Oleg N. Bulakov

Doctor of juridical sciences, professor,
head of the sub-department of constitutional
and international law, Russian State
University for the Humanities
(6 Miusskaya square, Moscow, Russia)

Поступила в редакцию / Received 20.01.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 01.02.2021

Принята к публикации / Accepted 08.02.2021

УДК 316.4

doi:10.21685/2072-3016-2021-1-6

«Нереализованные» бабушки и дедушки: прародительская ресурсность vs прародительская депривация

А. Л. Янак

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

alinayanak91@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Старение населения обуславливает исследовательский интерес к различным сферам жизнедеятельности представителей старшего поколения, их ресурсности и востребованности в семье и обществе. Цели работы – постановка проблемы семейной самореализации (потенциальных) бабушек и дедушек, концептуализация понятий «прародительская ресурсность» и «прародительская депривация» для дальнейшего изучения положения и роли старшего поколения в семье, качества межпоколенных отношений. *Материалы и методы.* Теоретико-методологической основой исследования является ресурсный подход в социологии. В статье систематизированы представления зарубежных и отечественных ученых о ресурсах, капитале и семейной ресурсности. Эмпирической базой исследования является серия пилотных исследований, проведенных автором или при его участии в 2019–2020 гг.: глубинные интервью с потенциальными прародителями в возрасте от 44 до 63 лет, имеющими детей, находящимися в фертильном возрасте и (или) стабильных семейных отношениях ($n = 13$), анкетные опросы студенческой молодежи «Представления студентов о семье» ($n = 362$), «Межпоколенные отношения в современной семье: дедушки, бабушки и внуки» ($n = 270$), «Представления студентов о насилии» ($n = 267$). *Результаты.* Предложена авторская трактовка и схема прародительской ресурсности, выделяются ее ключевые свойства, закономерности. Обозначены и кратко описаны следующие комбинации прародительских ресурсов: социальные, материальные, духовные, человеческие (личностные). Введено понятие «прародительская депривация», выявлены ее факторы и виды (первичная и вторичная). Материалы исследования представляют собой научную новизну и имеют высокую научную и практическую значимость. *Выводы.* Прародительская ресурсность – составная часть семейной, а также в целом личностной, социальной ресурсности женщин и мужчин старшего возраста. Она может быть востребованной и невостребованной, ограниченной или растроченной. Дефицит, потеря или отсутствие спроса на ресурсы прародителей может привести к прародительской депривации, выраженной в ощущении дискомфорта, фрустрации из-за отсутствия возможности самореализации в роли бабушек/дедушек. Данные, полученные в ходе исследования, позволяют расширить практику социальной работы с семьей, пожилыми людьми.

Ключевые слова: семья, прародительство, ресурсы, социальный капитал, прародительская ресурсность, прародительская депривация

© Янак А. Л., 2021. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00889 «“Старикам везде у нас почет?” Ресурсность старшего поколения в континууме от преклонения до эйджизма».

Для цитирования: Янак А. Л. «Нереализованные» бабушки и дедушки: прародительская ресурсность vs прародительская депривация // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 1. С. 54–69. doi:10.21685/2072-3016-2021-1-6

“Unrealized” grandmothers and grandfathers: the resource capacity of grandparents vs the deprivation of grandparents

A.L. Yanak

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
alinayanak91@yandex.ru

Abstract. *Background.* The aging of population determines research interest in various spheres of life of the older generation, their resource and relevance in family and society. The purpose of the research is to pose the problem of family self-realization of (potential) grandparents, the author's interpretation of the concepts of “the resource capacity of grandparents” and “the deprivation of grandparents” for study of the position and role of older generation in the family, the quality of intergenerational relations. *Materials and methods.* The theoretical and methodological basis of the research is based on a resource approach in sociology. The article systematizes the views of foreign and domestic scientists about resources, capital and family resources. The empirical basis of the study is a series of pilot studies conducted by the author or with his participation in 2019–2020: interviews with potential grandparents aged 44 to 63 years old with children of fertile age and (or) stable family relationships ($n = 13$), student youth survey “Students' perceptions of the family” ($n = 362$), “Intergenerational relations in a modern family: grandparents and grandchildren” ($n = 270$), “Students' perceptions of violence” ($n = 267$). *Results.* Offered the author's interpretation and scheme of the ancestral resource, its key properties and patterns. Indicated and described the combinations of ancestral resources: social, material, moral, human (personal). Introduced the concept of “the deprivation of grandparents”, identified its factors and types (primary and secondary). Research materials represent scientific novelty and have high scientific and practical significance. *Conclusions.* The ancestral resource is an integral part of the family, personal, social resource of older women and men. It can be demand and unclaimed, limited or wasted. Deficit, the loss or lack of demand for ancestral resources may lead to ancestral deprivation, expressed the feeling of discomfort, frustration due to lack of self-realization in the role of grandmothers/grandfathers. Research data will improve the practice of social work with families and older people.

Keywords: family, grandparenthood, resources, social capital, the resource capacity of grandparents, the deprivation of grandparents

Acknowledgments: the research was financed by the RFBR within the research project No. 19-011-0089 “We all honor the elderly, don't we?” The resource capacity of the elder generation in the continuum from admiration to ageism”.

For citation: Yanak A.L. “Unrealized” grandmothers and grandfathers: the resource capacity of grandparents vs the deprivation of grandparents. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2021;1:54–69. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-1-6

Теоретико-методологические основы исследования

Для разработки авторского определения и осмысления понятия «прародительская ресурсность» обратимся к положениям ресурсного подхода как новой социологической парадигмы (Г. Беккер, П. Бурдье, Э. Гидденс, Дж. Коулман, Р. Патнэм В. В. Радаев, З. Х. Саралиева, Н. Е. Тихонова), пока редко применяемой в теоретико-методологическом обосновании исследования семьи и семейного взаимодействия. На основании данного концептуального комплекса попытаемся вывести некоторые закономерности в развитии и потенциальной востребованности прародительской ресурсности.

По мнению Г. Беккера, редким и ограниченным человеческим ресурсом является его время [1, с. 33]. Интерпретация семейной ресурсности, согласно исследованиям ученого, зиждется на социально-экономическом анализе инвестиций, издержек, под которыми подразумеваются, например, материальные и нематериальные вложения в детей, межпоколенные трансферты (участие родителей в формировании и распределении доходности, семейного бюджета взрослых детей; дарение, наследство; передача знаний и опыта, поддержание семейных традиций и обычаев; уход младших членов семьи за старшими), а также полезности (равновесие социальных статусов супругов или восприятие брака как социального лифта; баланс властных отношений, взаимовыгодное/пропорциональное/рациональное/эгалитарное распределение обязанностей в брачной или партнерской паре [2, с. 33–34]; удовлетворение супружеских и семейных потребностей, производство семейных благ, определяющих и максимизирующих «эффективность», «производительность», т.е. успешность союза) [1, с. 254–257, 405–415].

Дж. Коулман в качестве важнейшего семейного ресурса представляет социальный капитал как возможности, которые акторы социального взаимодействия могут использовать для достижения своих целей в широком смысле, и как социальный контекст (среда) (вос)производства поведения и преобразования индивида, структура взаимоотношений и обмена между ними – в узком [3]. Ученый выделяет ключевые свойства такой среды: обязательства, ожидания и надежность. Уточняется, что в семье капитал делится на финансовый (семейное богатство), человеческий (образование (прародителей) и социальный (отношения между старшим и младшим поколениями через взаимную доступность, вовлеченность и ожидания).

Э. Гидденс интерпретирует ресурсы как свойства социальных систем, «средства осуществления власти в процессе повседневной человеческой деятельности, социального воспроизводства» [4, с. 57, 69].

П. Бурдье выделяет четыре основные формы капитала: экономический (деньги, собственность, материальный статус), культурный (образовательная квалификация и культурный уровень, ценности и традиции), социальный (социальные связи, социальные обязательства, социальное положение) и символический (престиж, репутация, авторитет), определяющие «координаты» индивидов в социальном пространстве [5]. Семья – особая разновидность социального пространства, имеющего свои, пусть и нередко подвижные, границы, в которое инкорпорируются названные виды капитала, распределяющие членов семьи или семейные подсистемы по определенным позициям и детерминирующие их ресурсность. Получается, чем многообразнее и компетентнее

капитал (потенциальных) прародителей, тем востребованнее их ресурсы, ближе и крепче их внутрисемейные позиции.

Р. Патнэм также признает вариативность социального капитала, однако склонен проблематизировать его как социальные сети или социальные связи, формальные (профессиональное сообщество) и неформальные (ближайшее окружение, друзья, соседи, группы по интересам/увлечениям), длительные и стабильные или кратковременные и ситуативные [6, с. 42].

В. В. Радаев выделяет несколько иные характеристики капитала: ограниченность, способность к накоплению, ликвидность, способность к самовоспроизведению и конвертации. Формы капитала/ресурса дополняются физическим (ресурс здоровья) и политическим (репрезентация и защита интересов других в публичном пространстве, активность и включенность в коллективные действия) [7]. Так, без здоровья и публичной (за пределами семьи) активности бабушек и дедушек ресурсность прародительской подсистемы может считаться неполной и несовершенной.

Н. Е. Тихонова склонна отождествлять понятия «ресурсы» и «активы», тем самым подчеркивая значимость именно «кинетической» энергии ресурсов, их прикладного характера (не пассивность возможностей) [8]. Это важный ориентир для оценки уровня спроса прародительских ресурсов.

З. Х. Саралиева характеризует семейную ресурсность как совокупность потенциалов для формирования и удовлетворения потребностей семьи и ее членов. Причем отсутствие или дефицит одного или нескольких ресурсов способны подорвать ресурсность семьи в целом [9, с. 194–195].

Материалы и методика

Авторское осмысление понятия «прародительская ресурсность» опирается как на рассмотренные теоретические положения, так и на результаты серии оригинальных пилотных исследований, проведенных в 2019–2020 гг.:

1. Глубинные интервью с потенциальными прародителями – женщинами и мужчинами в возрасте от 44 до 63 лет, имеющими детей, находящихся в фертильном возрасте и (или) стабильных семейных отношениях (зарегистрированном браке и сожительстве), $n = 13$. Цель опроса – выявить ресурсность потенциальных прародителей в семье, а также характеристики и факторы социально-психологической депривации в связи с отсутствием внуков.

2. Анкетные опросы обучающихся социогуманитарных специальностей ННГУ им. Н. И. Лобачевского:

– «Представления студентов о семье» ($n = 362$). Цель опроса – изучение представлений студенческой молодежи о семье и семейных отношениях;

– «Межпоколенные отношения в современной семье: дедушки, бабушки и внуки» ($n = 270$). Цель исследования – определить социализационный потенциал современных бабушек и дедушек;

– «Представления студентов о насилии» ($n = 267$). Цель исследования – анализ представлений студентов о видах и формах насилия в семье.

Результаты и обсуждение

Прародительская ресурсность – комплекс потенциалов и капиталов прародителей в семье (рис. 1), который характеризуется следующими свойствами и закономерностями:

- чем ниже субъектность и ресурсность младшего поколения в семье, тем выше для него «полезность» старшего;
- чем содержательно насыщеннее прародительская ресурсность, тем она ликвиднее и способность ее конвертации выше;
- чем выше и вариативнее ресурсность и компетентность прародителей, тем устойчивее их властный статус в семье;
- чем более развитым социальным капиталом обладает прапоколение в семье, тем доверительнее и авторитетнее будет межпоколенное взаимодействие;
- чем ограниченнее и деформированнее прародительская ресурсность, тем выше вероятность прародительской депривации.

Рис. 1. Прародительская ресурсность

Более востребованной и прикладной оказывается ресурсность бабушек. Некоторые группы ресурсов, представленных на схеме, требуют разъяснений. В частности, социальные ресурсы прародителей представляют собой семейный бэкграунд. Воспитательная (социализирующая) функция семьи преемственна и реализуется матерями и отцами на фоне родительского опыта прародителей – дети подспудно во многом имитируют и воспроизводят паттерны поведения родителей при построении собственных брачно-семейных и детско-родительских отношений. Зачастую прародители напрямую вовлечены в выполнение обязанностей, связанных с воспитанием и заботой о внуках и не только. По данным опроса «Представления студентов о семье», большинство респондентов считают помощь бабушек и дедушек приемлемой, если у них находятся возможности, силы и желание (табл. 1).

При этом применение ресурсов отражается в реализации тех или иных социальных практик. В рамках анкетирования «Межпоколенные отношения в современной семье: дедушки, бабушки и внуки» было выявлено, что, по мнению студентов (представителей современного поколения внуков), наиболее практически значимыми прародительскими ресурсами являются личные (особенно время) и духовные (табл. 2).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какова роль бабушек/дедушек
в выполнении следующих семейных обязанностей?»
(в процентах)

Варианты ответов	Помощь в уходе и воспитании ребенка/детей (внуков)	Выполнение домашних обязанностей (приготовление пищи, уборка, стирка)	Материальная поддержка
Должны всегда помогать своим детям и внукам	10,5	2,8	2,8
Должны помогать своим детям и внукам, если у них есть такая возможность	39	19,6	24,3
Могут иногда помогать своим детям и внукам, если сами этого хотят	45	47,2	50,8
Родители должны сами справляться с выполнением своих обязанностей, у бабушек/дедушек своя жизнь	5,5	30,4	22,1
Итого	100	100	100

Передача социального, экономического и профессионального статусов издавна считалась важнейшей задачей семьи, ответственной за «профессиональную подготовку и сертификацию для определенных видов деятельности» [1, с. 417]. Сегодня это остается актуальным для семейных профессиональных династий и в рамках накопления и пользования детьми и внуками социальным капиталом (в виде социальных связей) прародителей. Образование и образовательные предпочтения тоже нередко находятся в «ведении» семьи. Бабушки и дедушки могут принимать участие в выборе учебных заведений для внуков, оплачивать обучение и сопровождать их до образовательных организаций (до детского сада, школы, спортивных секций).

Адекватное восприятие, продуктивное использование и конвертация времени называется временной компетентностью [10]. Неработающие представители старшей возрастной группы способны инвестировать этот ценный ресурс в развитие внуков. Подобным свойством обладают чувства (любовь, привязанность, доверие) и авторитет, формирующие эмоциональную субъектность. Родственные отношения подразумевают содержание и качество систем отношений «(пра)родители – дети», «прародители – внуки», «(пра)родители – невестки/зятья», «(пра)родители – сваты». Две последних формы ресурсов формируют определенный уровень межпоколенных отношений, психологического климата в семье.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Должны ли, по Вашему мнению, бабушки и дедушки принимать подобное участие в жизни внуков?» (в процентах)

Вид участия	Должны	Скорее должны	Скорее не должны	Не должны	Я не застал(а) своих бабушек/дедушек или нет ответа	Итого
1	2	3	4	5	6	7
Уход в младенческом возрасте (пеленание, купание и т.д.)	20	46,7	21,1	8,9	3,3	100
Присмотр в отсутствие родителей	45,5	37,8	5,6	7,8	3,3	100
Покупка подарков, угощений	20	48,9	16,7	11,1	3,3	100
Покупка продуктов питания	10	24,4	44,4	16,7	4,4	100
Покупка одежды и обуви	7,8	11,1	48,9	28,9	3,3	100
Покупка предметов длительного пользования (техники, автомобиля)	5,5	4,4	33,3	50	7,8	100
Выдача карманных денег (на повседневные нужды)	4,4	27,8	38,9	25,6	3,3	100
Оформление наследства	8,9	21,1	30	33,3	6,7	100
Сопровождение до/из детского сада / школы, спортивных секций, художественных кружков, к врачу	18,9	48,9	14,4	14,4	3,4	100
Совместный досуг (игры, прогулки, походы в кафе, театр, кинотеатр, музей)	35,6	40	6,7	14,4	3,3	100
Совместный отдых (поездки на море, в санатории)	26,7	34,4	16,7	17,8	4,4	100
Помощь при подготовке к урокам	18,9	38,9	18,9	20	3,3	100

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
Помощь при выборе образовательной организации (вуза)	10	24,4	26,7	35,6	3,3	100
Помощь при выборе жениха/невесты	3,3	16,7	23,3	46,7	10	100
Формирование профессиональных предпочтений	8,9	21,1	28,9	34,4	6,7	100
Формирование литературного, музыкального вкусов	12,2	31,1	24,4	24,4	7,9	100
Формирование личностных качеств (ответственность, порядочность, целеустремленность и др.)	34,4	44,4	5,6	11,1	4,5	100
Участие в разрешении конфликтных ситуаций со сверстниками	6,7	26,7	27,8	31,1	7,7	100
Участие в разрешении конфликтных ситуаций со школьными учителями	7,8	22,2	27,8	37,8	4,4	100
Участие в разрешении конфликтных ситуаций с родителями	22,2	35,6	14,4	25,6	2,2	100
Обучение социально полезным навыкам (приготовление пищи, уборка дома, ремонт)	32,2	40	8,9	14,4	4,5	100
Знакомство внуков со своими друзьями, знакомыми, коллегами	5,6	23,3	33,3	33,3	4,5	100
Знакомство бабушек и дедушек с друзьями, знакомыми, коллегами внуков	6,7	21,1	32,2	35,6	4,4	100
Психологическая поддержка в трудных ситуациях	42,2	35,6	7,8	10	4,4	100
Формирование, трансляция и передача семейных традиций	35,6	42,2	8,9	10	3,3	100

Духовные ресурсы предполагают передачу общего интеллектуального и культурного уровня младшим поколениям, трансляцию ценностей (общечеловеческих и внутрисемейных): формирование, например, литературного, музыкального вкуса, привитие увлечений и хобби, привлечение к спорту, поддержание традиций.

Согласно теории сохранения ресурсов С. Хобфолла, ресурсы определяются как ценные для человека объекты, личные характеристики, состояния и энергии или средства для их достижения. Примеры ресурсов могут включать деньги, недвижимость, мастерство и эксклюзивные знания, умения, таланты, (само)уважение, оптимизм, социально-экономический статус, специализацию и трудовую занятость. При этом потеря одного ресурса легко ведет к потере или неправильной конвертации других («караванный» принцип группировки ресурсов). Немаловажными принципами сохранения ресурсности являются постоянный прирост и увеличение запаса прочности ресурсов, их эффективное использование, переоценка или замена для компенсации дефицитов, грамотная и своевременная инвестиция, переосмысление угрозы потери (изменение отношения к проблеме). Ситуация угрозы потери, сокращения или реальной утраты ресурсов является стрессогенным, психотравмирующим фактором, провоцирующим социально-психологическую депривацию, дезориентацию, дезадаптацию, пессимизм, депрессию, снижение самооценки и изменение социально-экономического статуса [11].

В рамках данного исследования депривация рассматривается в дискурсе нереализованного прародительства как одного из проявлений жизненного дискомфорта женщин и мужчин.

Выделены факторы депривации при нереализованном прародительстве:

1. Гендерная принадлежность: женщины в большей степени стремятся быть востребованными в качестве прародителей и в целом в семейной жизни, чем мужчины, для которых традиционно важнее самореализация в публичной сфере. «Моя старшая <дочь> пока без детей, но это еще не самое страшное – у нее нет никого уже давно. В этом возрасте <37 лет> ей бы хоть человека по сердцу найти, а то от одиночества взвоят» (М., 62 года, двое дочерей 28 и 36 лет).

Более того, острее депривацию от нереализованности и отсутствия возможности приложения собственных ресурсов переживают матери дочерей (потенциальные бабушки по материнской линии). «Я убеждена, что женщина, в браке она или нет, рождает, прежде всего, для себя... Отношение к дочерям и к внукам от дочерей всегда будет отличаться: и близости, и понимания, и желания помочь, заниматься внуком/внучкой больше. Мама есть мама, а свекровь... Ну, сами понимаете» (Ж., 59 лет, двое дочерей, 27 и 35 лет). Уже состоявшиеся бабушки, имеющие внуков от сыновей, предпочитают не вмешиваться в процесс воспитания, чтобы избежать конфликтов с невесткой [12]. Приоритет бабушек по материнской линии подтверждает и поколение внуков [13]. По данным исследования «Межпоколенные отношения в современной семье: дедушки, бабушки и внуки», 68,5 % молодых людей любят больше бабушек по материнской линии, чем по отцовской. В целом 22,2 и 24,4 % студентов отметили, что чаще общаются по телефону и на 16,8 и 15,5 % чаще видятся с бабушками и дедушками по материнской линии, чем по отцовской.

Ограниченность фертильности («биологических часов») дочерей вызывает большее беспокойство, чем репродуктивные установки и поведение сыновей. «Моей дочери 34 года... это, конечно, еще не критично, но с каждым годом решение, сама беременность и роды могут даваться сложнее. Как ни крути, а часики тикают! Сыну 27, тоже взрослый мальчик, но в том-то и дело, что мужчины могут позволить себе дозреть, как говорится. Ну и в целом, у них все-таки 7 лет разницы...» (Ж., 63 года).

2. Возрастные ограничения и стереотипы: материалы интервью показывают, что потенциальные бабушки старшей возрастной группы испытывают витальную потребность в прародительской самореализации. Причем если у представителей более молодой возрастной группы (44–55 лет) она имеет форму спокойного или радостного ожидания внуков, то у информантов постарше (55–60+ лет) она в большей степени сопряжена с чувством тревоги. Субъективное восприятие отсутствия внуков как фактора социальной депривации обуславливается приближением или наступлением пенсионного возраста и прекращением трудовой занятости (необходимость применения временного ресурса, опыта, быть нужными, частичное замещение и восполнение набора социальных ролей); возрастными стереотипами (бабушка/дедушка как социально ожидаемый для данной возрастной категории статус); одиночеством (затянувшееся ощущение «пустого гнезда», развод, вдовство); боязнью девальвации знаний, умений и навыков, ухудшения здоровья; переживаниями за детей (риск распада семьи). «Мне почти 60 лет... пока я в силах... есть, что дать и передать будущим внукам, чему-то научить их. <...> Но время уходит, и на сколько меня еще хватит (здоровья, материальных возможностей), сложно сказать. То есть время работает против меня... Я хочу, чтобы у моих детей была полноценная семья, а полноценная семья подразумевает рождение детей. <...> Это тяжело – остаться без детей» (Ж., 59 лет, вдова, мать двоих дочерей, 27 и 35 лет). «Моя супруга рано родила, в 19 лет (это сын от первого брака), бабушкой она становиться не торопится, но и против не будет – сыну-то уже 28 <лет>, женат 3 года... Планирование детей для них актуально...» (М., 52 года, состоит в повторном браке, пасынку 28 лет). «Пока я работаю, но в любой момент меня могут “попросить”, я же уже пенсионер. <...> Пенсия накладна не только с точки зрения отсутствия дохода, но и, как сказать... на стену полезешь! Где-то же ты должен быть полезен! <...> До сих пор помню, как приходил со смены и менял, стирал, гладил пеленки, кормил, укачивал...» (М., 62 года, состоит в повторном браке, двое дочерей 28 и 36 лет).

Возраст детей тоже имеет значение: чем он выше, тем больше беспокойство родителей («здоровье уйдет», «не сможет родить», «не успею понянуть»).

3. Семейный стаж и статус детей и прародителей. Длительность и стабильность брачных/партнерских отношений детей делает ожидание внуков еще более ощутимым и оправданным. «Мой сын женат почти 6 лет, но вместе они <с супругой> уже 8. У них все еще нет детей... Для меня это тревожно, но они просят не лезть к ним с подобными разговорами. <...> Для него? Хотя он и говорит, что спокойно относится к ситуации, думаю, либо лукавит, либо это до определенной поры. Мужчины тоже ведь задумываются о наследниках

рано или поздно... В итоге они могут просто расстаться из-за этого» (Ж., 56 лет, сыну 31 год). С другой стороны, отсутствие спутника(цы) жизни может вызывать обоснованное дополнительное беспокойство относительно затянувшегося/вероятного одиночества (особенно в отношении девушек).

Предполагаем, что потребность во внуках проявляется интенсивнее в крепких парах (первобрачных союзах) с родным(и) ребенком/детьми, чем в повторнобрачных семьях, но, возможно, ниже, чем у разведенных/овдовевших одиноко проживающих женщин. Однако данная гипотеза требует эмпирической проверки.

4. Структура детности:

– сиблинги: наличие внуков, хотя бы от одного из детей, может служить фактором снижения интенсивности переживаний за отсутствие детей у второго (других) сиблинга(ов), а отсутствие детей у всех сиблингов – катализирующим депривацию обстоятельством. «Да, почти полтора года назад у меня родился внучок... Честно говоря, я ожидала, что первым меня бабушкой сделает старший, но он не женат. Я, конечно, за него больше переживала, так как он очень долго был один. Недавно он познакомился с хорошей девушкой, они встречаются, это придает уверенности за него, а рождение внука меня отвлекло (стараюсь быть рядом, помогать, нянчусь с удовольствием) и немного успокоило, видимо, всему свое время» (Ж., 58 лет, двое сыновей, 27 и 36 лет);

– родство: наличие у партнера(ши) дочери/сына от предыдущего брака не дает «антидепривационного» эффекта, потребность в прародительстве не удовлетворена в полном объеме (как функционально, так и эмоционально), и сохраняется надежда на рождение общих детей (родных внуков) в паре. «У нее <невестки> есть сын-подросток от предыдущего “гражданского” брака, общими детьми не обзавелись, хотя живут 10 лет. Она не может (по медицинским показаниям) и, наверное, уже не хочет, у нее же есть ребенок, а Пашка <сын> смирился. Да, он <пасынок> называет меня бабушкой, я считаю его своим внуком и вроде бы уже тоже смирилась, но долго надеялась на родного внука... И сейчас в глубине души все равно надеюсь» (Ж., 61 года, сыну 38 лет).

Бабушки и дедушки, состоящие в повторном союзе и принимающие участие в воспитании неродных внуков (внуков супруга(и)/партнера(ши)), формируют категорию «замещающее прародительство», которое, пожалуй, тоже лишь частично покрывает «прародительский запрос». «У меня, конечно, есть внучка, то есть это внучка моей супруги второй, а своих-то нет. Это же не моя кровь» (М., 62 года, двое дочерей, 28 и 36 лет).

5. Здоровье детей. Определенный перечень заболеваний, осложнения после аборт, первичное или вторичное бесплодие, супружеская несовместимость при зачатии и иные расстройства репродуктивной функции – ключевые детерминанты медицинских показаний для прерывания или отказа от планирования беременности. «Да, первые роды прошли тяжело, как она <невестка> рассказывала, были разрывы, возникли осложнения, врачи сказали, что у нее больше не будет детей. Ну, ребенку 14 лет, можно было бы и провериться, пока время еще есть, поэтому я и говорю, что, наверное, она уже не хочет или боится...» (Ж., 61 года, сыну 38 лет). Нежелание (одного

или обоих супругов/партнеров) иметь детей (осознанная бездетность, приверженность к чайлдфри) как некое патологическое, с точки зрения демографического и семейного запросов, состояние.

6. Религиозная и этническая принадлежность. Например, в мусульманских семьях дети – наивысшая жизненная и социальная ценность, божий дар; детское звено имеет педагогическую, духовную и правовую стратегически важную значимость в межпоколенном взаимодействии [14]. Соответственно, необходимость в детях и депривация от их отсутствия в таких семьях интенсифицируются.

7. Социальные условия как причина откладываемого родительства детей:

– образовательные и карьерные притязания. «Мы всю жизнь жили для детей, поэтому если не дети, то внуки, а посмотрев на наших старших, которые (один уже 3 года назад женился) занимаются магистратурами, своими делами...» (М., 46 лет, трое сыновей и дочь, 6, 16, 23 и 26 лет);

– материальные и жилищные проблемы. «Она <младшая дочь> и училась долго, закончила аспирантуру, и жилье было съемное, доходы не стабильные как у молодых специалистов, поэтому откладывали, и я их <с зятем> понимаю, все разумно» (Ж., 59 лет, двое дочерей, 27 и 35 лет).

Следует отличать *первичную* прародительскую депривацию, связанную с отсутствием внуков и невозможностью реализации прародительства, с одной стороны, и *вторичную*, обусловленную ограниченным выполнением прародительских функций – с другой. Среди факторов второго варианта депривации можно выделить следующие:

- здоровье прародителей (старение, заболеваемость, инвалидизация);
- профессиональная загруженность прародителей (повышение пенсионного возраста, интенсивность и полнота занятости);
- расстояние (проживание в разных населенных пунктах, странах);
- вне- или постбрачное родительство (запреты на общение с отцом/матерью ребенка/детей и их родственниками после разрыва отношений);
- глобализация и мировые тенденции, трансформации в развитии брачно-семейной сферы: нуклеаризация семьи (стремление к отделению младших поколений от старших и нивелирование межпоколенных отношений); пандемия коронавируса (резкое изменение/сокращение количества и качества контактов между бабушками, дедушками и внуками).

Психологическая составляющая отношений между родителями и детьми – уровень привязанности, эмоциональный микроклимат, обоюдная вовлеченность – могут служить фактором депривации в обеих проекциях.

Маркерами/следствиями прародительской депривации могут служить:

- хандра и депрессия;
- социальная изоляция как следствие одиночества [15], затянувшегося цикла «пустое гнездо» в развитии семьи;
- социальное «сиротство» старшего поколения в семье;
- семейная стратификация, выраженная в маргинализации, пренебрежении/угнетении/уязвимости старшего поколения в семье и насилие как ее радикальная форма.

Таблица 3

Распределение оценок (уровня согласия) суждений (в процентах)

Показатели	Совсем не согласен(на)	Скорее не согласен(на)	Да и нет, сложно сказать	Скорее согласен(на)	Полностью согласен(на)	Итого
Пожилые члены семьи полностью зависимы от младшего поколения	31,5	30,3	29,6	6,7	1,9	100
Пожилые члены семьи должны максимально помогать младшим	33,7	30,7	28,8	4,2	2,6	100
Пожилые члены семьи не должны мешать жизни младших	12,7	16,1	26,2	25,1	19,9	100
В семье старшее поколение должно жить отдельно от младших	7,6	11,6	34,8	25,8	20,2	100
Лучше «отыграться» на пожилым родственнике, чем на жене/муже или ребенке	92,1	4,5	2,6	0	0,8	100
Пожилые члены семьи раздражают представителей младших поколений	50,2	19,9	24,3	4,5	1,1	100
Пожилых членов семьи можно и нужно наказывать	96,3	2,6	1,1	0	0	100
Пожилые, даже испытывая в семье притеснения, не должны жаловаться	92,5	4,5	1,5	0	1,5	100

Насилие и жестокое обращение с пожилыми людьми в семье – тема, которая до сих пор зачастую несправедливо замалчивается или табуируется. Предполагается, что дефицит освещения проблематики связан с нежеланием старших родственников жаловаться («выносить сор из избы») и стереотипностью, скудостью знаний о формах насилия – большинство из них населением не квалифицируются в качестве насилия как такового. В частности, по данным исследования М. В. Вдовиной, в отношении пожилых членов семьи родственники применяют материально-бытовой (вымогание пенсии и других денежных средств, «конфискация» собственности, покупка некачественных вещей и продуктов питания, лишение личных вещей), психологический (хамство, грубость, невнимание, угрозы, шантаж) и физический виды насилия [16].

Материалы анкетирования «Представления студентов о насилии» демонстрируют довольно противоречивые мнения молодежи о положении (и его ущемлении) пожилых в семье: резкое отрицание вызвали только открыто негативные, оценочные суждения, относительно нейтральные высказывания оставили неоднозначное впечатление (табл. 3).

Прародительскую депривацию можно рассматривать в более широком контексте социально-психологической депривации людей пожилого возраста, обусловленной снижением показателей здоровья и материального обеспечения, социальной и трудовой активности, геронтофобией, эйджизмом в публичной и частной сферах.

Выводы

Прародительская ресурсность – интегральное, неравномерное сочетание потенциалов и капиталов (социальных, материальных, духовных и личностных), которыми обладают прародители. Востребованность и авторитет бабушек и дедушек во многом зависят от многообразия и уровня наполнения их ресурсности, интенсивности ее применения в рамках повседневных социальных практик взаимодействия с младшими поколениями, в частности внуками. Она рассматривается как важнейший компонент личностной и в целом социальной ресурсности представителей зрелой и пожилой возрастных групп. В ситуациях ограниченной, (не)растраченной, проблемной ресурсности имеет место прародительская депривация, характеризующаяся как ощущение жизненного дискомфорта, вызванного нереализованным потенциалом, несвоевременным, запоздалым приобретением статуса «бабушка/дедушка». Данное явление остается малоизученным и требует дальнейшей детализации, в том числе в дискурсе родительского и детского обозначения ее границ и факторов. Перспективным является анализ соотношения востребованности/эйджизма представителей старшей возрастной группы в публичной сфере и их потребности в самореализации в семье. Результаты исследования прародительской депривации могут служить ориентиром для совершенствования семейной политики и практики социальной работы с пожилыми людьми и людьми с признаками посттравматического синдрома, социально-психологической дезадаптации и сниженной самооценкой.

Список литературы

1. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. М. : ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.

2. Emerson R. Power-dependence relations // *American Sociological Review*. 1962. № 27 (1). P. 31–41.
3. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 122–139.
4. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М. : Академический Проект, 2005. 528 с.
5. Бурдые П. Формы капитала / пер. М. С. Добряковой, В. В. Радаева // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.
6. Putnam R. Social capital: Measurement and consequences // *Isima: Canadian Journal of Policy Research*. 2001. № 2. P. 41–51.
7. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Общественные науки*. 2003. № 2. С. 20–32.
8. Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // *Социологические исследования*. 2006. № 9 (269). С. 28–41.
9. Саралиева З. Х. Социально-психологическая субъектность и компетентность семьи // *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского*. 2002. № 1. С. 192–200.
10. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Возрастные общности и проблемы регулирования темпоральных стратегий их поведения // *Вестник ВЭГУ*. 2017. № 3 (89). С. 50–59.
11. Hobfoll S. E., Halbesleben J., Neveu J., Westman M. Conservation of Resources in the Organizational Context: The Reality of Resources and Their Consequences // *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. 2018. Vol. 5. P. 103–128.
12. Краснова О. В. Бабушки в семье // *Социологические исследования*. 2000. № 11. С. 108–116.
13. Саралиева З. Х., Судьин С. А., Янак А. Л. Прародительские отношения в современной российской семье: опыт пилотного исследования // *I Российско-Иранский социологический форум : сб. тез. докл. участников форума (г. Москва, 16–18 ноября 2020 г.) / отв. ред. С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, ФНИСЦ РАН. М. : Перспектива, 2020. С. 509–521.*
14. Вертякова Э. Ф., Ураканова В. М. Особенности воспитания детей в исламской семье // *Проблемы современной науки и образования*. 2015. № 5 (35). С. 90–93.
15. Ермилова А. В. Одиночество как антипотенциал пожилых людей: социологический аспект // *Социальный потенциал пожилых людей: условия, опыт, проблемы эффективного применения : материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (г. Саранск, 15 ноября 2018 г.) / под общ. ред. Л. И. Савинова. Саранск : Издатель В. С. Афанасьев, 2019. С. 1–4.*
16. Вдовина М. В. Жестокое обращение, насилие в пожилом возрасте и возможности их преодоления // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2018. № 1. С. 9–13.

References

1. Bekker G. *Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskij podkhod = Human behavior: an economic approach*. Moscow: GU VShE, 2003:672. (In Russ.)
2. Emerson R. Power-dependence relations. *American Sociological Review*. 1962;27(1): 31–41.
3. Koulman Dzh. Social and human capital. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*. 2001;3:122–139. (In Russ.)
4. Giddens E. *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii = Organization of society: an outline of the theory of structuralization*. Moscow: Akademicheskij Proekt, 2005:528. (In Russ.)

5. Burd'e P. Forms of capital. Translated by M.S. Dobryakova, V.V. Radaev. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic sociology*. 2002;3(5):60–74. (In Russ.)
6. Putnam R. Social capital: Measurement and consequences. *Isuma: Canadian Journal of Policy Research*. 2001;2:41–51.
7. Radaev V.V. The concept of capital, forms of capital and their conversion. *Obshchestvennye nauki = Social sciences*. 2003;2:20–32. (In Russ.)
8. Tikhonova N.E. Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification research. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological researches*. 2006;9(269):28–41. (In Russ.)
9. Saralieva Z.Kh. Social and psychological counseling and family competence. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo = Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*. 2002;1:192–200. (In Russ.)
10. Zborovskiy G.E., Ambarova P.A. Age communities and problems of regulation of temporal strategies of their behavior. *Vestnik VEGU = Bulletin of the Eastern Economics and Law Humanities Academy*. 2017;3(89):50–59. (In Russ.)
11. Hobfoll S.E., Halbesleben J., Neveu J., Westman M. Conservation of Resources in the Organizational Context: The Reality of Resources and Their Consequences. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. 2018;5:103–128.
12. Krasnova O.V. Grandmothers in family. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological researches*. 2000;11:108–116. (In Russ.)
13. Saralieva Z.Kh., Sud'in S.A., Yanak A.L. Parental relationships in the modern russian family: the experience of a pilot study. *I Rossiysko-Iranskiy sotsiologicheskiiy forum: sb. tez. dokl. uchastnikov foruma (g. Moskva, 16–18 noyabrya 2020 g.) = The 1st Russian-Iranian sociological forum (Moscow, November 16–18, 2020)*. Moscow: Perspektiva, 2020:509–521. (In Russ.)
14. Vertyakova E.F., Urakanova V.M. Features of raising children in an Islamic family. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya = Issues of contemporary sciences and education*. 2015;5(35):90–93. (In Russ.)
15. Ermilova A.V. Loneliness as the antipotential of older people: a sociological aspect. *Sotsial'nyy potentsial pozhilykh lyudey: usloviya, opyt, problemy effektivnogo primeneniya: materialy Mezhtregion. nauch.-prakt. konf. (g. Saransk, 15 noyabrya 2018 g.) = Social potential of older people: conditions, experience, problems of effective use: proceedings of Interregional scientific and practical conference (Saransk, November 15, 2018)*. Saransk: Izdatel' V.S. Afanas'ev, 2019:1–4. (In Russ.)
16. Vdovina M.V. Elder abuse, violence and opportunities to get over them. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2018;1:9–13. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Алина Леонидовна Янак

кандидат социологических наук,
старший преподаватель, кафедра общей
социологии и социальной работы,
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет имени Н. И. Лобачевского
(Россия, г. Нижний Новгород,
проспект Гагарина, 23)

E-mail: alinayanak91@yandex.ru

Alina L. Yanak

Candidate of sociological sciences, senior
lecturer, sub-department of general
sociology and social work, Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod
(23 Gagarin avenue, Nizhny Novgorod,
Russia)

Поступила в редакцию / Received 29.12.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.01.2021

Принята к публикации / Accepted 05.02.2021

УДК 316.36

doi:10.21685/2072-3016-2021-1-7

Реализация функций средств массовой информации в условиях глобальных и национальных вызовов: оценки населения и журналистов

О. В. Шиняева¹, В. Е. Каманина²

^{1,2}Ульяновский государственный технический университет, Ульяновск, Россия

¹olses@rambler.ru, ²kamanina_valentina@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В условиях кардинального обновления рынка труда, углубления противоречий между слоями общества, появления новых экологических катастроф и вирусных пандемий обостряются социальные вызовы разного масштаба и интенсивности. Любые вызовы активизируют потребности в коммуникациях, обсуждении моделей поведения и способов мобилизации ресурсов. Перечисленные обстоятельства повышают актуальность научных исследований массовой коммуникации, ее связей с институтом СМИ и новой структурой медиа-пространства, эффективности выполнения функций и их восприятия населением. Социологический интерес представляет проблема реализации традиционных функций социального института СМИ в изменившемся медиапространстве, соревнование за доверие населения между старым и новым медиа. *Материалы и методы.* В статье используются теории Ю. Хабермаса, М. Кастельса, М. М. Назарова о функциях масс-медиа в условиях активной цифровизации, интерпретация данных авторского социологического исследования, проведенного методами анкетного опроса населения и глубинного интервью с журналистами. В качестве эмпирического объекта анкетного опроса выступили жители крупного города от 18 лет и старше, разного уровня образования и должностного статуса; респондентами глубинного интервью выступили журналисты, работающие в печатных изданиях, на телевидении, радио, в интернет-изданиях и социальных медиа. Цель статьи – определить характер реализации функций СМИ в условиях обострения глобальных и национальных вызовов, изменения структуры медиа-субъектов и их восприятия участниками массовых коммуникаций. Она реализована через применение структурно-функционального и коммуникативного подходов, анализ современных функций СМИ с позиций эффективных ответов на глобальные, национальные вызовы, мобилизации человеческих ресурсов. *Результаты.* Из основных социокультурных функций СМИ наиболее значимой являются активизация информационных потребностей населения, желание сопоставить свои модели поведения с распространенными практиками. Под воздействием технологических трансформаций, в условиях глобального перехода общественной и экономической жизни из офлайна в онлайн стала очевидна проблема выполнения функций массовых коммуникаций по причинам снижения качества информации, а также включения в процесс ее создания непрофессиональных журналистов. *Выводы.* В ситуации информационной перегрузки проверенная, достоверная информация приобрела особую ценность, стала важным оружием против паники и фейков. Важнейшую роль в ее реализации играют региональные медиа и социальные сети; они больше способствуют общественному согласию, чем крупные федеральные издания. Последние более эффективны в выполнении функций социального контроля и социальной регуляции действий населения. Ситуация осложняется тем, что в конкурентную борьбу за умы и поступки населения включились социальные сети, где потоки массовой информации создаются в неформальном общении. Новые законодательные акты дают право считать себя журналистом работникам, не имеющим профессионального образования,

но регулярно выкладывающим информационные продукты на онлайн-платформах. Изменения в структуре и формах СМИ пока не нашли полного отражения в российском законодательстве, что в реальной практике снижает информационно-мобилизующую эффективность массовых коммуникаций.

Ключевые слова: функции СМИ, глобальные и национальные вызовы, мобилизующая роль массовой коммуникации, гражданское общество

Для цитирования: Шиняева О. В., Каманина В. Е. Реализация функций средств массовой информации в условиях глобальных и национальных вызовов: оценки населения и журналистов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 1. С. 70–85. doi:10.21685/2072-3016-2021-1-7

The implementation of the mass media functions in the context of global and national challenges: assessments of public and journalists

O.V. Shinyayeva¹, V.E. Kamanina²

^{1,2}Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russia

¹olses@rambler.ru, ²kamanina_valentina@mail.ru

Abstract. Background. Under conditions of radical renewal of the labor market, deepening contradictions between layers of society, the emergence of new ecological disasters and viral pandemics, social challenges of different scales and intensity are intensified. Any challenges activate the need for communication, discussion of patterns of behavior and ways to mobilize resources. The above circumstances increase the relevance of scientific research on mass communication, its links with the institution of mass media and the new structure of media space, the effectiveness of functions and their perception by the population. Sociological interest is the problem of realization of traditional functions of social institute of mass media in changed media space, competition for trust of population to old and new media. *Materials and methods.* The article uses the theories of Yu. Habermas, M. Castels, M.M. Nazarov about the mass media functions in conditions of active digitalization; interpretation of data of author's sociological study conducted by methods of questionnaire survey of population and in-depth interview with journalists. The empirical subject of the questionnaire was residents of a large city from 18 years and older, different levels of education and official status; in-depth interviews were conducted by journalists working in print, television, radio, Internet and social media. The purpose of the work is to determine the nature of the implementation of the functions of the media in the context of aggravating global and national challenges, changing the structure of media entities and their perception by participants in mass communications. It was implemented through the application of structural-functional and communicative approaches, analysis of media functions from the point of view of effective answers to global, national challenges, mobilization of human resources. *Results.* Of the main socio-cultural functions of the media, the most significant is the intensification of the information needs of the population, the desire to compare their behaviors with common practices. Under the influence of technological transformations, in the context of the global transition of public and economic life from offline to online, the problem of performing the functions of mass communications became apparent for reasons of reduced quality of information, as well as the inclusion of unprofessional journalists in the process of its creation. *Conclusions.* In the situation of information overload, proven, reliable information has gained special value, has become an important weapon against panic and fakes. Regional media and social networks play a crucial role in its implementation; they contribute more to public harmony than major federal publications. The latter are more effective in performing the functions of social control and social

regulation of the actions of the population. The situation is complicated by the fact that social networks have been included in the competition for the minds and actions of the population, where media flows are created in informal communication. New legislative acts give the right to consider themselves a journalist to employees who do not have a professional education, but regularly post information products on online platforms. Changes in the structure and forms of the media have not yet been fully reflected in Russian legislation, which in real practice reduces the information-mobilizing effectiveness of mass communications.

Keywords: the mass media functions, global and national challenges, the mobilizing role of mass communication, civil society

For citation: Shinyaeva O.V., Kamanina V.E. The implementation of the mass media functions in the context of global and national challenges: assessments of public and journalists. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2021;1:70–85. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-1-7

Модернизация института средств массовой информации, обусловленная стремительными интеграционными процессами в совокупности с трансформацией сущностных характеристик медиа-субъектов и доступностью распространения любого медиаконтента в режиме реального времени, ставит проблему реализации функций СМИ в один ряд с другими первостепенными проблемами общества. В условиях кардинальных технологических, политических и культурных изменений, произошедших за последние двадцать лет в России, институт СМИ расширяет свое функционирование в реальном и виртуальном пространстве, смыкается с неофициальными каналами массовых коммуникаций (блоггерство, социальные сети, приложения).

Во втором десятилетии 2000-х гг. в России окончательно оформилась новая модель информационного пространства с либеральной, рыночной структурой, во главе которой встали медиахолдинги, контролирующие коммуникационные бренды в различных сегментах. В то же время выросла доля масс-медиа, в функционировании которых ключевую роль играют государственные инвестиции. Трансформационные процессы затронули все элементы института СМИ, влияя на изменение соотношения медиа-субъектов в информационном пространстве России. Анализ статистических данных о формах производства медиа-продуктов выявил следующую ситуацию в современной системе массовых коммуникаций (рис. 1).

Первую строчку рейтинга в количественном исчислении занимает печатная пресса (газеты, журналы – 38 568 единиц); второе место принадлежит интернет-СМИ (сетевые издания, электронные периодические издания – 11 330 единиц); третье место занимают аудиовизуальные СМИ (радиоканалы, телеканалы, программы – 10 143 единицы). Информационные агентства (1124 единицы) – только на четвертой строчке, но они обладают комплексными технологиями производства информационных продуктов и услуг.

В структуру агентств входят фотостудии, архивы, отделы по созданию Web- и аудиовизуальной продукции, аналитические службы. Наиболее рейтинговыми агентствами в России на данный момент являются РИА-Новости, ТАСС, Интерфакс. Региональные агентства и большая часть СМИ являются частью российских медиахолдингов, что существенно влияет на их политику и контент [1, с. 107].

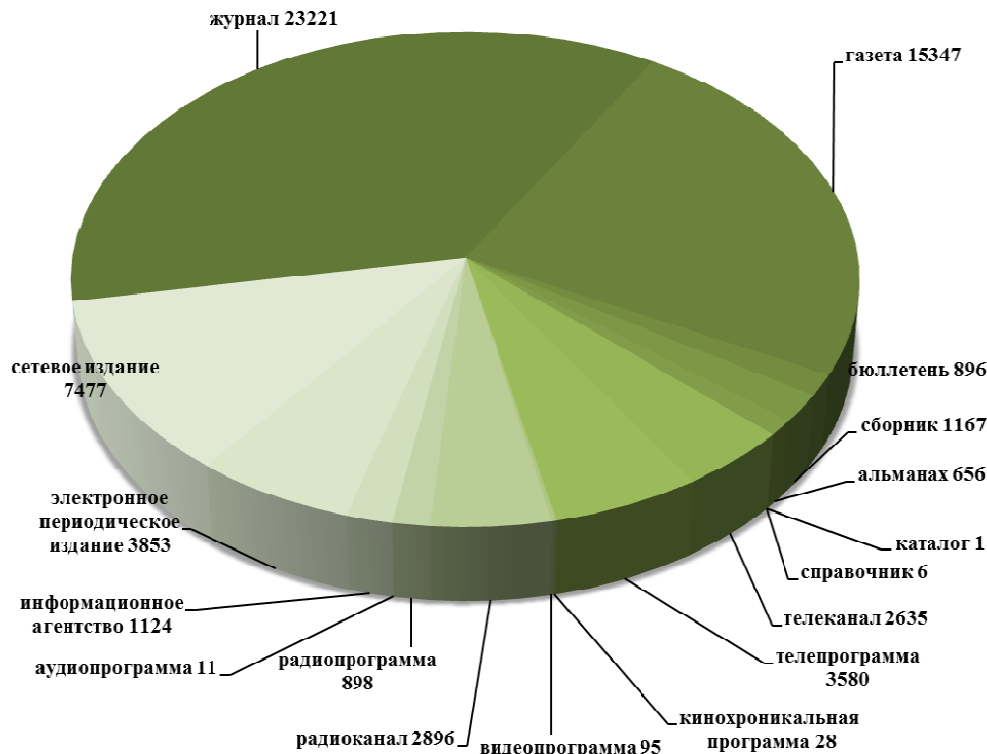

Рис. 1. Распределение средств массовой информации по формам (в абс. ед., 2019 г.)¹

Современную медиасистему формируют системы массовых коммуникаций (СМК) нескольких уровней, имеющих разное воздействие на информационное поле и занимающих различное положение. Развитие цифровых технологий коммуникаций дало толчок к появлению дополнительных информационных каналов. Эволюция технологической системы обеспечила стремительное вовлечение пользователей в Интернет. По данным исследований Высшей школы экономики, в 2019 г. Интернетом в России пользовались 95,8 млн человек в возрасте от 12 лет – это 78 % населения страны. Проникновение Интернета расширяется в основном за счет увеличения проникновения мобильного интернета и роста числа интернет-пользователей среди населения старшего возраста [2]. Информационно-цифровые технологии формируют новую медийную среду, задают в ней другие правила игры. Динамические изменения современного медиапространства определяются функциональностью и удобством мобильных устройств (рис. 2).

И. И. Засурский подчеркивает, что рост доли Интернета в информационной среде привел к развитию, помимо официальной инфосистемы, новой, параллельной инфосреды, которая играет важную роль во всех сферах жизни общества [3]. Именно технологические реалии создают дополнительные возможности для информирования и мобилизации населения, в то время как политические и экономические условия диктуют, каким должно быть содержание деятельности интернет-журналиста.

¹ Медиаиндустрия в 2019–2023 гг. Обзор мировой и российской индустрии развлечений и медиа. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/mediaindustriya-v-2019.html>

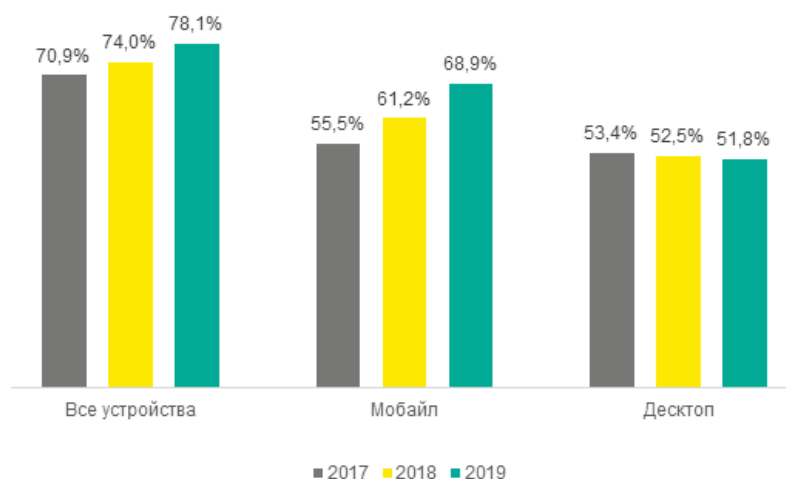

Рис. 2. Проникновение Интернета в России
(в процентах от числа населения в возрасте 12 лет и старше)

Под воздействием новых процессов конвергенции редакций, их структур, диверсификации медиапотребления трансформировалось отношение участников коммуникаций к каналам и источникам. Анализ исследований позволил выявить неоднозначное влияние трансформации системы массовых коммуникаций на реализацию функций СМИ. Эксперты прогнозируют, что через 10 лет искусственный интеллект сможет на 95 % решать задачи, связанные с информированием населения. Основным уделом журналистов становится авторская журналистика, построенная на оригинальных материалах и аргументированных оценках [4, с. 7].

Данные обстоятельства диктуют новые требования к функционированию систем СМИ и СМК: необходимо разнообразить приемы и средства взаимодействия с целевыми группами; учитывать возможности технологий разных субъектов массовой коммуникации, а также установки в общественном сознании. Теоретические основы изучения института СМИ в структурно-функциональной и коммуникативной парадигмах заложены в трудах Т. Парсонса, М. Кастельса, Ю. Хабермаса.

С точки зрения структуры социальных систем Т. Парсонса, главенствующую роль в них играет культурная подсистема, осуществляющая организацию человеческих интересов, деятельности и приверженностей, а в ней – функции СМИ. Т. Парсонс подчеркивал, что «функция является единственным базисом, на котором возможно систематическое упорядочение структуры живых систем» [5, с. 43]. В этом контексте институт СМИ состоит из разных структур, которые выполняют разные функции; но нарушение реализации одной из главенствующих функций – культурного воспроизводства – способно привести к проявлению анемии всей системы.

Особое назначение института коммуникаций отмечается в работах Ю. Хабермаса. Немецкий социолог разработал концепцию структуры коммуникативных действий, в которой массмедиа выступают регулятором общественной жизни, выполняя институциональные функции. Они включают в себя ориентацию на взаимопонимание как механизм координации действий; обеспечение ситуации действия и ситуации речи; создание фона жизненного

мира, задающего условия и ресурсы взаимопонимания; поддержку сферы референций и притязания высказываний на значимость [6, с. 324–340]. Расширение институционального пространства средств массовой информации до средств безграничных коммуникаций порождает новую функцию: из источника информирования масс-медиа превращаются в источник социального конструирования и проектирования, создавая среду для интеграции социума.

М. Кастельс пошел дальше: он убежден, что в информационном обществе под воздействием новой медиареальности изменяет структуру социальное пространство. Технологии массовых коммуникаций не только объединяют потребителей информации, но и способствуют социальной дифференциации (по предпочтениям в каналах и содержании), что приводит к усилению противоречий между различными социальными группами. Формируется измененное семиотическое пространство, границы которого чрезвычайно подвижны, а главным ресурсом выступает знание, порождающее новое знание [7, с. 350–351].

И. М. Дзялошинский, анализируя векторы трансформации современных российских СМИ, выступающие фундаментальными условиями деятельности журналистов, определяет институт СМИ в качестве компонента общественного целого, от которого другие элементы ожидают вполне определенного поведения – реализации конкретных функций. По мнению исследователя, в рамках российской профессиональной журналистики реализуется несколько векторов, связанных с отношением журналистов к аудитории: над аудиторией (воздействие), рядом с аудиторией (информирование), совместно с аудиторией (соучастие). «Функционирование социального института может совпадать с социальным заказом и ожиданиями других социальных институтов, а может и не совпадать. Уклонение от выполнения возложенных на него функций (или несогласованные отклонения) грозит данному общественному институту (а конкретно – представляющим его индивидам) различными санкциями» [8, с. 18]. В России социальный институт СМИ находится в состоянии выбора ведущей модели профессионализма: в корпусе журналистов сосуществуют разные, подчас взаимоисключающие представления о принципах отношений с аудиторией; альтернативные парадигмы профессиональной деятельности отличаются друг от друга всеми компонентами, включая и нравственно-этический [8, с. 20].

В качестве ведущей функции современных СМИ социолог Е. Я. Дугин выделяет *стимулирование у аудиторий спроса на смысл*. В цифровом мире с огромным потоком информации, обменом знаниями, фрагментированными медиа важное значение имеет поиск некоторого фильтра. «Общество нуждается в достоверной информации, нужны вехи и ориентиры ее определения» [9, с. 84]. Именно специалисты, работающие в сфере масс-медиа, как социально-профессиональная группа со своими обязательными правилами, законами и культурой должны взять на себя задачу не просто борьбы с фейками, но и обеспечения *информационной защиты* общества, формирования *информационной экологии*.

Накопленные знания о социальных функциях масс-медиа обобщены в интегральной систематизации функций СМИ, разработанной М. М. Назаровым. Ученый проанализировал функции массовой коммуникации с позиций общества и индивида. Для социетального уровня характерны следующие

функции: информационная; социальная интеграция; обеспечение преемственности поколений; рекреативная; мобилизация ресурсов общества. Для второго, частного, уровня значимыми являются следующие функции: информационная, личностной идентификации, социального общения, развлечений [10, с. 15–17]. В условиях модернизации общественных отношений перечисленные функции утрачивают прежнюю сущность и, не дождавшись новых смыслов, ведут к дисфункциональности института – ситуации несоответствия выполнения функций на обоих уровнях.

Обобщив имеющиеся определения понятия «институт средств массовой информации», авторы статьи конкретизировали его с позиций поставленной цели: это сложно организованный комплекс человеческих, материальных, технологических ресурсов, функционирующий на пересечении сфер государства и гражданского общества, обладающий институциональной структурой с системой нормативного и правового регулирования, подготовки кадров, их иерархического закрепления по ролям и статусам.

В результате усложнения общественного развития и влияния цифровых технологий в институте происходит модификация прежних ролей журналистов и формирование новых функций. Функции масс-медиа претерпевают изменения на макро- и микроуровне в пределах конкретной группы, организации, сообщества. Структурно-функциональный и коммуникативный подходы исследования позволили авторам статьи разработать структурную модель функций СМК, которая обеспечивает информационные потребности населения, реализацию потребностей в социализации, гражданской солидарности и мобилизации населения (табл. 1).

Каждая функция описана при помощи критериев и показателей, которые составили основу анкетного опроса населения и интервьюирования специалистов, профессионально занятых в СМИ. Для определения характера реализации выделенных функций СМК мы провели авторские социологические исследования: анкетный опрос населения «Журналисты и СМИ в современном российском обществе: мнения населения»; выборка репрезентативная по возрасту, образованию, должностному статусу населения областного центра (2020 г., $n = 530$); глубинные интервью «Профессия журналиста: взгляд изнутри»; выборка целевая, квоты по должностному статусу журналистов (2020 г., $n = 32$).

На фоне общего снижения популярности традиционных источников информации, как показывают результаты опроса населения, телевидение пока остается самым популярным каналом. В рейтинге СМК по уровню обращений первое место занимает телевидение (45 %), второе – интернет-СМИ (42 %). Трансформационные процессы оказались более выгодными для телевидения, чем для остальных традиционных СМИ: появилась возможность доставлять интерактивный контент зрителям, в том числе онлайн – через мобильные устройства. Между цифровыми медиа, печатными изданиями и радио образовался внушительный разрыв; радио доверяют 18 %, газетам – 15 %, журналам – 10 %, в то время как вариант «не доверяю никаким» выбрала пятая часть респондентов (21 %).

В силу технологических особенностей современные СМИ способны эффективно реализовывать не только *информационную функцию*, но и *мобилизующую*, призывая общественность к определенным действиям

или бездействию. Роль журналистов в просвещении населения, мобилизации человеческого потенциала значительно возрастает в условиях усложнения социальных связей и роста динамизма социально-политических процессов.

Таблица 1

Средства массовой коммуникации:
структурная операционализация функций

Функции	Критерии	Показатели
Информационно-мобилизующая	1. Информационные потребности населения 2. Мобилизация ресурсов общества и индивидов	1.1. Источники информации для удовлетворения любознательности 1.2. Характер освещения актуальных проблем в СМИ 2.1. Мобилизация физических, интеллектуальных, эмоциональных ресурсов 2.2. Доверие к определенным СМИ 2.3. СМИ как посредник решения социальных проблем
Социализирующая	1. Продвижение в СМИ объединяющих идей, ценностей 2. Усвоение индивидами новых социальных и культурных норм	1.1. Решение проблем социализации молодого поколения 1.2. Продвижение национальных идей 1.3. Консолидация населения вокруг региональных, корпоративных идей 2.1. Формирование образцов поведения в период эпидемии 2.2. Продвижение экологических компетенций и поведения 2.3. Продвижение норм цифровой культуры
Гражданская	1. Гражданская активность и солидарность 2. Защита прав и свобод населения	1.1. Обсуждение проблем, объединение граждан для их решения 1.2. Контроль деятельности региональных, муниципальных органов власти 1.3. Реализация возможностей общественной оппозиции в рамках гражданского общества 2.1. Поддержка легитимных социально-политических акций 2.2. Укрепление доверия журналистам 2.3. Проявление гражданской активности населения в онлайн-формате

В изменившемся медиапространстве у населения появляется новая возможность формирования коммуникационной модели участия. С другой стороны, переход от вертикально выстроенной структуры информационного поля к формированию горизонтальных и сетевых связей СМК не в полной мере обеспечивает широкие группы населения информацией об актуальных

процессах и способах решения новых проблем. На вопрос о достаточности освещения актуальных проблем России в СМК больше половины респондентов (53 %) отметили, что медиа освещают лишь некоторые проблемы, другие же замалчивают. Оставшаяся часть разделилась во мнении: 21 % опрошенных считает, что все проблемы освещаются должным образом; чуть больше (26 %) – что не освещаются вообще (табл. 2).

Таблица 2

Степень освещения актуальных проблем в СМК
(в процентах от числа опрошенных; $n = 530$)

Показатели	Всего	Возраст			Уровень образования			Уровень жизни				
		18–35 лет	36–50 лет	51–65 лет	Общее среднее	Среднее профессиональное	Высшее	Состоятельные	Средние	Базовые	Малообеспеченные	Бедные
Все значимые проблемы освещаются СМИ	21	15	27	20	17	13	28	13	24	18	19	22
СМИ освещают некоторые проблемы, а другие замалчивают	53	59	59	42	46	50	57	76	61	55	44	31
СМИ не освещают в должной мере значимые проблемы	26	26	14	38	38	37	15	11	15	27	37	47

Наиболее критично по отношению к СМК настроены социально незащищенные группы населения – предпенсионного и пенсионного возраста (38 %), с общим средним (38 %) и средне профессиональным образованием (37 %), а также с низким доходом (бедные – 47 %). Опрошенные отмечают, что СМИ не освещают в должной мере значимые проблемы. Респонденты с высшим образованием (28 %) и со средним уровнем жизни (24 %) больше остальных доверяют СМИ и считают, что проблемы освещаются полностью.

Продуктивным инструментом в выстраивании диалога журналистов и аудитории становятся социальные сети и мессенджеры, несмотря на то что к их профессиональной, качественной деятельности есть немало вопросов. В ходе глубинных интервью журналисты традиционных и новых медиа отметили форму взаимодействия с целевой аудиторией с положительной стороны. «Именно из соцсетей обратную связь можно получить моментально» (женщина, 32 года, руководитель информационного блока ТВ). «Раньше это были редакционный телефон и почта. Сейчас мессенджеры, соцсети. Есть много профильных групп, где можно размещать свои тексты и получать отклик» (женщина, 60 лет, корреспондент печатного СМИ).

В то же время СМК как агент социализации оказывает более глубокое воздействие на личность потребителей информации. *Социализирующее*

воздействие СМК характеризуется усвоением социальных ролей, норм и ценностей: система не способна достичь необходимого уровня интеграции, если она не может выработать у своих членов определенной суммы общепринятых установок. Одним из главных инструментов трансляции и внедрения в сознание ценностей, смыслов, поддерживающих национально-государственную идентичность, стали новые медиа. Сотрудники сетевых изданий с 2011 г. приобрели такие же права и обязанности журналистов, как у работающих в традиционных СМИ. Зарегистрированные в качестве СМИ сетевые издания несут ответственность за опубликованную информацию, в том числе и за комментарии, оставленные пользователями соцсетей.

Сетевые медиа могут как служить инструментом для достижения наибольшей открытости и демократичности в обществе, так и способствовать дестабилизации ситуации. С утверждением о том, что новые медиа формируют ценности, установки, образцы поведения, согласно подавляющее число респондентов – 79 % жителей областного центра.

Новые медиа формируют особый вид социальной информации, который отражает специфические характеристики информационной среды и отличается возможностью формирования виртуальной реальности. Технологию создания этой реальности описал У. Липпман: «Производство одной общей воли из множества общих желаний состоит в основном в использовании символов, которые выбирают эмоции после того, как они отделены от идей, которые они несли» [11, с. 68]. Обратной стороной новой медиареальности следует считать тот факт, что проверить правдивость и подлинность транслируемой информации довольно сложно, а зачастую вообще невозможно. «Новые медиа создают информационный шум, в котором невозможно понять, кто прав, а кто – нет. Но если научиться критическому мышлению, то они вполне полезны для поиска тем» (мужчина, 28 лет, специальный корреспондент печатного СМИ). «Благодаря новым медиа каждый человек легко становится средством массовой информации. Сейчас это реальность. Однако предлагаемая информация должна иметь путь к публичному высказыванию, а эта задача уже не всем по плечу» (мужчина, 54 года, продюсер электронного СМИ).

Исследуя возможности СМК, в частности их значение в сфере управления общественными процессами, авторы статьи представляют необходимую оценку качества медиа-пространства. От него зависит развитие гражданского общества и обеспечение возможности построения конструктивного диалога общества и институтов власти. Около половины респондентов (45 %) уверены, что новые медиа являются инструментом, который умело используют их владельцы в своих целях. Часто такой точки зрения придерживаются журналисты со стажем работы от 5 до 10 лет, а также работающие в печатных изданиях (табл. 3).

Изменение *гражданского статуса* СМК отмечают И. М. Дзялошинский, Е. Я. Дугин. По мнению социологов, медиа в России выполняют роль не столько информаторов и арбитров, сколько непосредственных участников социальных процессов. СМК в условиях развертывания гражданских процессов предназначена особая роль инициатора активного информационного взаимодействия на всех уровнях жизни общества и между различными социальными группами [9, с. 83].

Таблица 3

Роль «новых медиа» в современном медиaprостранстве
(в процентах от числа опрошенных; $n = 530$)

Показатели	Всего	Стаж работы				Основное место работы					
		Менее 5 лет	5–10 лет	11–20 лет	Более 20 лет	Печатные издания	Независимые агентства	Пресс-служба государственных органов	Радио и ТВ	Интернет-СМИ	Самозанятые
Независимый формат вещания	33	43	32	26	24	23	40	36	28	40	39
Инструмент, которым управляют владельцы	45	31	55	49	42	65	36	38	42	44	31
Стирают границы между изданием и аудиториями	22	26	13	25	34	12	24	26	30	16	30

Эта стратегическая задача по отношению к общественному мнению реализуема, если СМК как организационно-ценностная система приобретает и сохраняет «целостный характер, несмотря на существование разнообразных, отличающихся друг от друга СМИ, формируя единое информационное пространство для всех членов общества, постоянное информационное взаимодействие в общественной системе» [12, с. 142].

Характер влияния масс-медиа на снижение уровня социальной напряженности выражается в оценке роли журналистов, которую они играют в современной России. В ходе опроса респондентам было предложено отметить положение этой роли относительно двух полюсов по девятибалльной шкале: 1 – просветительно-гражданская роль (творец истории, лидер мнений, приобщающий к культуре); 9 – утилитарно-рыночная роль (продавец информации, сенсаций, отражающих потребности общества). По мнению респондентов, СМК в современной России в равной степени выполняет как просветительно-гражданскую, так и утилитарно-рыночную роль (средний балл – 5,5).

В России принято называть журналистов четвертой властью, признавая их влияние на решение социальных проблем, наличие у них особых ресурсов – информационных. Анализ данных, полученных в ходе глубинного интервью, подтверждает факт, что грань между двумя основными ролями СМИ размывается. С одной стороны, инструментальная задача журналистов – обеспечить информационное освещение процесса функционирования органов власти или деятельности заинтересованных лиц, с другой – обеспечить обсуждение различных проблем и интересов многих социальных групп, в целом гражданского общества.

Современные медиа способны выступать в качестве устойчивого источника социально важной информации и формирования актуальной повестки дня. «Именно журналист может стать голосом толпы, которая хочет донести до власти свои недовольства» (женщина, 37 лет, специальный корреспондент печатного СМИ). Однако условия рынка, авторитетные политические

силы диктуют СМК свои правила, не всегда совпадающие с профессиональными представлениями и этическими нормами журналистов; они способствуют проявлению конформизма, нивелированию авторской позиции и появлению жесткого регулирования. «Цензура есть в любой редакции. Она нужна, но не в том количестве, как есть сейчас. Публиковать расчлененку нельзя. Публиковать расследования против коррупционеров нужно» (мужчина, 34 года, шеф-редактор отдела социальных программ печатного СМИ). «Цензура есть и достаточно строгая, прежде всего, от учредителей СМИ» (женщина, 28 лет, специалист пресс-службы).

Важнейшим компонентом обеспечения эффективности вертикальных и горизонтальных общественных отношений, стабильности социально-политической системы является доверие со стороны граждан к институту СМК. По уровню доверия *региональные государственные СМИ* достойно конкурируют с федеральными. Первые получили оценку, соответствующую среднему уровню – 3,6 баллов; аудитория хочет быть в курсе местных новостей; им в разной степени доверяют больше половины (64 %) населения. Также средний уровень доверия у социальных медиа – 3,3 балла. А государственные федеральные СМИ, негосударственные СМИ и личные интернет-блоги получили оценку уровня доверия «ниже среднего» – от 2 до 3 баллов. Аудитория становится более медиаграмотной и все чаще способна отличить правдивую информацию от ложной, новостное сообщение от рекламы, качественный материал от заказного (рис. 3).

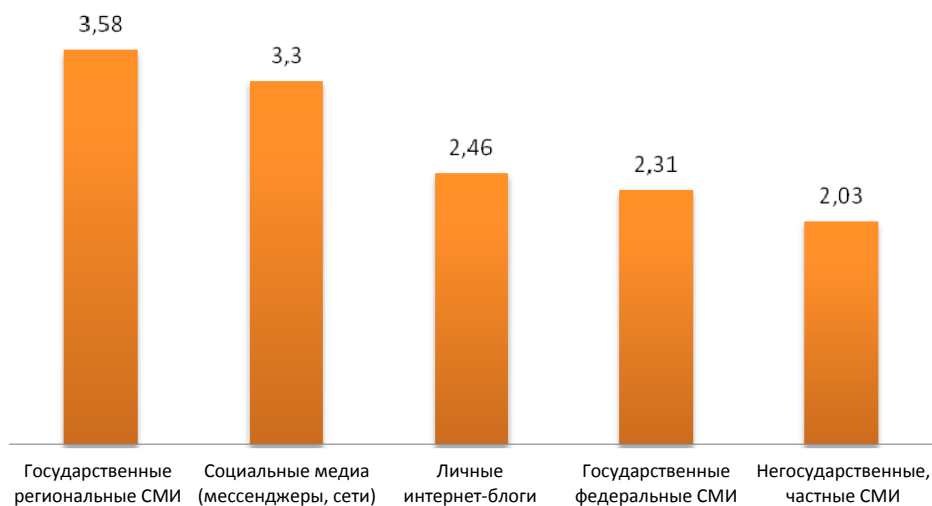

Рис. 3. Доверие населения журналистам, работающим в разных СМИ (в баллах, max = 5; $n = 530$)

Снижение уровня доверия разным медиа – проявление негативных тенденций стагнации и упадка гражданского общества, утери демократических ценностей. В случае утраты доверия к медиа, в первую очередь государственным или прогосударственным, возрастает протестный потенциал общества, его стремление к коренным изменениям общественных отношений, складывающихся между властью и обществом.

С этой позиции медиа на региональном уровне (частные, корпоративные) располагают кредитом доверия населения и становятся ведущей публичной площадкой для обсуждения социальных проблем. Одновременно СМИ «рассматриваются не только как инструмент влияния на электорат или как средство выражения интересов политико-финансовых групп, но и как канал трансляции интересов населения конкретного региона» [13, с. 140].

Нельзя игнорировать потенциал социальных медиа, которые в оценках населения имеют средние значения. Респонденты все больше предпочитают высказывать собственное мнение в «цифровых сообществах» (36 %), популярным в Интернете является участие в гражданско-политических дискуссиях (25 %).

Анализируя активность в гражданско-политической сфере респондентов разного возраста, мы получили ожидаемый результат: жители в возрасте 18–35 лет активнее остальных осуществляют все виды функций в новых медиа. В последнее время новой тенденцией является то, что респонденты 51–65 лет ведут блог на гражданско-политическую тему (10 %) (табл. 4).

Таблица 4

Проявление интернет-активности населения в социально-политической сфере (в процентах от числа опрошенных; $n = 530$)

Показатели	Всего	Возраст			Уровень образования			Уровень жизни				
		18–35 лет	36–50 лет	51–65 лет	Общее среднее	Среднее профессиональное	Высшее	Состоятельные	Средние	Базовые	Малообеспеченные	Бедные
Участвую в гражданско-политических дискуссиях	25	44	16	12	31	20	26	21	31	33	14	22
Высказываю собственное мнение в сообществах	36	54	33	20	33	40	30	42	39	43	29	31
Веду блог на гражданско-политическую тему	15	26	7	10	29	11	12	16	15	20	6	25
Принимаю участие в разработке проектов	15	23	16	6	12	10	20	13	19	27	4	13
Ни в чем не проявляется	9	12	6	7	11	10	6	14	10	8	7	11

Примечание. Сумма ответов больше 100 %, поскольку вопрос предполагал многовариантность.

Сверхзадача и миссия СМК в модернизирующемся обществе, переживающем глобальные и национальные вызовы, – формирование эффективной системы обратной связи. В этом плане показательна реализация основных функций медиа в условиях пандемии коронавирусной инфекции.

В непрерывном потоке разнообразной информации о коронавирусной инфекции стала очевидной потребность в борьбе с так называемой инфодемией – дезинформацией. Распространение по всему миру COVID-19 стало поводом для появления бесчисленного количества фейков, которые не только пагубно влияют на психическое состояние и здоровье человека, но и могут препятствовать борьбе с самой пандемией. Социальные функции института СМИ в связи с формированием новых этических норм, возникших из-за пандемии, приобрели новые проявления. Журналисты, по мнению населения, реализовали их не в полной мере: 46 % отмечают, что в чем-то эффективно сработали медиа, в чем-то – нет; 31 % – скорее неэффективно, объясняя это недостаточностью достоверных сведений.

«В кризисной ситуации становится понятно, кто не чурается тиражировать фейки. Кроме того, есть примеры, когда журналисты ради громких сенсаций буквально готовы переболеть коронавирусом или иными заболеваниями. Например, журналист-иранец, который погиб в марте. Я считаю, что подобные проявления показного героизма и цель выставить себя сверхчеловеком не профессиональные проявления. Сегодня как никогда важно оставаться вдумчивым и адекватным» (женщина, 37 лет, специальный корреспондент печатного СМИ). «Необходимо помнить, как могут отреагировать те или иные равнодушные (или просто уязвимые) люди. Увы, сейчас часто происходит обратное. Для примера, не так давно один портал опубликовал карту с обозначенными на ней домами, где есть зараженные коронавирусом люди. Какие комментарии! Какой рейтинг! Была травля толпой кричащей “Эй, заразный!” Каково это?! На мой взгляд – возмутительно» (женщина, 47 лет, ведущая радиопрограмм).

Итак, СМИ как социальный институт, дополненный широкой инициативой населения в СМК, выполняет различные социальные функции, эффективность которых зависит от конкретных профессиональных, социально-политических, нравственных принципов журналистов. При этом они могут выполнять роль как творца истории, лидера мнений, так и продавца информации, организатора сенсаций.

Наиболее значимым мотивом интереса населения к СМИ в период пандемии коронавирусной инфекции стала активизация информационных потребностей и поиска эффективных моделей поведения. Наблюдается тренд в пользу интернет-СМИ, однако о фундаментальных изменениях говорить рано; по уровню доверия к информации лидером остается телевидение.

Проверенная информация в условиях вызовов приобрела особую ценность, стала важным оружием против паники и фейков. Тем временем большая часть населения считает, что лишь половина волнующих общество проблем полноценно освещается медиа-субъектами, другие замалчиваются. Это свидетельствует о снижении доверия к средствам массовой коммуникации.

В условиях глобального перехода общественной жизни из офлайна в онлайн активизировалась гражданская функция, способствующая интеграции населения. Весомую роль в ее реализации играют региональные медиа и социальные сети; они больше способствуют общественному согласию, чем крупные федеральные издания. Последние более эффективны в выполнении функций социального контроля и регуляции действий населения.

В рамках поставленной цели статьи следует подчеркнуть, что институциональные изменения в медиапространстве привели к реализации функций массовой коммуникации в более широких масштабах: СМК формируют суждения целевых аудиторий, продвигают их через цифровые каналы. Ситуация осложняется включением в конкурентную борьбу за умы аудиторий блогеров, создающих потоки информации в неформальном общении. Изменения в структуре и формах СМИ пока не нашли полного отражения в российском законодательстве, что в реальной практике приводит к увеличению проблем.

Список литературы

1. Полюнов В. А. Региональные информационные агентства в новой коммуникационной среде // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6, № 1. С. 105–118.
2. Исследовательская компания Mediascope. URL: <https://mediascope.net/news/1067271/>
3. Засурский И. И. Об изменениях в медиасреде и сознании людей // Cossa. 2012. URL: <http://www.cossa.ru/articles/234/15838/?subscribe=15838/>
4. Лозовский Б. Н. Российские СМИ: портфель заказов на модернизацию // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 2. С. 7–12.
5. Парсонс Т. Социальные системы // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II, вып. 1 (2). С. 38–71.
6. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие : пер. с нем. СПб. : Наука, 2001. 382 с.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. 606 с.
8. Дзялошинский И. М. Поле для профессионалов или поляна для дилетантов // Социальная журналистика: профессия и позиция. М. : Агентство социальной информации, 2005. С. 16–21.
9. Дугин Е. Я. Методологический поворот исследований информационно-коммуникативных систем и журналистика // Журналист. Социальные коммуникации. 2015. № 3-4 (19-20). С. 81–102.
10. Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М. : Эдиториал, 2002. 240 с.
11. Lippmann W. Stereotypes // Language in Uniform. A reader on Propaganda / ed. N. A. Ford. N. Y., 1967. P. 68.
12. Ширяева А. А. Участие СМИ и журналистов в становлении гражданского общества // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. 2016. № 1. С. 142–156.
13. Назаров М. М. Массовая коммуникация и общество. М., 2016. 247 с.

References

1. Polynov V.A. Regional news agencies in a new communication environment. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Issues of theory and practice of journalism*. 2017;6(1): 105–118. (In Russ.)
2. *Issledovatel'skaya kompaniya Mediascope = Research company Mediascope*. Available at: <https://mediascope.net/news/1067271/> (In Russ.)
3. Zasurskiy I.I. On the changes in the media environment and people's consciousness. *Cossa*. 2012. Available at: <http://www.cossa.ru/articles/234/15838/?subscribe=15838/> (In Russ.)
4. Lozovskiy B.N. Russian mass media: portfolio of orders for modernization. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i*

- kul'tury* = *Proceedings of Ural State University. Series 1, Issues of education, sciences and culture*. 2011;2:7–12. (In Russ.)
5. Parsons T. Social systems. *Voprosy sotsial'noy teorii* = *Issues of social theory*. 2008; II(1):38–71. (In Russ.)
 6. Khabermas Yu. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie: per. s nem.* = *Moral awareness and communicative action: translated from German*. Saint-Petersburg: Nauka, 2001:382. (In Russ.)
 7. Kastel's M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* = *Information age: economy, society and culture*. Moscow, 2000:606. (In Russ.)
 8. Dzyaloshinskiy I.M. A field for professionals or a meadow for amateurs. *Sotsial'naya zhurnalistika: professiya i pozitsiya* = *Social journalism: profession and position*. Moscow: Agentstvo sotsial'noy informatsii, 2005:16–21. (In Russ.)
 9. Dugin E.Ya. Methodological turn of research of information and communication systems and journalism. *Zhurnal. Sotsial'nye kommunikatsii* = *Journalist. Social communications*. 2015;3-4(19-20):81–102. (In Russ.)
 10. Nazarov M.M. *Massovaya kommunikatsiya v sovremennom mire: metodologiya analiza i praktika issledovaniy* = *Mass communication in the modern world: methodology of analysis and practice of research*. Moscow: Editorial, 2002:240. (In Russ.)
 11. Lippmann W. Stereotypes. *Language in Uniform. A reader on Propaganda*. New York, 1967:68.
 12. Shiryaeva A.A. Participation of mass media and journalists in the formation of civil society. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10, Zhurnalistika* = *Bulletin of Moscow University. Series 10, Journalism*. 2016;1:142–156. (In Russ.)
 13. Nazarov M.M. *Massovaya kommunikatsiya i obshchestvo* = *Mass media and society*. Moscow, 2016:247. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Ольга Викторовна Шиняева

доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, социологии и связей с общественностью, Ульяновский государственный технический университет (Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32)

E-mail: olses@rambler.ru

Olga V. Shinyayeva

Doctor of sociological sciences, professor, head of the sub-department of political sciences, sociology and public relations, Ulyanovsk State Technical University (32 Severny Venets street, Ulyanovsk, Russia)

Валентина Евгеньевна Каманина

аспирант, Ульяновский государственный технический университет (Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32)

E-mail: kamanina_valentina@mail.ru

Valentina E. Kamanina

Postgraduate student, Ulyanovsk State Technical University (32 Severny Venets street, Ulyanovsk, Russia)

Поступила в редакцию / Received 15.01.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.01.2021

Принята к публикации / Accepted 05.02.2021

УДК 331.56

doi:10.21685/2072-3016-2021-1-8

Перспективные направления в решении проблемы женской безработицы на региональном рынке труда

Г. Б. Кошарная¹, Е. С. Тарханова²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹k-galina1@yandex.ru, ²helena_82@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Важным условием эффективного развития рынка труда является всесторонняя поддержка отдельных категорий граждан, испытывающих проблемы с трудоустройством. Особое внимание заслуживает изучение особенностей положения в различных сферах общества женской части населения, которая в большей степени сталкивается с трудностями, в том числе и с проблемой безработицы. В связи с этим необходима поддержка отдельных категорий женщин со стороны государственных и общественных структур, выражающаяся в разработке и реализации различных проектов, программ и проведении мероприятий, позволяющих им реализовывать и оптимально сочетать функции в профессионально-трудовой сфере с учетом выполняемой материнской функции. Цель работы – проанализировать перспективные направления и мероприятия, нацеленные на решение проблемы женской безработицы, преодоление ее негативных последствий и улучшение социального самочувствия женщин в обществе и на рынке труда в целом в современных условиях. *Материалы и методы.* При написании статьи использовались методы традиционного анализа и обобщения статистических показателей, научной и периодической литературы, а также методы вторичного анализа различных социологических опросов по изучаемой теме. Применялись методы сравнения для выявления наиболее существенных черт исследуемой проблемы в современных условиях развития региона. *Результаты.* В статье выделяются характерные особенности женской безработицы. Проведенный комплексный анализ нормативно-правовых актов на федеральном и региональном уровне, материалов социологических исследований, мнений специалистов позволил определить перспективные направления решения проблемы женской безработицы, акцентировав внимание на помощи безработным женщинам, имеющим несовершеннолетних детей. Отмечается важная роль в реализации выделенных направлений служб занятости. Составлена блок-схема по реализации направлений решения проблемы женской безработицы для участников социально-трудовых отношений, а также схематично определены ожидаемые результаты от реализации предложенных направлений и мероприятий для женщин и региона в целом. *Выводы.* Результаты исследования показали, что в современных социально-экономических условиях проблема женской безработицы все еще актуальна, особенно в регионах, и требует практических усилий и более локальных направлений решения, которые должны быть проработаны на всех уровнях. Необходимо совершенствовать отлаженные механизмы, адаптируя их к современным условиям, и предлагать новые программы и подходы, более адресные, к исследованию и решению проблем женщин в обществе и на рынке труда, в частности проблемы безработицы и трудоустройства женщин. Наиболее перспективными направлениями, реализация которых сможет положительно повлиять на показатели и сгладить негативные последствия женской безработицы, являются стимулирование самозанятости и женского предпринимательства, обучение (переподготовка) и психологическая поддержка безработных

женщин. При этом рассматриваемые направления должны быть реализованы комплексно с учетом механизма социального партнерства всех «заинтересованных» структур (участников социально-трудовых отношений) и самих женщин.

Ключевые слова: безработица, женщины, женская безработица, женское предпринимательство, конкурентоспособность, служба занятости, социально-трудовая сфера, социальное партнерство

Для цитирования: Кошарная Г. Б., Тарханова Е. С. Перспективные направления в решении проблемы женской безработицы на региональном рынке труда // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 1. С. 86–102. doi:10.21685/2072-3016-2021-1-8

Prospects of dealing with female unemployment in the regional labor market

G.B. Kosharnaya¹, E.S. Tarkhanova²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹k-galina1@yandex.ru, ²helena_82@mail.ru

Abstract. *Background.* An important condition for the effective development of the labor market is comprehensive support for certain categories of citizens experiencing problems with employment. Particular attention should be paid to the study of the peculiarities of the situation in various spheres of society of the female part of the population, which to a greater extent encounters difficulties, including the problem of unemployment. In this regard, it is necessary to support certain categories of women from state and public structures, expressed in the development and implementation of various projects, programs and activities. This will help women to realize and optimally combine functions in the professional and labor sphere, taking into account the maternal function performed. The purpose of the work is to analyze promising directions and measures aimed at solving the problem of female unemployment, overcoming its negative consequences and improving the social well-being of women in society and on the labor market as a whole in modern conditions. *Materials and methods.* We used the methods of traditional analysis and generalization of statistical indicators, scientific and periodical literature, as well as methods of secondary analysis of various sociological surveys on the topic under study. Comparison methods were used to identify the most significant features of the problem under study in the modern conditions of the development of the region. *Results.* The article highlights the characteristic features of female unemployment. A comprehensive analysis of regulatory and legal acts at the federal and regional levels, materials of sociological research, opinions of specialists made it possible to determine promising directions for solving the problem of female unemployment, focusing on helping unemployed women with minor children. An important role in the implementation of the selected areas of employment services is noted. A flowchart has been drawn up for the implementation of directions for dealing with female unemployment for participants in social and labor relations, as well as schematically defined the expected results from the implementation of the proposed directions and activities for women and the region as a whole. *Conclusions.* The results of the study showed that in modern socio-economic conditions, the problem of female unemployment is still relevant, especially in the regions, and requires practical efforts and more local areas of solution, which must be worked out at all levels. It is necessary to improve the well-functioning mechanisms, adapting them to modern conditions, and to propose new programs and approaches, more targeted, to the study and solution of the problems of women in society and in the labor market, in particular, the problems of unemployment and employment of

women. The most promising areas, the implementation of which can positively affect the indicators and smooth out the negative consequences of female unemployment, are the stimulation of self-employment and female entrepreneurship, training (retraining) and psychological support for unemployed women. At the same time, the areas under consideration should be implemented in a comprehensive manner, taking into account the mechanism of social partnership of all “interested” structures (participants in social and labor relations) and women themselves.

Keywords: unemployment, women, female unemployment, female entrepreneurship, competitiveness, employment service, social and labor sphere, social partnership

For citation: Kosharnaya G.B., Tarkhanova E.S. Prospects of dealing with female unemployment in the regional labor market. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2021;1:86–102. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-1-8

Для стабильного развития общества необходима постоянная поддержка и защита таких важнейших социальных институтов, как «материнство», «семья», основу которых составляют женщины. Ведь женщина в современном обществе – это особая социально-демографическая группа и важнейший социально-трудовой потенциал в структуре современного общества. Однако в условиях современной действительности именно женщины, являясь матерями, имея образование и выполняя различные социально-трудовые функции, сталкиваются с целым рядом проблем. Поэтому необходимо создание и совершенствование условий для рационального совмещения трудовых, репродуктивных и семейно-бытовых функций женщин.

Исследованием проблем совмещения различных ролей женщин в обществе, на рынке труда и семье в разные периоды социально-экономического развития занимались многие авторы: С. Г. Айвазова [1], Л. В. Бабаева [2], Е. С. Балабанова [3], А. П. Багирова и Н. Д. Бледнова [4], Т. К. Ростовская и О. В. Кучмаева [5], С. И. Голод [6], Г. М. Караханова [7], О. А. Парягина [8], И. В. Родина [9], О. Б. Савинская [10], Г. Г. Силласте [11] и др.

Как отмечают ряд исследователей, основная причина выделения женщин в особую категорию, нуждающуюся в большей социальной поддержке, связана с их способностью к деторождению, которая, обеспечивая продолжение рода, является основанием жизнеспособности того или иного социума. Именно репродуктивная функция женщины во многом обусловила социальное положение самой женщины и ее возможности по выбору специальности и работы – поэтому ей при прочих равных условиях тяжелее мужчинам найти подходящую работу [12, с. 239]. При этом женщины в большей степени задействованы в материально-бытовом обслуживании семьи, что, соответственно, ограничивает их свободное время для саморазвития и профессионального роста. Поэтому на рынке труда наблюдается достаточно низкая конкурентоспособность и мобильность женщин, если сравнивать аналогичные показатели у мужчин.

Более конкретно вопросам исследования женщин на рынке труда, а также в сфере предпринимательства посвящены труды таких авторов, как И. В. Гелета [13], М. Грицюк [14], М. В. Иванцова [15], О. Колесникова [16], Е. Б. Мезенцева [17], С. Ю. Рощин [18], Л. С. Ржаницина [19], Г. Б. Кошарная [20], Н. В. Скиндер [21] и др.

Особый интерес представляют вопросы исследования проблемы женской безработицы в современных условиях, нахождения и анализа оптимальных вариантов ее решения. По данным Росстата, на протяжении нескольких лет численность женщин в структуре безработных достаточно стабильна. В начале 2020 г. доля безработных женщин в структуре безработных составила 49,0 % [22]. Однако в условиях пандемии, начавшейся весной 2020 г., безработица среди женщин возросла, особенно в регионах.

Например, в Пензенской области среди вставших на учет в центры занятости летом 2020 г. преобладают женщины (54 %), при этом ранее работавшие и трудоустроенные неофициально [23].

Но проблема состоит и в том, что безработица среди женщин имеет свои характерные особенности: она более затяжная; затрагивает социально уязвимые категории женщин (многодетных, имеющих малолетних и несовершеннолетних детей); безработные женщины отличаются высоким уровнем образования и квалификации, мотивацией к трудоустройству и стремлением к мобильности на рынке труда в целом.

Женщины испытывают проблемы с поиском работы и трудоустройства также в связи с тем, что их трудовая деятельность периодически может прерываться по так называемым семейным обстоятельствам (из-за замужества, беременности, рождения детей, больничных и т.п.), что иногда негативно сказывается на выполнении профессиональных обязанностей и характеризуется снижением уровня квалификации за этот период. Это осознают большинство современных работодателей и с нежеланием берут на работу некоторые категории женщин.

Все вышеперечисленное снижает вероятность быстрого и успешного трудоустройства женщин и является фактором их пониженной конкурентоспособности на рынке труда по сравнению с безработными мужчинами. Поэтому женщины вынуждены понижать свой социальный статус, соглашаясь на практически любую работу, и искать помощь, регистрируясь в службах занятости, которые предоставляют им социальные выплаты, различные услуги и возможность трудоустройства. Или смиряются со статусом безработной – становятся домохозяйками, реализуясь в семейно-бытовой сфере.

По результатам некоторых опросов можно также отметить, что есть категории женщин, которые не любят прибегать к помощи служб занятости при поиске работы, но воспользоваться услугой обучения (переобучения), которую предлагают службы занятости, они не против, если это «хоть как-то поможет им в поиске работы и последующем трудоустройстве» [12, с. 240].

Поэтому особенно важно уделять внимание поддержке отдельных категорий женщин (особенно тех, кто испытывает проблемы с трудоустройством и социально-трудовой адаптацией на рынке труда) со стороны различных государственных структур, а также созданию условий их профессионального развития с возможностью сочетать семейно-бытовые и материнские функции.

Следует учитывать особенности проблемы безработицы среди женщин, которые проявляются, прежде всего, на региональном уровне и которые необходимо выявлять, исследовать и в последующем учитывать при разработке мероприятий по содействию трудоустройству безработных и их социально-трудовой поддержке. Поэтому в некоторых регионах Российской Федерации

стали приниматься соответствующие государственные программы (например, в Пензенской области – «Содействие занятости населения Пензенской области» и «Социальная поддержка граждан в Пензенской области на 2014–2022 годы»¹), которые содержат комплекс мероприятий по профилактике безработицы (в том числе и среди женского населения), а также снижению ее отрицательных воздействий в обществе.

На наш взгляд, в отношении некоторых категорий безработных женщин (в частности имеющих несовершеннолетних детей) необходимо реализовывать более индивидуальный подход, который будет зафиксирован документально и отражен в ряде программ и мероприятий. Именно с этой целью в 2010 г. для женщин, имеющих малолетних детей, Федеральной службой по труду и занятости РФ была разработана программа переобучения, которая оказалась востребованной и достаточно эффективной и уже на протяжении более десяти лет осуществляется в нескольких российских регионах, постоянно адаптируясь к современным условиям.

Также в 2020 г. женщинам, имеющим детей дошкольного возраста и находящимся в отпуске по уходу за ребенком (т.е. фактически не работающим), в этот период предоставлена возможность пройти переобучение или переподготовку за счет средств федерального бюджета в рамках национального проекта «Демография» [24].

Проекты осуществляются с привлечением различных некоммерческих организаций, благотворительных фондов, общественных объединений, работодателей и финансируются за счет средств федерального бюджета. Большую роль играют предпринимательские объединения, которые финансируют данные программы для своих сотрудников [20].

Важно отметить, что участие в проекте определяется фактом обращения женщин с детьми (желающих пройти переобучение), а также их работодателей в службу занятости. Поэтому главная роль в реализации и организации данного проекта принадлежит региональным службам занятости, на которые возложен ряд функций, полномочий и ответственность (рис. 1).

На период обучения, который не должен длиться более полугода, безработным женщинам назначается ежемесячная стипендия с учетом фактических дней обучения в размере, равном федеральному МРОТ, увеличиваемом на районный коэффициент.

Данной категории безработных региональные власти Пензенской области стали уделять особое внимание в середине 2000-х гг., когда обострилась проблема женской безработицы. Так, в 2013 г. принята программа «Содействие занятости населения в Пензенской области», которая определяет порядок и условия организации осуществления различных мероприятий по обучению, переобучению и повышению квалификации женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до трех лет, а также женщин, имеющих детей дошкольного возраста, не состоящих в трудовых отношениях и обратившихся в органы службы занятости².

¹ Об утверждении государственной программы Пензенской области «Содействие занятости населения в Пензенской области»: постановление Правительства Пензенской области от 8 октября 2013 г. № 752-пП. URL: <http://docs.cntd.ru/document/423862606>

² Там же.

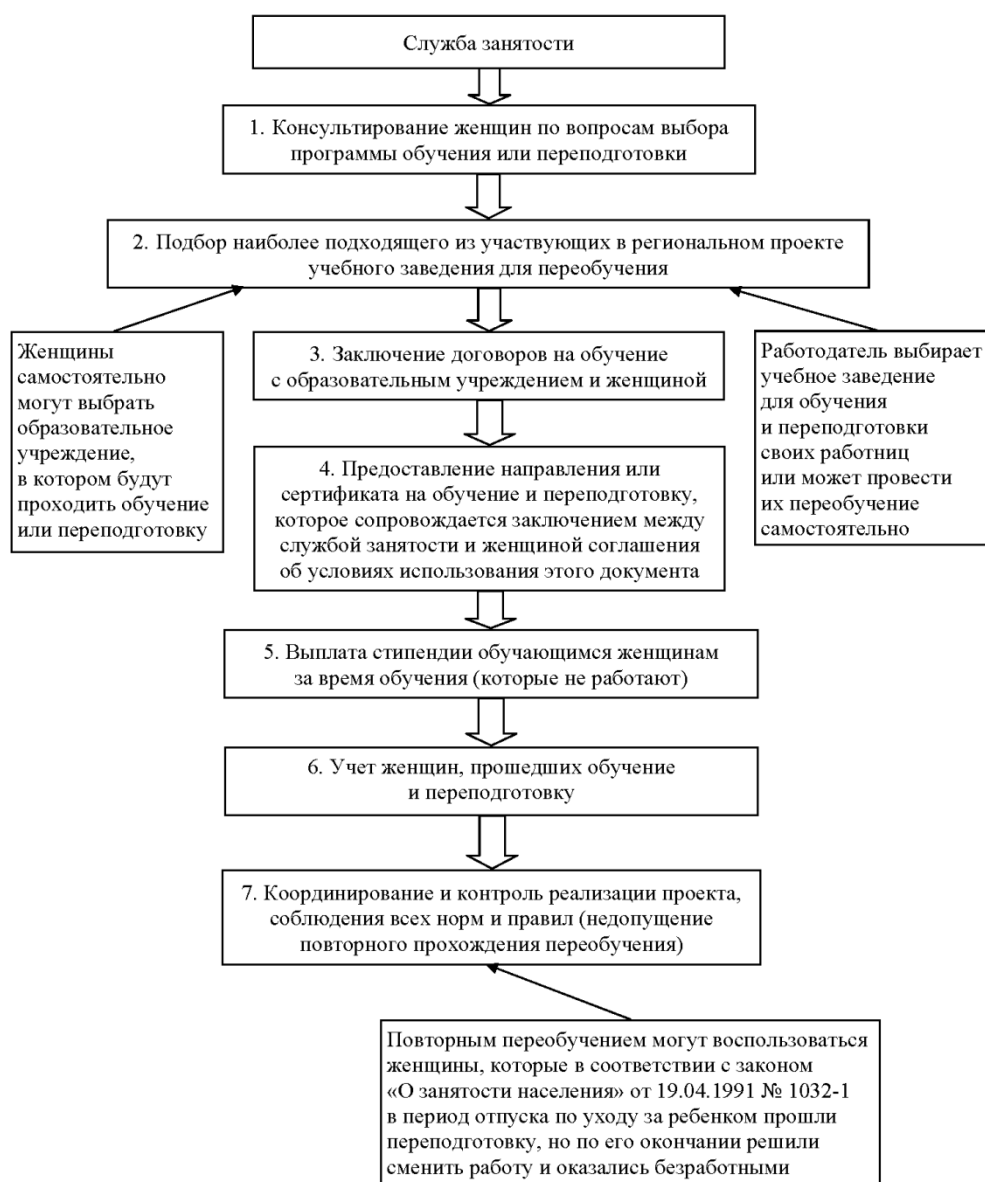

Рис. 1. Функции и этапы реализации проекта, осуществляемые региональной службой занятости

Источник: составлено авторами статьи на основе анализа источников [25].

Также с целью содействия занятости женщин с малолетними детьми (до трех лет) и повышения эффективности выше рассмотренных мероприятий по их трудоустройству на базе Центров социальной помощи семье и детям по всей области организовано проведение обучающих занятий по развитию навыков эффективного поиска работы.

С середины марта 2020 г. в регионе стартовало мероприятие по оказанию помощи по трудоустройству женщин с детьми, которое вошло в региональный проект «Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет» национального проекта

«Демография», реализуемого по Указу Президента РФ, о котором речь шла выше. В рамках этого проекта для отдельных категорий женщин, ищущих работу (имеющих детей дошкольного возраста или находящихся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до трех лет), предлагаются и организуются различные программы обучения, переобучение и повышение квалификации с учетом их интересов и с использованием современных технологий.

Обучение женщин продолжительностью в среднем три месяца проходит по профессиям, которые востребованы на рынке труда области, на базе лицензированных образовательных организаций и осуществляется центрами занятости путем предоставления персонифицированного образовательного сертификата для прохождения обучения.

Неработающим женщинам, имеющим детей дошкольного возраста и обратившимся в органы службы занятости по месту регистрации в целях поиска работы, в период обучения предусмотрена выплата стипендии, равной величине минимального размера оплаты труда (в 2020 г. МРОТ – 12 130 руб.). Затем обучившимся слушателям выдадут документы государственного образца о прохождении обучения.

Проведенный комплексный анализ нормативно-правовых актов на федеральном и региональном уровне, материалов социологических исследований, мнений специалистов позволил выделить перспективные направления решения проблемы женской безработицы, акцентировав внимание именно на помощи женщинам, имеющим детей.

1. Обучение и переобучение женщин, которое может осуществляться в двух формах:

– так называемое «опережающее обучение» (переподготовка (получение новой профессии и повышение квалификации) работающих посменно или неполный рабочий день (неполную рабочую неделю) женщин, а также женщин, которые числятся в штате организации, но находятся в отпуске без сохранения заработной платы или в декретном отпуске; или таких работающих женщин, которые имеют низкие производственные или другие трудовые показатели или не совсем хорошие результаты аттестации (т.е. находящихся под угрозой увольнения). По нашему мнению, именно такое обучение будет «сдерживать» увольнения среди женщин и, соответственно, способствовать профилактике женской безработицы – можно переподготовиться или освоить новые направления деятельности, чтобы «опередить» увольнение или возможные трудности в связи с выходом на работу после отпуска, поддержать профессиональные навыки. Специалисты служб занятости также отмечают данное направление как эффективное;

– специализированные программы обучения и переобучения неработающих женщин, имеющих детей, для возобновления, поддержания и развития карьерного роста, повышения мотивации трудовой деятельности, профессиональной мобильности и конкурентоспособности на рынке труда [26]. В настоящее время этому направлению уделяют достаточное внимание в рамках федеральных и региональных программ, что было отмечено выше.

Специалисты служб занятости отмечают, что такие программы пользуются особым спросом у молодых женщин, имеющих маленьких детей. Прохождение таких программ помогает им поддерживать определенный профессиональный уровень, мотивацию трудовой деятельности, восстановить

утраченные навыки и подготовиться к выходу на работу (например, после декретного отпуска).

Единственное, что следует учитывать в данном направлении, – это особенности организации обучения в современных условиях (например, переход на дистанционные формы обучения), а также потребности рынка труда и самих женщин.

2. Для содействия занятости женщин с семейными обязанностями необходимо развитие в практике деятельности организаций гибких форм занятости, таких как предоставление женщинам неполного рабочего дня или неполной рабочей недели, гибкого графика работы, посменной занятости; развитие нестандартных форм занятости (работа на дому) с использованием современных технологий (компьютерных программ и приложений); разделение ставок между работницами, что позволит не только создать дополнительные рабочие места, но и помочь женщинам с высокими семейными ценностями эффективно совмещать профессионально-трудовую деятельность с семейно-бытовыми и воспитательными функциями.

Важно отметить, что многие опрошенные женщины отдали бы предпочтение гибким формам занятости, что означает важность развития временной занятости, фриланса, работы на неполное рабочее время и т.д., так как в отличие от бизнеса это не требует больших временных и финансовых ресурсов, а также является вариантом заработка и позволяет совмещать семейную и профессиональную деятельность.

В этой связи службами занятости для женщин, ищущих работу, с целью временного заработка предлагаются различные общественные (временные) работы (например, благоустройство территорий, помощь одиноким пенсионерам, инвалидам, работа в детских лагерях, сельскохозяйственные сезонные работы и т.п.). К этому направлению деятельности следует активно подключать работодателей области и различные некоммерческие организации.

3. Социально-психологическая поддержка и консультирование женщин не только по вопросам трудоустройства, но и по различным трудным жизненным ситуациям с учетом специфики волнующей проблемы и личностных особенностей женщин, которое может осуществляться на базе различных региональных центров помощи и других специализированных структур области.

Например, безработным женщинам специалистами центра занятости Пензенской области оказываются услуги по социальной адаптации и психологической поддержке. Они позволяют улучшить психологическое самочувствие у безработных женщин, развить коммуникативные навыки, навыки работы с необходимой информацией и помогают в овладении конкретными приемами поиска работы: правильно составить индивидуальный план поиска работы и получить рекомендации по его реализации. Важно отметить, что более 46 % опрошенных безработных женщин, обратившихся в службу занятости, хотели бы получить психологическую консультацию и поддержку. Психологическая поддержка помогает женщинам повысить свою самооценку и трудовую мобильность, лучше адаптироваться в сложившихся условиях, а значит, стать более конкурентоспособными на рынке труда [27].

4. Особенно в условиях современной действительности перспективным направлением является стимулирование и развитие предпринимательской

активности женщин, что позволит им приобрести новые навыки, освоить новые стратегии трудового поведения и сориентироваться на рынке труда. Это может быть за счет развития хобби и интересов (увлечений), которые есть практически у всех женщин (например, выпечка, пошив одежды (игрушек), организация праздников и т.п.) и которые при квалифицированной помощи и профессиональной подготовке можно превратить в перспективный бизнес.

Содействие самозанятости включает в себя консультирование и обучение по вопросам организации своего дела, обучение правилам делового общения, помощь в подготовке бизнес-плана, единовременную финансовую помощь.

Однако другие исследователи отмечают, что бизнес для многих женщин на сегодняшний день не является выходом из ситуации безработицы, так как требует множество ресурсов, стартового капитала, знаний для освоения бизнеса и последующего развития.

Возможность заняться собственным бизнесом рассматривают 67 % женщин в России, при этом 88 % считают, что у них отсутствуют стартовые финансовые возможности, а 82 % не могут начать свой бизнес из-за нехватки знаний [27].

Для эффективной реализации данного направления в 2013 г. принята федеральная образовательная программа по развитию женского предпринимательства «Мама-предприниматель», которая в настоящее время эффективно реализуется более чем в 60 регионах России. С 2015 г. данная программа реализуется благотворительным фондом Amway «В ответе за будущее» и Комитетом по развитию женского предпринимательства «Опора России», с 2016 г. – вместе с акционерным обществом «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства», а в 2019 г. к совместному проекту присоединился банк «Открытие» [25].

В программе могут принять участие безработные женщины, имеющие малолетних и несовершеннолетних детей, а также женщины, стоящие на учете в службе занятости; женщины в декретном отпуске или с несовершеннолетними детьми, которые планируют открыть свое дело или занимаются предпринимательством не более года. То есть такие категории женщин, для которых важно самореализовываться, эффективно сочетая профессионально-трудовую деятельность с заботой о детях и семье. Помимо бесплатного обучения, участницы проекта получают возможность посоревноваться за денежный грант в размере 100 000 руб. на реализацию своей бизнес-идеи.

Таким образом, участие в программе поможет женщинам получить необходимые знания и навыки для организации и ведения собственного бизнеса.

5. Развитие «механизма социального партнерства» – активное взаимодействие службы занятости с представителями органов власти, объединениями работодателей, профсоюзами, различными общественными и некоммерческими организациями по вопросам трудоустройства и профессиональной ориентации женщин. Результатами такого взаимодействия могут быть квотирования рабочих мест или открытие новых вакансий, например для работающих женщин, имеющих несовершеннолетних детей; совместные мероприятия для выработки актуальных направлений решения проблемы трудоустройства женщин. Следует отметить, что данный механизм работает и продолжает развиваться дальше, учитывая современные особенности.

Удачным примером применения на практике механизма социального партнерства является рассмотренный выше пример реализации федеральной образовательной программы по развитию женского предпринимательства «Мама-предприниматель», которая объединила несколько серьезных организаций для достижения общей социально значимой цели.

6. Важным направлением в профилактике проблемы безработицы женщин, в том числе и на уровне региона, должны стать эффективная социальная реклама, различные социальные проекты и активное участие средств массовой информации в разъяснении общественности о социально-важной роли женщины в обществе и создании положительного ее образа, которые могут показать, что женщина может быть эффективна в различных сферах жизнедеятельности, совмещая материнские, семейно-бытовые и профессионально-трудовые функции. В пример можно приводить женщин-предпринимателей, общественных деятелей, интернет-блогеров и т.п., которые, являясь многодетными матерями, успешно строят карьеру.

Следует подчеркнуть, что государству важно не только разрабатывать более современные формы поддержки женщин в сфере занятости, но и создавать в обществе положительный образ мужчины-отца, тем самым корректируя стереотип о традиционном распределении ролей в семье, что будет способствовать тому, что образ женщины на рынке труда перестанет ассоциироваться лишь с отпуском по уходу за ребенком и частыми больничными листами и даст женщине шанс на удовлетворение своих карьерных амбиций [28].

Для эффективной реализации данного направления целесообразно периодически проводить мониторинг положения женщин в обществе и на рынке труда; организовывать «горячую линию» по различным вопросам и актуальным проблемам, интересующим различные категории женщин, а также проводить профессиональное консультирование женщин по юридическим, социально-трудовым и психологическим аспектам деятельности, что позволит анализировать реальное положение женщин на рынке труда региона, выявлять существующие проблемы и искать новые пути их решения [29, с. 187].

Необходимо отметить, что важную роль в реализации перечисленных направлений решения проблемы женской безработицы на региональном рынке труда играют центры занятости и служба занятости населения г. Пензы и области, которые выполняют ряд важных функций в отношении различных категорий безработных, в частности женщин. Здесь можно отметить такие направления, как содействие в поиске подходящей работы; информирование о положении на рынке труда; организация профессиональной ориентации различных категорий граждан в целях выбора сферы деятельности (профессии), трудоустройства, профессионального обучения; профессиональное обучение безработных граждан; психологическая поддержка, профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации безработных граждан; осуществление социальных выплат гражданам, признанным в установленном порядке безработными; организация временного трудоустройства безработных граждан, испытывающих трудности в поиске работы; содействие самозанятости безработных граждан и т.п.

Также в центрах занятости на сегодняшний день представлен достаточно широкий спектр консультационных услуг и мероприятий, например о востребованных профессиях, о современных способах поиска работы, об

особенностях составления «привлекательного» резюме и удачного прохождения собеседования, правилах эффективного поведения и ведения деловой беседы.

Отдельным блоком Центром занятости населения г. Пензы представлены услуги «Профессиональное обучение женщин, имеющих детей дошкольного возраста»: приглашаются женщины, имеющие детей дошкольного возраста, не состоящие в трудовых отношениях и обратившиеся в органы службы занятости, а также работающие женщины, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до трех лет, бесплатно поучаствовать в различных образовательных программах, пройти переподготовку и повысить свой уровень квалификации по профессиям, востребованным на рынке труда г. Пензы и области: бухгалтерский учет, делопроизводитель, сестринское дело, фармацевт, парикмахер, бухгалтер, специалист по маникюру, портной, кладовщик, повар, кондитер, контрактный управляющий (специалист в сфере закупок).

В отчетных ведомостях служб занятости представлены следующие показатели по направлениям работы с безработными женщинами г. Пензы (табл. 1).

Таблица 1

Показатели работы служб занятости г. Пензы и Пензенской области
с безработными женщинами за 2018–2019 гг.

Показатели	2018 г.				2019 г.			
	г. Пенза		Пензенская область		г. Пенза		Пензенская область	
В составе поставленных на учет граждан	7698,0 человек	50,9 %	17 047,0 человек	49,9 %	7061,0 человек	50,6 %	16 513,0 человек	49,0 %
В составе нашедших работу граждан	5845,0 человек	50,3 %	12 838,0 человек	49,3 %	5539,0 человек	50,4 %	12 019,0 человек	48,3 %
Содействие самозанятости	7,0 человек	0,1 %	64,0 человек	0,2 %	8,0 человек	0,1 %	70,0 человек	0,3 %
Профессиональное обучение: женщины	160,0 человек	46,5 %	447,0 человек	50,7 %	144,0 человек	46,3 %	406,0 человек	48,7 %
женщины, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет	60,0 человек	17,4 %	102,0 человек	11,6 %	65,0 человек	20,9 %	105,0 человек	12,6 %

В любом случае эффективность деятельности службы занятости подтверждается многолетним опытом работы и достаточно высокой степенью доверия обратившихся за помощью граждан, преимущественную часть которых составляют женщины. В основном благодаря деятельности службы занятости удается проводить мониторинг и контролировать региональный рынок труда, периодически стабилизируя ситуацию.

Весной-летом 2020 г. нагрузка на центры занятости населения в Пензенской области сильно возросла (в связи с пандемией), количество безработных увеличилось в четыре раза, и более половины из них женщины (54 %) [23].

На наш взгляд, в условиях современной действительности возрастает значимость деятельности региональных служб занятости в профориентационной работе с безработными женщинами и поиске подходящей для них вакансии, но уже с применением современных технологий и инновационных форм занятости, что очень актуально в современных условиях. На рис. 2 представлена обобщенная блок-схема по реализации направлений решения проблемы женской безработицы для участников социально-трудовых отношений.

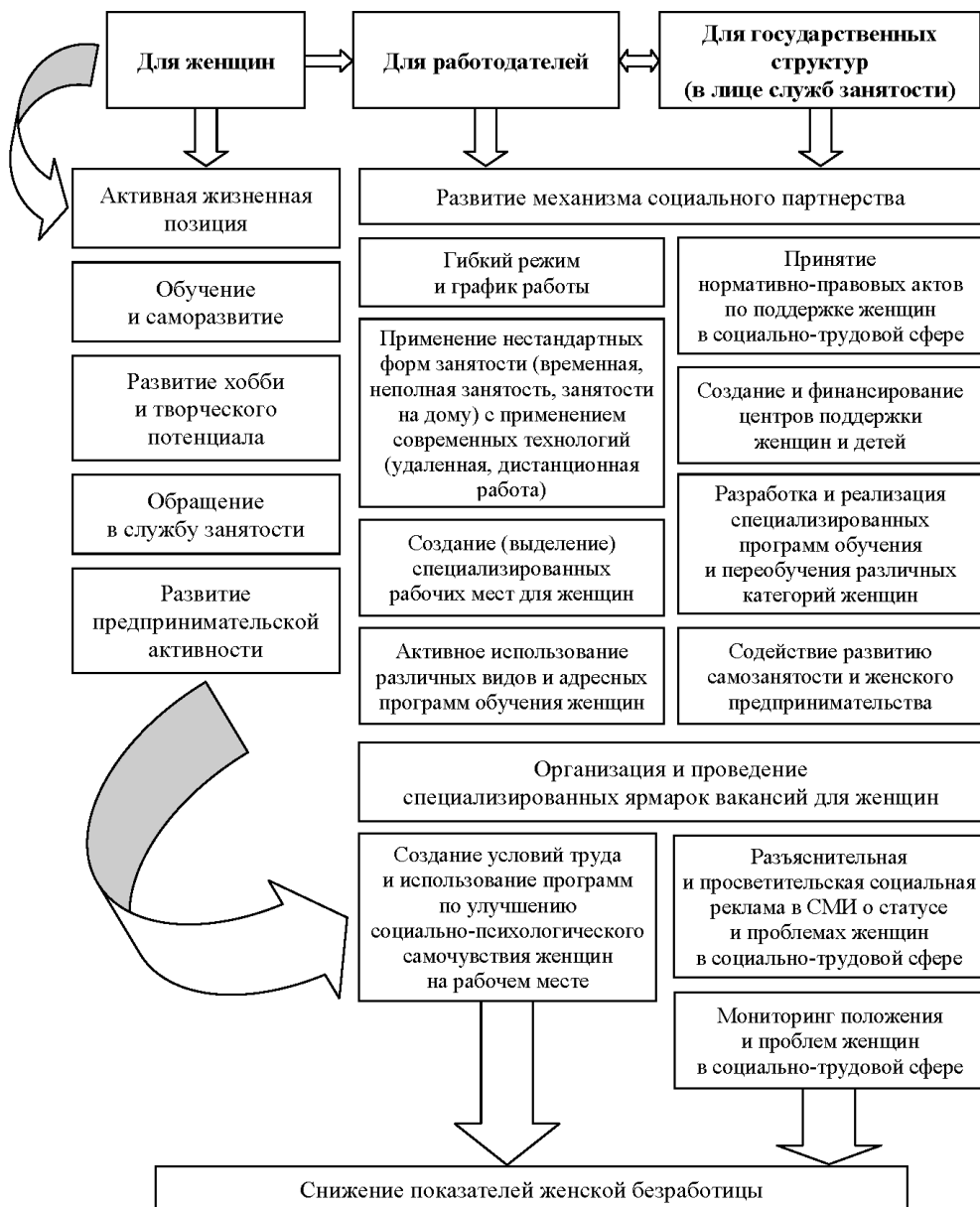

Рис. 2. Блок-схема по реализации направлений решения проблемы женской безработицы для участников социально-трудовых отношений

На рис. 3 представлены результаты, которые могут быть получены от реализации вышепредложенных направлений и мероприятий.

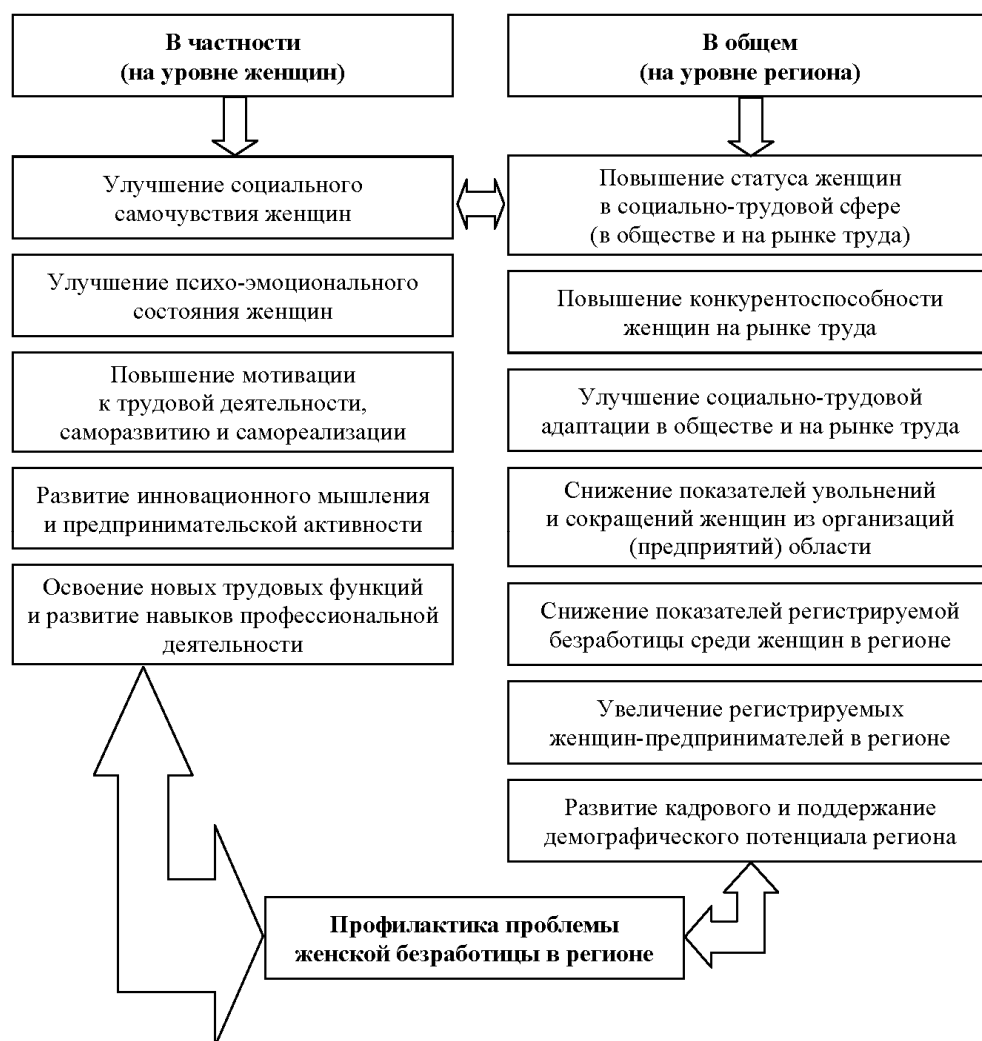

Рис. 3. Ожидаемые результаты от реализации предложенных направлений и мероприятий

Таким образом, решение исследуемой проблемы, на наш взгляд, во многом будет зависеть от постоянного внимания и целенаправленных действий со стороны государства и общественности, а также других участников социально-трудовых отношений в рамках предложенных направлений, что положительно скажется на ряде показателей и послужит эффективной профилактикой женской безработицы на региональном рынке труда.

Список литературы

1. Айвазова С. Г. Контракт работающей матери: нарушения или расторжение? (К вопросу об особенностях гендерной политики в современной России) // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 13–22.

2. Бабаева Л. В. Женщины России в условиях социального перелома: работа, политика, повседневная жизнь. М. : Российский общественный научный фонд, 2006. 204 с.
3. Балабанова Е. С. Экономическая зависимость женщин: сущность, причины и последствия // Социологические исследования. 2006. № 4. С. 47–57.
4. Багирова А. П., Бледнова Н. Д. Совмещение профессионального и родительского труда в оценках уральских женщин: объективные и субъективные барьеры // Женщина в российском обществе. 2021. № 18. С. 150–168.
5. Ростовская Т. К., Кучмаева А. В. Трансформация желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2020. Т. 20, № 3. С. 527–546.
6. Голод С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 40–49.
7. Караханова Г. М. Ценностные ориентации работающих женщин и использование времени // Социологические исследования. 2003. № 3. С. 74–81.
8. Парягина О. А. Содействие занятости женщин с семейными обязанностями // Трудовое право. 2008. № 3. С. 48–54.
9. Родина И. В. Улучшение положения женщин и повышение их роли в обществе // Вестник Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. 2002. № 2. С. 119.
10. Работа и семья в жизни женщин с детьми-дошкольниками: опыт города Москвы / под ред. О. Б. Савинской. М. : Вариант, 2008. 192 с.
11. Силласте Г. Г. От решения «женского вопроса» к формированию нового «гендерного порядка» // Новая социальная реальность и гендерное равноправие в России и за рубежом 100 лет спустя: исторические уроки и социальные горизонты : сб. материалов XVIII Междунар. гендер. чтений / под ред. Г. Г. Силласте. М. : НИИ экономики Южного федерального округа, 2017. Ч. 1. С. 27–31.
12. Лаврова Ю. О. Анализ современного состояния проблемы женской безработицы и причин, ее обуславливающих // Молодой ученый. 2018. № 44 (230). С. 239–244.
13. Гелета И. В. Женщины на рынке труда: проблемы и современное состояние // Известия Академии труда и занятости. 2002. № 3-4. С. 40–42.
14. Грицюк М., Смолякова Т. Женщина с ребенком ищет работу // Российская газета. 2008. № 4568.
15. Иванцова М. В. Особенности женской безработицы в современной России // Профессиональная карьера женщин и вызовы времени : Междунар. науч.-практ. интернет-конф. (1–31 мая 2007 г.). URL: <http://www.nstu.ru/prometea/article/a/forveb.htm>
16. Колесникова О., Капустин И. Повышение конкурентоспособности женщин на рынке труда // Человек и Труд. 2005. № 7. С. 43–45.
17. Мезенцева Е. Б. Женщины в сфере занятости и на рынке труда: некоторые итоги «десятилетия реформ». URL: <http://www.seprava.ru/cgi-bin/articles.pl>
18. Рощин С. Ю. Женщины в сфере занятости и на рынке труда в российской экономике (эмпирические исследования гендерных различий трудового поведения) // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики. М. : Русская панорама, 2002. С. 212–234.
19. Ржаницина Л. С., Сергеева Г. П. Женщины на российском рынке труда // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 57–62.
20. Кошарная Г. Б. Социальная ответственность субъектов предпринимательства: история и современность // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 1. С. 100–108.
21. Скиндер Н. В., Кузьменко Н. Ф. Особенности женской занятости и безработицы в России // Социальная структура и социальные процессы в современном обществе : сб. науч. тр. Новочеркасск : ЮРГТУ, 2007. С. 127–140.

22. Занятость и безработица в Российской Федерации в 2020 году (по итогам обследования рабочей силы). URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/181.htm
23. В Пензенской области уровень безработицы продолжает расти. URL: https://www.penzainform.ru/news/social/2020/10/01/situatciya_s_koronavirusom_v_penzenskoj_oblasti_v_rezhime_onlajn.html
24. Национальный проект «Демография». URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography>
25. «Мама-предприниматель» – федеральный образовательный проект по развитию женского предпринимательства. URL: <http://mama-predprinimatel.ru/project/>
26. Кошарная Г. Б., Тарханова Е. С. Проблемы карьерного роста женщин в России и зарубежных странах // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. № 2. С. 126–137.
27. Голубкова И. В., Амутнов А. И. Женская безработица на рынке труда Пензенской области // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2014. № 4 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskaya-bezrobotitsa-na-rynke-truda-penzenskoj-oblasti>
28. Тарханова Е. С. Социально-экономические аспекты и динамика женской безработицы в современном российском обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 1. С. 88–105.
29. Кошарная Г. Б., Тарханова Е. С., Данилова Е. А. Особенности женской безработицы в современном российском обществе // Власть. 2019. № 4. С. 187–195.

References

1. Ayvazova S.G. Working mother's contract: violations or termination? (On the issue of the specifics of gender policy in modern Russia). *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve = Woman in Russian society*. 2011;3:13–22. (In Russ.)
2. Babaeva L.V. *Zhenshchiny Rossii v usloviyakh sotsial'nogo pereloma: rabota, politika, povsednevnyaya zhizn' = Women of Russia in the conditions of a social change: work, politics, everyday life*. Moscow: Rossiyskiy obshchestvennyy nauchnyy fond, 2006:204. (In Russ.)
3. Balabanova E.S. Economic dependence of women: essence, causes and consequences. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological researches*. 2006;4:47–57. (In Russ.)
4. Bagirova A.P., Blednova N.D. Combining professional and parental labor in the assessments of the Ural women: objective and subjective barriers. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve = Woman in Russian society*. 2021;18:150–168. (In Russ.)
5. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva A.V. Transformation of the desired family model in different generations: results of the all-russian sociological research. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Sotsiologiya = Bulletin of RUDN University. Series: Sociology*. 2020;20(3):527–546. (In Russ.)
6. Golod S.I. Sociological and demographic analysis of the state and evolution of the family. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological researches*. 2008;1:40–49. (In Russ.)
7. Karakhanova G.M. The value orientations of working women and the use of time. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological researches*. 2003;3:74–81. (In Russ.)
8. Paryagina O.A. Promoting the employment of women with family responsibilities. *Trudovoe pravo = Labor laws*. 2008;3:48–54. (In Russ.)
9. Rodina I.V. Improving the status of women and increasing their role in society. *Vestnik Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii = Bulletin of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation*. 2002;2:119. (In Russ.)
10. Savinskaya O.B. (ed.). *Rabota i sem'ya v zhizni zhenshchin s det'mi-doshkol'nikami: opyt goroda Moskvy = Work and family in women's life with preschool children: the experience of the city of Moscow*. Moscow: Variant, 2008:192. (In Russ.)

11. Sillaste G.G. From solving the “women’s issue” to the formation of a new “gender order”. *Novaya sotsial'naya real'nost' i gendernoe ravnopravie v Rossii i za rubezhom 100 let spustya: istoricheskie uroki i sotsial'nye gorizonty: sb. materialov XVIII Mezhdunar. gender. Chteniy = New social reality and gender equality in Russia and abroad 100 years later: historical lessons and social horizons: proceedings of the 18th International gender readings*. Moscow: NII ekonomiki Yuzhnogo federal'nogo okruga, 2017; 1:27–31. (In Russ.)
12. Lavrova Yu.O. Analysis of the current state of the problem of female unemployment and the reasons for it. *Molodoy uchenyy = Young scientist*. 2018;44(230):239–244. (In Russ.)
13. Geleta I.V. Women in the labor market: problems and current state. *Izvestiya Akademii truda i zanyatosti = Proceedings of the Academy of Labor and Employment*. 2002; 3-4:40–42. (In Russ.)
14. Gritsyuk M., Smol'yakova T. A woman with a child looking for work. *Rossiyskaya gazeta = Russian newspaper*. 2008;4568. (In Russ.)
15. Ivantsova M.V. Features of female unemployment in modern Russia. *Professional'naya kar'era zhenshchin i vyzovy vremeni: Mezhdunar. nauch.-prakt. internet-konf. (1–31 maya 2007 g.) = Professional career of women and challenges of the time: International scientific and practical internet-conference (May 1–31, 2007)*. Available at: <http://www.nstu.ru/prometea/article/a/forveb.htm> (In Russ.)
16. Kolesnikova O., Kapustin I. Increasing the competitiveness of women in the labor market. *Chelovek i Trud = Human and Labor*. 2005;7:43–45. (In Russ.)
17. Mezentseva E.B. *Zhenshchiny v sfere zanyatosti i na rynke truda: nekotorye itogi «desyatiletiya reform» = Women in employment and the labor market: some outcomes of the “decade of reforms”*. Available at: <http://www.seprava.ru/cgi-bin/articles.pl> (In Russ.)
18. Roshchin S.Yu. Women in employment and the labor market in the Russian economy (empirical studies of gender differences in labor behavior). *Gender i ekonomika: mirovoy opyt i ekspertiza rossiyskoy praktiki = Gender and economics: world experience and expertise of russian practice*. Moscow: Russkaya panorama, 2002:212–234. (In Russ.)
19. Rzhantsina L.S., Sergeeva G.P. Women in the Russian labor market. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological researches*. 1999;7:57–62. (In Russ.)
20. Kosharnaya G.B. Social responsibility of business entities: history and modernity. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2014;1:100–108. (In Russ.)
21. Skinder N.V., Kuz'menko N.F. Features of female employment and unemployment in Russia. *Sotsial'naya struktura i sotsial'nye protsessy v sovremennom obshchestve: sb. nauch. tr. = Social structure and social processes in modern society: collected papers*. Novocherkassk: YuRGU, 2007:127–140. (In Russ.)
22. *Zanyatost' i bezrobotitsa v Rossiyskoy Federatsii v 2020 godu (po itogam obsledovaniya rabochey sily) = Employment and unemployment in the Russian Federation in 2020 (based on the results of the labor force survey)*. Available at: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/181.htm (In Russ.)
23. *V Penzenskoy oblasti uroven' bezrobotitsy prodolzhaet rasti = The unemployment rate continues to grow in Penza region*. Available at: https://www.penzainform.ru/news/social/2020/10/01/situatsiya_s_koronavirusom_v_penzenskoj_oblasti_v_rezhime_onlajn.html (In Russ.)
24. *Natsional'nyy projekt «Demografiya» = National project “Demography”*. Available at: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (In Russ.)
25. *«Mama-predprinimatel'» – federal'nyy obrazovatel'nyy projekt po razvitiyu zhenskogo predprinimatel'stva = “Mother-Entrepreneur” – federal educational project for the*

- development of women's entrepreneurship*. Available at: <http://mama-predprinimatel.ru/project/> (In Russ.)
26. Kosharnaya G.B., Tarkhanova E.S. Problems of career growth for women in Russia and foreign countries. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2017; 2:126–137. (In Russ.)
27. Golubkova I.V., Amutnov A.I. Women's unemployment in the labor market of the Penza region. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie = Azimuth of researches: economics and management*. 2014;4(9). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskaya-bezrabotitsa-na-rynke-truda-penzenskoy-oblasti> (In Russ.)
28. Tarkhanova E.S. Social and economic aspects and dynamics of female unemployment in modern Russian society. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2019; 1:88–105. (In Russ.)
29. Kosharnaya G.B., Tarkhanova E.S., Danilova E.A. Features of female unemployment in modern Russian society. *Vlast' = Power*. 2019;4:187–195. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Галина Борисовна Кошарная

доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии
и управления персоналом, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: k-galina1@yandex.ru

Galina B. Kosharnaya

Doctor of sociological sciences, professor,
head of the sub-department of sociology
and personnel management, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Елена Сергеевна Тарханова

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социологии
и управления персоналом, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: helena_82@mail.ru

Elena S. Tarkhanova

Candidate of sociological sciences, associate
professor, associate professor of the
sub-department of sociology and personnel
management, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Поступила в редакцию / Received 22.01.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 02.02.2021

Принята к публикации / Accepted 16.02.2021

УДК 339.924

doi:10.21685/2072-3016-2021-1-9

Особенности внешнеэкономических связей России со странами Африки

С. В. Захарова¹, О. Ю. Соколова², Н. Л. Власова³,
В. А. Скворцова⁴, А. О. Скворцов⁵

^{1,2,3}Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю. А., Саратов, Россия

^{4,5}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹fonar2005@yandex.ru, ²oysokol03@rambler.ru, ³nathalie888@inbox.ru,
⁴va_skvortsova@mail.ru, ⁵v_skv@bk.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Африка представляет собой достаточно интересный для экономического сотрудничества регион для России, обладая богатыми природными ресурсами, энергетическим потенциалом. Сегодня приоритетной является задача по углублению торговых, инвестиционных связей нашего государства и Африки в силу усложняющихся отношений с традиционными торговыми партнерами (Европа, Азия). Цель работы – провести анализ взаимовыгодных сторон для сотрудничества в области торговли с некоторыми государствами Африки, а также отметить перспективные сферы. *Материалы и методы.* Реализация задач исследования была достигнута на основе анализа исторических и перспективных направлений сотрудничества между Россией и Африкой. Особое внимание уделено взаимной торговле с рядом африканских государств, вносящих определенный положительный вклад в российский торговый баланс. *Результаты.* В статье рассмотрена эволюция развития сотрудничества России с Африканским регионом. Приведены факты осуществления инвестиционных проектов российским крупным бизнесом в Африке, а также статистические показатели экспорта и импорта с такими государствами, как Гана, Конго и Нигерия, отмечены новые товарные позиции в российско-нигерийском экспорте. *Выводы.* Исследование развития внешнеэкономических связей России и Африки позволяет сделать вывод о наличии перспектив такого рода сотрудничества не только в сфере поставок военного оборудования, техники, но и в вопросах реализации кооперационных связей, информационно-телекоммуникационного обучения, поставок медицинского оборудования и медикаментов.

Ключевые слова: Африка, экспорт, несырьевой неэнергетический экспорт, импорт, взаимовыгодное сотрудничество, товарная позиция

Для цитирования: Захарова С. В., Соколова О. Ю., Власова Н. Л., Скворцова В. А., Скворцов А. О. Особенности внешнеэкономических связей России со странами Африки // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 1. С. 103–114. doi:10.21685/2072-3016-2021-1-9

Features of Russia's foreign economic relations with the countries of Africa

S.V. Zakharova¹, O.Yu. Sokolova², N.L. Vlasova³,
V.A. Skvortsova⁴, A.O. Skvortsov⁵

^{1,2,3}Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia

^{4,5}Penza State University, Penza, Russia

¹fonar2005@yandex.ru, ²oysokol03@rambler.ru, ³nathalie888@inbox.ru,

⁴va_skvortsova@mail.ru, ⁵v_skv@bk.ru

Abstract. *Background.* Africa is quite an interesting region for economic cooperation for Russia, possessing rich natural resources and energy potential. Today, the priority is the task of deepening trade and investment ties between our state and Africa due to the increasingly complicated relations with traditional trading partners (Europe, Asia). *Materials and methods.* The implementation of the research objectives was achieved on the basis of an analysis of the historical and promising areas of cooperation between Russia and Africa. Particular attention is paid to mutual trade with a number of African states that make a certain positive contribution to the Russian trade balance. *Results.* The article examines the evolution of the development of cooperation between Russia and the African region. The facts of the implementation of investment projects by Russian business in Africa, as well as statistical indicators of exports and imports with countries such as Ghana, Congo and Nigeria are presented, new commodity positions in Russian-Nigerian exports are noted. *Conclusions.* The study of the development of foreign economic relations between Russia and Africa allows us to conclude that there are prospects for this kind of cooperation not only in the supply of military equipment and technology, but also in the implementation of cooperation ties, information and telecommunications training, and the supply of medical equipment and medicines.

Keywords: Africa, export, non-resource non-energy export, import, mutually beneficial cooperation, commodity position

For citation: Zakharova S.V., Sokolova O.Yu., Vlasova N.L., Skvortsova V.A., Skvortsov A.O. Features of Russia's foreign economic relations with the countries of Africa. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2021;1:103–114. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-1-9

Введение

Влияние стран Африки в экономической мировой системе с каждым годом продолжает усиливаться. По расчетам Африканского банка развития, рост совокупного ВВП стран Африканского континента в реальном выражении составил около 4,0 % в 2019 г. При том, что темпы роста ВВП в Африке все же будут ниже, чем в Китае и Индии, они превысят средний показатель других развивающихся стран и стран с формирующейся рыночной экономикой.

Российская Федерация, со своей стороны, в последние годы заметно усилила свой интерес к Африканскому континенту, отмечая особую важность прогресса в сотрудничестве между странами и положительный опыт развития совместных проектов как в сфере торговли, инвестиций, энергетики, так и в ряде социальных направлений (здравоохранение, образование).

Для российской экономики необходимость укрепления экономических связей с африканскими странами должна учитывать весь комплекс новейших

трендов развития Африки, среди которых передача полномочий странами наднациональным организациям (Африканскому союзу и другим региональным объединениям), развитие человеческого капитала и инфраструктуры при сохранении окружающей среды, формирование рынка информационно-коммуникационных технологий, развитие больших данных, искусственного интеллекта и других технологий будущего и другие не менее значимые тенденции, что и определяет актуальность темы исследования.

Обсуждение

Сотрудничество России со странами Африканского региона имеют свои исторические корни. Данное сотрудничество развивалось еще в советскую эпоху. С первых месяцев своего существования советское государство провозгласило курс на защиту интересов угнетенных народов мира, их права на самоопределение и создание самостоятельных государств.

Антиколониальная борьба в Африке стала долговременной составляющей советской политики. На обеспечение этого были направлены как усилия советской дипломатии, так и военная, экономическая и политическая поддержка. В немалой степени в результате активности СССР множество африканских государств в 50–70-х гг. XX в. получили независимость [1]. К 1984 г. у Советского Союза были устойчивые дипотношения с 46 странами Африки из 53. Причем столь полный охват Африки советской дипломатией был связан вовсе не только с заслугами нашей страны в ликвидации системы колониализма. СССР в постколониальный период настойчиво развивал отношения со странами Африки сразу по нескольким направлениям, крайне важным для новых независимых государств [2].

Во-первых, СССР защищал интересы стран Африканского региона во многих международных организациях. Во-вторых, оказывал помощь множеству молодых государств Африканского региона в создании систем безопасности, т.е. в финансировании, обучении, вооружении национальных армий, которые смогли отражать внешние угрозы, а также блокировать развитие внутренних вооруженных конфликтов. И, в-третьих, выделяла значительные суммы на помощь в создании устойчивых национальных экономик.

После распада СССР в 1990-е гг. отношения со странами Африки начали стремительно разрушаться, так как внимание России сменилось в направлении «развитого Запада». В течение 2 лет в Африке закрыли 9 посольств и 4 российских консульства. Также были свернуты группы российских газет и информационных агентств. Отказ России в этот период от политики в Африке освободило место для таких стран, как Китай, Индия, Бразилия [3].

Важным моментом для возобновления отношений России со странами Африканского региона было то, что в 2000 г. появилась «Концепция Российской политики в Африке». Концепция предусматривала участие в совместных бизнес-проектах в Африке государственных и частных компаний. В этот период в Россию с официальными визитами приезжали главы Анголы, Намибии, ЮАР, Гвинеи, Нигерии и Эфиопии. В 2006 г. президент Российской Федерации В. В. Путин посетил ЮАР и Марокко, а в 2009 г. Д. А. Медведев посетил Анголу, Египет, Намибию и Нигерию. В то же время было подписано множество соглашений о совместной реализации в Африке крупных экономических проектов.

В 2015 г. основная доля российских проектов в Африке была ориентирована больше на разведку и разработку минеральных ресурсов. Остальное приходилось на телекоммуникации, энергетику, создание инфраструктурных объектов, туризм, здравоохранение, образование.

В рамках зарождения сотрудничества нашего государства и Африки можно отметить некоторые факты. В 2006 г. алюминиевая компания «РУСАЛ» приобрела 77,5 % акций нигерийского алюминиевого завода Alscop. Сырье для производства, глинозем, поставляется из Гвинеи, где «РУСАЛ» занимает лидирующие позиции в добыче бокситов. Сумма инвестиций «РУСАЛа» в добычу гвинейских бокситов составила 1,5 млрд долл.

В это же время проектами алмазодобычи в Анголе занималась крупнейшая российская алмазная компания «АЛРОСА».

В 2014 г. металлургическая компания «Северсталь» купила 61,5 % акций либерийской компании Iron Ore Group. В проект по освоению месторождения высококачественной железной руды «Северсталь» вложила 2,5 млрд долл.

«Газпром» начал газовые проекты с алжирской компании и участвует в совместной разработке газовых и нефтяных месторождений в Нигерии, а «Лукойл» получила права на освоение 11 лицензионных блоков в прибрежных странах Гвинейского залива: Нигерии, Гане, Кот-д'Ивуаре, Сьерра-Леоне, Камеруне. Заявленный объем инвестиций в проекты – до 2,5 млрд долл.

Российские компании осваивают не только рынки минерального сырья. Россия в Африке возвращается на рынки вооружений. Так как Африка является континентом, в котором очень много «конфликтных зон», то необходимость в современных видах вооружения и военной техники для защиты населения постоянно растет.

Так, в 2000–2013 гг. объем экспорта российской продукции военного назначения в страны Африки составил почти 12 млрд долл. Значительную часть экспортируемого вооружения составляли авиационная техника, ракетные средства ПВО, ракетно-артиллерийские системы, военные корабли, танки. К 2014 г. около 30 % рынка вооружений и военной техники Африки приходилось на российскую продукцию.

Основными партнерами России по объемам военных поставок в этот период были Алжир (более 7 млрд долл.), Египет (1,3 млрд долл.), Уганда (около 560 млн долл.), Эфиопия (порядка 550 млн долл.). Причем, по данным компании «Рособоронэкспорт», объем заказов на вооружения и военную технику со стороны стран Африки продолжает расти.

Россия возвращает свои позиции и в других сферах сотрудничества. Например, часть российских инвестиций вложена в реализацию совместных проектов по металлургии, атомной промышленности, в банковском секторе, космической связи, электроэнергетике.

Примером может стать ситуация, когда российская компания «Алроса», которая занимается производством алмазов в Анголе, столкнулась с проблемой нехватки электроэнергии. В связи с этим к 2008 г. «Алроса» построила крупную гидроэлектростанцию в Анголе. После этого компания занялась реализацией такого же проекта в Намибии.

«Росатом» предлагает решить проблемы обеспечения энергетикой всех стран Африканского региона, выдвигая концепцию строительства атомных электростанций.

Также считаем необходимым упомянуть о деятельности ряда крупных российских предприятий на территории Африканского региона в 2019–2020 гг. Так, не только «ЛУКОЙЛ» из российских компаний добывает углеводороды в Африке – «Роснефть» участвует в одном из самых успешных проектов на шельфе Египта (Зохр) – ключевом для всей архитектуры египетского газового рынка. «ЛУКОЙЛ» участвует в добыче нефти и газа на шельфе Республики Конго, а «Газпром» – в ливийской пустыне.

«Роснефть» действительно подписала меморандум с государственной нефтегазовой компанией Мозамбика ENH, но он предполагал расширение сотрудничества, ведь «Роснефть» уже участвует в ГРП-проекте на шельфе Мозамбика.

Финансовую поддержку отечественных проектов осуществляет закрепление филиалов Внешторгбанка, которые работают в таких странах, как ЮАР, Ангола, Намибия.

В последние годы растет участие России в различных гуманитарных и миротворческих программах стран Африканского региона. В роли члена Совета безопасности ООН Россия принимает участие во множестве миротворческих операций на континенте, участвует в формировании Глобального фонда по борьбе с ВИЧ/СПИД, туберкулезом и малярией в Африке, в Глобальной инициативе по искоренению полиомиелита, а также во Всемирной продовольственной программе ООН, существенная часть средств из которой идет на помощь африканским государствам.

На данном этапе Россия по-прежнему заинтересована в развитии отношений со странами Африканского региона. В основе этого лежит, конечно же, пласт геополитических проблем. Сотрудничество России со странами Африки позволит России заручиться поддержкой по ключевым вопросам международной жизни.

Основными интересами является укрепление политического сотрудничества по вопросам международной жизни; укрепление политического взаимодействия в рамках отношений со странами БРИКС. На данный момент из африканских стран в БРИКС состоит только ЮАР, но существуют перспективы включения в объединение и других стран Африканского региона.

Еще один интерес современной России в странах Африки – это развитие торгово-экономических отношений, т.е. добыча и покупка минеральных ресурсов, продукции тропического земледелия, а также увеличение поставок в Россию овощей и фруктов. В связи с санкциями и запретами на поставку овощей и фруктов из стран ЕС поставка данных продуктов из стран Африки является достаточно актуальной. Россия в страны Африканского региона также поставляет удобрения, продукцию машиностроения, вооружения, технику и пр. Африканские страны демонстрируют увеличение спроса на российские товары. Больше всего прирост экспорта российских товаров наблюдается в таких странах, как Алжир, ЮАР и Египет [4].

В представленной статье считаем целесообразным отразить показатели развития торговых отношений России с такими государствами, которые в меньшей степени имеют популярность, однако сотрудничество с ними имеет положительные результаты. Это Гана, Конго и Нигерия. В связи с тем, что не все регионы нашего государства поддерживают связь с Африканским

регионом, за статистическую основу были взяты показатели Москвы (данные Московского экспортного центра).

Гана по итогам 2019 г. занимает 90 место по объему совокупного экспорта (доля Ганы в экспорте Москвы – 0,02 %) и 79 место по объему несырьевого неэнергетического экспорта (ННЭ) из Москвы (доля Ганы в ННЭ Москвы – 0,1 %)¹.

Москва по итогам 2019 г. занимает 1 место среди субъектов РФ по объему совокупного экспорта (36,2 млн долл., –7,3 %²) и 2 место по объему ННЭ (18,1 млн долл., –52,9 %) в Гану (после Краснодарского края).

Доля Москвы в РФ по ННЭ в Гану составила 17,5 % по итогам 2019 г.

Наиболее популярными отраслями³ экспорта из Москвы в Гану в 2019 г. стали:

1. Продукция сельского хозяйства: 17,7 млн долл. (–53,0 % к 2018 г.), в том числе:

№ п/п	Товарная позиция (ТН ВЭД ЕАЭС 6 знаков)	Экспорт Москвы в Гану (тыс. долл.) 2019 г.	Динамика (в процентах), 2019 к 2018 г.	Доля товара в ННЭ Москвы в Гану по отрасли (в процентах), 2019 г.
1.	100199-Мягкая пшеница не семенная	17 721	–53,0	100,0
ИТОГО:		17 721	–53,0	100,0

2. Химическая промышленность: 0,2 млн долл. (рост в 3,6 раза к 2018 г.), в том числе:

№ п/п	Товарная позиция (ТН ВЭД ЕАЭС 6 знаков)	Экспорт Москвы в Гану (тыс. долл.) 2019 г.	Динамика (в процентах), 2019 к 2018 г.	Доля товара в ННЭ Москвы в Гану по отрасли (в процентах), 2019 г.
1.	320611-Красители с более 80 % диоксида титана	199	Рост в 3,8 раза	92,2
2.	310540-Моноаммоний- фосфат	17	Н/Э⁴	7,8
ИТОГО:		215	Рост в 3,6 раза	100,0

3. Металлообрабатывающая и ювелирная промышленность: 38,0 тыс. долл. (рост в 14,3 раза к 2018 г.), в том числе:

¹ По данным Федеральной таможенной службы на октябрь 2020 г.

² Прирост к 2018 г.

³ Анализ экспорта проводился на основании данных ФТС по субпозициям классификатора ТН ВЭД ЕАЭС (6 знаков ТН ВЭД ЕАЭС).

⁴ Здесь и далее Н/Э – товарная позиция «не экспортировалась» в 2018 г.

№ п/п	Товарная позиция (ТН ВЭД ЕАЭС 6 знаков)	Экспорт Москвы в Гану (тыс. долл.) 2019 г.	Динамика (в процентах), 2019 к 2018 г.	Доля товара в ННЭ Москвы в Гану по отрасли (в процентах), 2019 г.
1.	732690-Прочие изделия из черных металлов	20	Н/Э	53,7
2.	732599-Прочие литые изделия из черных металлов	15	Н/Э	39,0
3.	750890-Прочие изделия из никеля	2	Н/Э	4,7
4.	820719-Буровой инструмент не из металлокерамики	1	Н/Э	2,6
ИТОГО:		38	Рост в 14,3 раза	100,0

4. Электроника и электротехника: 33,1 тыс. долл. (+8,1 % к 2018 г.), в том числе:

№ п/п	Товарная позиция (ТН ВЭД ЕАЭС 6 знаков)	Экспорт Москвы в Гану (тыс. долл.) 2019 г.	Динамика (в процентах), 2019 к 2018 г.	Доля товара в ННЭ Москвы в Гану по отрасли (в процентах), 2019 г.
1.	903010-Аппаратура для измерения излучения	22	Н/Э	67,1
2.	850431-Трансформаторы не с жидким диэлектриком до 1 кВА	8	Н/Э	24,1
3.	853690-Прочая низковольтная электрораспределительная аппаратура	3	Н/Э	8,9
ИТОГО:		33	+8,1	100,0

5. Транспортные средства и комплектующие: 32,2 тыс. долл. (-71,9 % к 2018 г.), в том числе:

№ п/п	Товарная позиция (ТН ВЭД ЕАЭС 6 знаков)	Экспорт Москвы в Гану (тыс. долл.) 2019 г.	Динамика (в процентах), 2019 к 2018 г.	Доля товара в ННЭ Москвы в Гану по отрасли (в процентах), 2019 г.
1	2	3	4	5
1.	401110-Шины для легковых автомобилей	23	Н/Э	70,1

Окончание

1	2	3	4	5
2.	848330-Корпуса подшипников, подшипники скольжения для валов	10	Н/Э	29,9
ИТОГО:		32	-71,9	100,0

Анализируя показатели двусторонней торговли России и Конго, отметим следующие основные моменты.

Республика Конго по итогам 2019 г. занимает 127 место по объему совокупного экспорта (доля Конго в экспорте Москвы – 0,003 %) и 110 место по объему ННЭ из Москвы (доля Конго в ННЭ Москвы – 0,02 %). Москва по итогам 2019 г. занимает 3 место среди субъектов РФ по объему совокупного экспорта (в 2018 г. – 4,9 млн долл., –3,8 %) и 3 место по объему ННЭ (4,9 млн долл., +1,6 %) в Конго (после Краснодарского края и Калининградской области).

Доля Москвы в РФ по ННЭ в Конго составила 17,8 % по итогам 2019 г.

Наиболее популярными отраслями экспорта из Москвы в Конго в 2019 г. стали:

1. Продукция сельского хозяйства: 4,9 млн долл. (+46,9 % к 2018 г.), в том числе:

№ п/п	Товарная позиция (ТН ВЭД ЕАЭС 6 знаков)	Экспорт Москвы в Конго (тыс. долл.) 2019 г.	Динамика (в процентах), 2019 к 2018 г.	Доля товара в ННЭ Москвы в Конго по отрасли (в процентах), 2019 г.
1.	100199-Мягкая пшеница не семенная	4879	+46,9	100,0
ИТОГО:		4879	+46,9	100,0

2. Неметаллические материалы и изделия: 13 тыс. долл. (+155,3 % к 2018 г.), в том числе:

№ п/п	Товарная позиция (ТН ВЭД ЕАЭС 6 знаков)	Экспорт Москвы в Конго (тыс. долл.) 2019 г.	Динамика (в процентах), 2019 к 2018 г.	Доля товара в ННЭ Москвы в Конго по отрасли (в процентах), 2019 г.
1.	392690-Прочие изделия из пластмасс	12	Рост в 7,5 раза	92,1
2.	401693-Резиновые уплотнители	1	-70,6	7,9
ИТОГО:		13	+155,3	100,0

3. Товары широкого потребления: 1 тыс. долл. (-46,5 % к 2018 г.), в том числе:

№ п/п	Товарная позиция (ТН ВЭД ЕАЭС 6 знаков)	Экспорт Москвы в Конго (тыс. долл.) 2019 г.	Динамика (в процентах), 2019 к 2018 г.	Доля товара в ННЭ Москвы в Конго по отрасли (в процентах), 2019 г.
1.	490290-Газеты и журналы, кроме ежедневных	1	-14,5	100,0
ИТОГО:		1	-46,5	100,0

В отношении Нигерии и ее торговой деятельности с Россией приведем следующие факты.

Нигерия по итогам 2019 г. занимает 65 место по объему совокупного экспорта (доля Нигерии в экспорте Москвы – 0,1 %) и 31 место по объему ННЭ из Москвы (доля Нигерии в ННЭ Москвы – 0,4 %).

Москва по итогам 2019 г. занимает 1 место среди субъектов РФ по объему совокупного экспорта (в 2018 г. – 134,1 млн долл., -64,2 %) и 1 место по объему ННЭ (132,0 млн долл., -45,4 %) в Нигерию.

Доля Москвы в РФ по ННЭ в Нигерию составила 41,7 % по итогам 2019 г. (рис. 1).

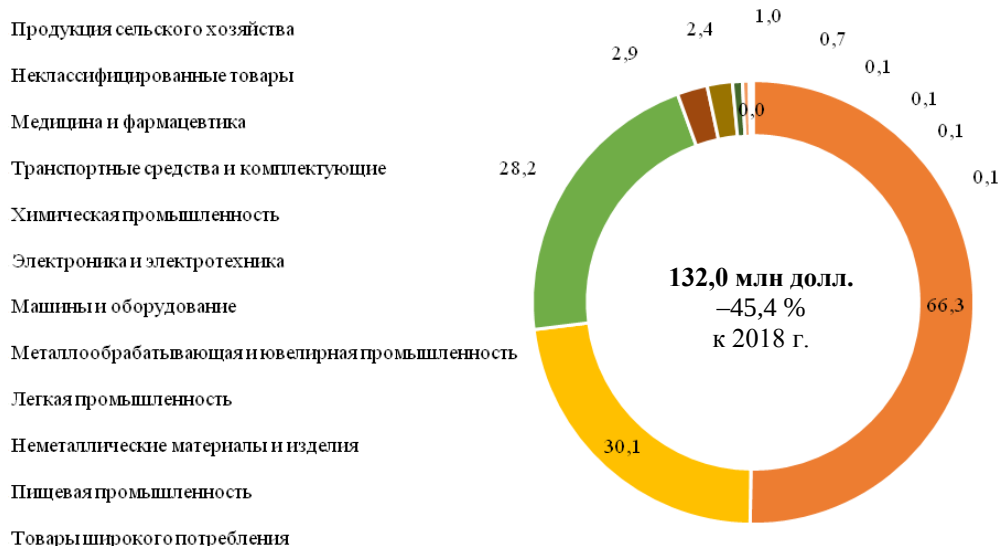

Рис. 1. Структура несырьевого неэнергетического экспорта из Москвы в Нигерию в 2019 г., млн долл.

Среди наиболее востребованных статей экспорта можно отметить продукцию сельского хозяйства (гречиха, пшеница), медикаменты (прежде всего вакцины и оборудование для рентгена), транспортные средства и комплектующие, а также продукцию химической промышленности. При этом интересно отметить товарную номенклатуру товаров из России (Москвы), которые ранее не присутствовали в российско-нигерийском экспорте (табл. 1).

Таким образом, место Африки в мировой экономике характеризуется значительными диспропорциями, связанными с обеспеченностью факторами

производства, возможностями для их вовлечения в экономический оборот и масштабами установленных экономических связей.

Таблица 1
Новые товары московского экспорта в Нигерию в 2019 г.

№ п/п	Товарная позиция (6 знаков ТН ВЭД ЕАЭС – расшифровка)	Отрасль	Экспорт Москвы в Нигерию (тыс. долл.) 2019 г.	Доля товара в экспорте Москвы в Нигерию по соответствующей отрасли (в процентах), 2019 г.
1.	841122-Турбовинтовые двигатели от 1100 кВт	Транспортные средства и комплектующие	1950	66,8
2.	848340-Зубчатые и винтовые передачи, коробки передач	Транспортные средства и комплектующие	523	17,9
3.	852691-Радио- навигационная аппаратура	Электроника и электротехника	329	34,4
4.	901420-Приборы аэронавигации	Транспортные средства и комплектующие	154	5,3
5.	940540-Прочее электрическое осветительное оборудование	Электроника и электротехника	118	12,3
6.	940110-Сиденья для авиатехники	Транспортные средства и комплектующие	103	3,5
7.	591190-Прочий текстиль технического назначения	Легкая промышленность	74	86,7
8.	841480-Прочие воздушные насосы	Машины и оборудование	73	11,2
9.	870899-Прочие автозапчасти	Транспортные средства и комплектующие	72	2,5
10.	853710-Низковольтные электрораспределительные устройства в сборках	Электроника и электротехника	56	5,8

Пандемия неумолимо толкает регион к первой за 25 лет рецессии, и в 2020 г., согласно недавнему исследованию Всемирного банка, в странах Африки к югу от Сахары реальный ВВП на душу населения сократился на 6,5 % и только к концу 2021 г. он, вероятно, вернется к показателям 2007 г.

Рост реального ВВП стран Африки к югу от Сахары в 2021 г., по самому благоприятному прогнозу, достигнет 2,1 % (что на 0,3 % ниже показателей

2019 г.) и 3,2 % в 2022 г. Согласно негативному сценарию ВВП региона увеличится всего на 1,2 % в 2021 г. и на 2,1 % в 2022 г.

В разгар пандемии 25 % фирм в странах Африки к югу от Сахары ускорили использование цифровых технологий и увеличили уровень инвестиций в цифровые решения в ответ на COVID-19.

По оценкам Всемирной торговой организации, во 2 квартале 2020 г. объем мировой торговли сократился на 18,5 % в годовом исчислении. В ответ на разрушение глобальных торговых цепочек государства Африки существенно нарастили уровень региональной торговли, во многих случаях увеличив максимальные торговые показатели предыдущих лет (в основном в Восточной Африке).

Выводы

Таким образом, на сегодняшний день нельзя не признать определенные конкурентные преимущества Африканского региона в международных экономических отношениях (несмотря на сырьевую направленность, наличие природных ресурсов). Обладая достаточным торговым, инвестиционным потенциалом, приоритет развития взаимоотношений России и Африки является актуальным. При этом России следует развивать отношения не только со странами континента, которые обладают богатой топливно-энергетической базой, но и с наименее развитыми странами, которым необходима поддержка. Целесообразно брать курс на социальное развитие стран Африканского региона, осуществлять поддержку в развитии образовательного и медицинского секторов, т.е. создать уклон на социальную ориентированность.

Список литературы

1. Васильев А. М. Африка и вызовы XXI века. М. : Восточная литература, 2018. С. 374.
2. Корендясов Е. Н. Российско-африканские отношения в контексте глобализации. Африка и мир в XXI веке. М. : Ин-т Африки РАН, 2018. С. 11–20.
3. Крюков Э. Взаимоотношения России и Африки: история, современность, перспективы // Информационное агентство «Красная Весна». URL: <https://rossaprimavera.ru/article/vzaimootnosheniyarossii-i-afriki-istoriya-sovremennost-perspektivy>
4. Чистякова Е. А., Соколова О. Ю., Захарова С. В., Скворцов А. О., Скворцова В. А. Перспективы сотрудничества Евразийского экономического союза и Африки // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. № 1. С. 187–194. doi:10.21685/2072-3016-2020-1-17

References

1. Vasil'ev A.M. *Afrika i vyzovy XXI veka = Africa and the challenges of the 21st century*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2018:374.
2. Korendyasov E.N. *Rossiysko-afrikanskije otnosheniya v kontekste globalizatsii. Afrika i mir v XXI veke = Russian-African relations in the context of globalization. Africa and the world in the 21st century*. Moscow: In-t Afriki RAN, 2018:11–20.
3. Kryukov E. Relations between Russia and Africa: history, modernity, prospects. *Informatsionnoe agentstvo «Krasnaya Vesna» = Information agency "Krasnaya Vesna"*. Available at: <https://rossaprimavera.ru/article/vzaimootnosheniyarossii-i-afriki-istoriya-sovremennost-perspektivy>
4. Chistyakova E.A., Sokolova O.Yu., Zakharova S.V., Skvortsov A.O., Skvortsova V.A. Prospects for cooperation between the Eurasian Economic Union and Africa. *Izvestiya*

vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences. 2020;1:187–194. doi:10.21685/2072-3016-2020-1-17

Информация об авторах / Information about the authors

Светлана Владимировна Захарова

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры мировой экономики
и экономической теории, Саратовский
государственный технический университет
имени Гагарина Ю. А. (Россия, г. Саратов,
ул. Политехническая, 77)

E-mail: fonar2005@yandex.ru

Svetlana V. Zakharova

Candidate of economic sciences, associate
professor, associate professor of the sub-
department of world economy and economic
theory, Yuri Gagarin State Technical
University of Saratov (77 Politekhnikeskaya
street, Saratov, Russia)

Ольга Юрьевна Соколова

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой мировой экономики
и экономической теории, Саратовский
государственный технический университет
имени Гагарина Ю. А. (Россия,
г. Саратов, ул. Политехническая, 77)

E-mail: oysokol03@rambler.ru

Ol'ga Yu. Sokolova

Doctor of economic sciences, professor,
head of the sub-department of world
economy and economic theory,
Yuri Gagarin State Technical University
of Saratov (77 Politekhnikeskaya street,
Saratov, Russia)

Наталья Львовна Власова

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры мировой экономики
и экономической теории, Саратовский
государственный технический университет
имени Гагарина Ю. А. (Россия,
г. Саратов, ул. Политехническая, 77)

E-mail: nathalie888@inbox.ru

Nataliya L. Vlasova

Candidate of economic sciences, associate
professor, associate professor of the sub-
department of world economy and economic
theory, Yuri Gagarin State Technical
University of Saratov (77 Politekhnikeskaya
street, Saratov, Russia)

Валентина Алексеевна Скворцова

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономической
теории и международных отношений,
Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: va_skvortsova@mail.ru

Valentina A. Skvortsova

Doctor of economic sciences, professor,
professor of the sub-department
of economic theory and international
relations, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Алексей Олегович Скворцов

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономической теории
и международных отношений, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: v_skv@bk.ru

Aleksey O. Skvortsov

Candidate of economic sciences, associate
professor, associate professor of the sub-
department of economic theory and
international relations, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Поступила в редакцию / Received 20.11.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.12.2020

Принята к публикации / Accepted 26.12.2020

УДК 339

doi:10.21685/2072-3016-2021-1-10

Применение инновационных технологий в сельском хозяйстве стран БРИКС

О. В. Сальникова¹, Л. В. Рожкова²^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия¹sova_newm@mail.ru, ²mamaeva_lv@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Созданию БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) послужили мировые тенденции современности, связанные с интеграцией мировой экономики. Страны БРИКС являются крупнейшими производителями продукции в области сельского хозяйства, а происходящие сегодня процессы внедрения инноваций и инновационных технологий в различные сферы, в том числе и в сельское хозяйство и агропромышленный комплекс (АПК), способствуют росту их конкурентоспособности. Цель исследования состоит в анализе особенностей использования инновационных технологий в сельском хозяйстве стран БРИКС. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе изучения данных статистики по показателям АПК стран БРИКС, сравнительного анализа используемых инновационных технологий стран БРИКС в сельском хозяйстве. Методология исследования базируется на системном подходе. *Результаты.* Проведен анализ современного состояния сельского хозяйства в странах БРИКС, применительно к странам-участницам БРИКС рассмотрены различные инновационные технологии, позволяющие им перейти к высокотехнологичному инновационному сельскому хозяйству. *Выводы.* Доля сельского хозяйства в ВВП стран БРИКС достаточно высока. Повышение конкурентоспособности сельского хозяйства и агропромышленного комплекса БРИКС на мировом агропродовольственном рынке требует перехода к высокотехнологичному инновационному сельскому хозяйству. Инновации и технологии агропромышленного комплекса в этих странах развиваются достаточно эффективно. Широко используются беспилотные летательные аппараты в сельскохозяйственных целях и развиваются онлайн-платформы для торговли сельскохозяйственной продукцией. Сегодня активно идет процесс взаимодействия стран БРИКС в инновационной и технологической областях, а правительства этих стран оказывают поддержку в области развития инноваций и обеспечивают полноценное функционирование АПК.

Ключевые слова: сельскохозяйственный сектор экономики, инновационные технологии, стартап, страны БРИКС

Для цитирования: Сальникова О. В., Рожкова Л. В. Применение инновационных технологий в сельском хозяйстве стран БРИКС // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 1. С. 115–126. doi:10.21685/2072-3016-2021-1-10

Innovative technologies application in agriculture of the BRICS countries

O.V. Salnikova¹, L.V. Rozhkova²^{1,2}Penza State University, Penza, Russia¹sova_newm@mail.ru, ²mamaeva_lv@mail.ru

Abstract. *Background.* Today world tendencies associated with integration in the world economy served to create the BRICS (Brazil, Russia, India, China, South Africa).

© Сальникова О. В., Рожкова Л. В., 2021. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

The BRICS countries are the largest producers of agricultural products, and ongoing processes of introducing innovations and innovative technologies in various areas, including agriculture and agro-industrial complex, contribute to their competitiveness growth. The purpose of the research is to analyze features of innovative technologies use in agriculture of the BRICS countries. *Materials and methods.* Implementation of research tasks was achieved on the statistical data study on indicators of agro-industrial complex of the BRICS countries, on comparative analysis of innovative technologies used by the BRICS countries in agriculture. The research methodology is based on systematic approach. *Results.* Current state analysis of agriculture in the BRICS countries is carried out; various innovative technologies that allow to switch to high-tech innovative agriculture are considered in relation to the BRICS countries. *Conclusions.* The share of agriculture in GDP of the BRICS countries is quite high. Increasing a competitiveness of agriculture and the BRICS agro-industrial complex in the global agri-food market requires a transition to high-tech innovative agriculture. Innovations and technologies of agro-industrial complex in these countries are developing quite effectively. Unmanned aerial vehicles are widely used for agricultural purposes and online platforms for trading agricultural products are evolving. Today, interaction process of the BRICS countries in innovation and technological fields is actively underway, and the governments of these countries provide support in development of innovations and ensure full functioning of agro-industrial complex.

Keywords: agricultural sector, innovative technologies, start up, BRICS countries

For citation: Salnikova O.V., Rozhkova L.V. Innovative technologies application in agriculture of the BRICS countries. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2021;1:115–126. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-1-10

В области сельского хозяйства БРИКС ставит перед собой такие задачи, как устойчивость сельского хозяйства к изменяющимся климатическим условиям, влияние сельского хозяйства на развитие, в том числе борьба с протекционизмом в международной торговле сельскохозяйственной продукцией. Основными решениями БРИКС в этой сфере являются создание Системы обмена базовой сельскохозяйственной информацией (2015), согласование позиций по созданию Платформы сельскохозяйственных исследований БРИКС (2016), принятие Плана действий в области сельского хозяйства на 2017–2020 гг. (2017).

При этом инновационная деятельность является важнейшим фактором повышения конкурентоспособности сельского хозяйства и АПК в целом на мировом агропродовольственном рынке, увеличения ВВП страны и развития национального производства. И доля сельского хозяйства в ВВП стран БРИКС достаточно высока (рис. 1), особенно в Индии, Китае и Бразилии, поэтому развитие инноваций в сельском хозяйстве будет способствовать экономическому развитию стран.

На долю стран объединения приходится около 30 % мировой территории, в этих странах проживает более 43 % населения земного шара, что позволяет говорить о потенциально самом большом по емкости рынке продовольствия. А среди стран-участниц БРИКС сельскохозяйственные угодья ЮАР занимают почти 80 % от всей площади земли. В Индии и Китае доля сельскохозяйственных угодий находятся примерно на одном уровне. Несмотря на то что Россия является самой большой страной в мире, большая часть ее территорий находится в районах, непригодных для сельского хозяйства, поэтому сельхозугодья России составляют всего 13,2 %. Изменения сельскохозяйственных угодий среди стран БРИКС за последние несколько лет представлены в рис. 2.

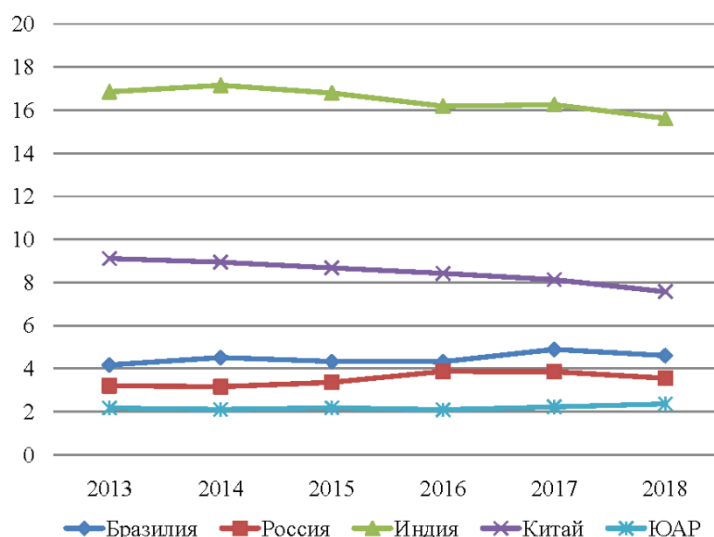

Рис. 1. Доля сельского хозяйства в ВВП стран БРИКС в 2013–2018 гг., в процентах [1]

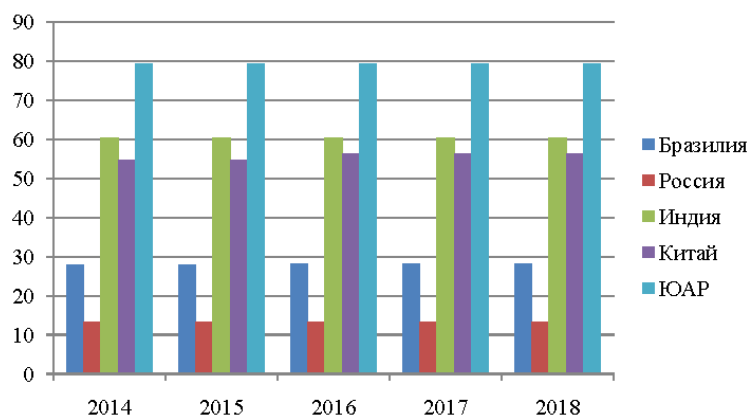

Рис. 2. Изменение сельскохозяйственных угодий среди стран БРИКС за 2014–2018 гг., в процентах от площади земли [2]

Лидером по числу занятых в сельском хозяйстве в 2018 г. стала Индия как среди мужчин, так и среди женщин. Россия и ЮАР занимают нижние строчки рейтинга, данные которого не превышают и 10 % (рис. 3).

Таким образом, рассмотренная статистика говорит о том, что показатели АПК стран БРИКС различны. Пятерка стран входит в двадчатку крупнейших мировых экспортеров, но они не являются конкурентами в большинстве экспортных товаров. Поэтому данный сектор является ключевым для всех стран-участниц.

26 сентября 2019 г. в Бонито (Бразилия) состоялась встреча министров сельского хозяйства стран БРИКС, на которой обсуждались стартап-компании агропромышленного комплекса. Они сообщили, что ищут новые решения для роста производства, необходимого в ближайшие годы. Они договорились о сотрудничестве в целях увеличения числа начинающих компаний

в аграрном секторе. Поэтому они заинтересованы в координации усилий по организации выставок, конференций, круглых столов и миссий с целью установления партнерских отношений, реализации проектов, информирования партнеров об имеющихся бизнес-возможностях для предприятий агропромышленного комплекса. Страны БРИКС разделяют обязательства, взятые на себя министрами торговли в «110 схемах содействия инвестированию в странах БРИКС», принятых в ходе председательства Китая в 2017 г., в которых страны БРИКС признают, что содействие инвестированию способствует инклюзивному росту и устойчивому развитию. Они считают, что повышение прозрачности регулирования, ускорение процедур и развитие сотрудничества на основе взаимопонимания будут способствовать формированию деловой среды, благоприятной для стартапов агропромышленного комплекса [3].

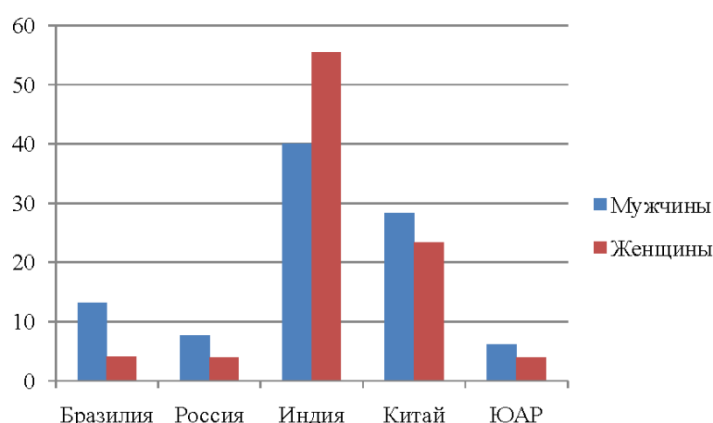

Рис. 3. Занятость в сельском хозяйстве среди мужчин и женщин в 2018 г., в процентах [4]

Общая цель для стран БРИКС состоит в том, чтобы перейти к высокотехнологичному инновационному сельскому хозяйству, и в настоящее время страны БРИКС используют различные инновационные технологии, обобщенные в табл. 1.

Таблица 1
Инновационные технологии в сельском хозяйстве стран БРИКС

Инновационная технология	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР
Беспилотные летательные аппараты	+	+	+	–	+
Новейшее программное обеспечение и базы данных	+	+	+	–	+
Онлайн-платформы для торговли сельскохозяйственной продукцией	+	+	+	+	–
Спутники и GPS	–	+	+	–	+
Искусственный интеллект для повышения урожайности	–	–	+	+	–
Генетика и селекция	–	+	–	+	–
Ветряная и солнечная энергия	–	–	–	–	+

Технологии являются ключевым фактором роста стоимости сельского хозяйства в Бразилии за последние несколько десятилетий. Инновации в сельскохозяйственном секторе Бразилии выиграли от проведения благоприятной политики, ориентированной на крупномасштабные агропредприятия. Политика, обеспечивавшая готовность к финансированию сельского хозяйства, позволяла закупать машины и оборудование, необходимые для расширения обрабатываемых площадей и открытия новых зон для ведения сельского хозяйства. В то же время политика, гарантировавшая минимальные цены на ведущие сырьевые товары, снизила риск, которому подвергаются коммерческие производители. Однако, несмотря на впечатляющие достижения, узкие места в сфере инноваций сохраняются, и, если эти узкие места удастся преодолеть, можно добиться дальнейших успехов. Улучшение инфраструктуры, решение вопросов, связанных с санитарными нормами, обращение большего внимания на распределение земли и оформление прав собственности на землю, а также инвестирование в сильную пропаганду сельскохозяйственных знаний – особенно в том, что касается мелких землевладельцев – имеют потенциал для дальнейшего роста производительности труда более крупного сельскохозяйственного предприятия. Однако по сравнению с другими странами ОЭСР Бразилия расходует относительно небольшую долю инвестиций в сельскохозяйственные общественные блага и услуги на инновации в сельском хозяйстве. Даже несмотря на явное лидерство Бразилии в области НИОКР в сельском хозяйстве, главным образом благодаря ее инвестициям в *Embrapa* государственные расходы на инновации в сельском хозяйстве в Бразилии в настоящее время составляют лишь 7,6 % от общего объема поддержки сельского хозяйства в стране, и эта доля продолжает снижаться. Кроме того, государственные расходы на инновации в сельском хозяйстве составляют 40 % от общих расходов на общественные блага и услуги в сельском хозяйстве, в то время как в других странах ОЭСР эта доля колеблется от 60 до 90 % [5].

Одним из наиболее знаковых примеров сельскохозяйственных инноваций последних лет является рост использования беспилотных летательных аппаратов в сельскохозяйственных целях. Сельское хозяйство приносит половину доходов бразильской индустрии беспилотных летательных аппаратов. В настоящее время беспилотные летательные аппараты используются для нескольких видов деятельности на ферме, таких как распыление, картирование полей или даже подсчет поголовья скота. Лесной сектор также использует их для расчета показателей успешности посадки и прогнозирования будущих объемов урожая. Кроме того, правительство штата Рио-де-Жанейро провело первые испытания по их использованию в 2019 г. для мониторинга незаконных лесозаготовок в зонах, контролируемых организованной преступностью. Они также станут союзником штата в борьбе с вырубкой лесов в регионе Амазонки. Эта беспилотная отрасль готовится к существованию наряду с традиционными опрыскивателями и самолетами. Они станут альтернативой для обработки зон с крутым уклоном, участков вокруг электрических кабелей или больших деревьев, которые предотвращают пролеты, или на слишком влажной земле. Вскоре они заменят сельскохозяйственных рабочих, подвергающихся воздействию химических средств защиты растений, что является еще одной ключевой проблемой для бразильских потребителей.

Однако беспилотники – не единственный пример сельскохозяйственных инноваций в Бразилии. Новое поколение также решило заменить файлы *Excel* программным обеспечением для управления и принятия решений. Одна из наиболее часто используемых программ, опубликованная стартапом *Aegro*, на сегодняшний день охватывает 800 тыс. га и управляет как командами, так и запасами. Для адаптации к отсутствию сетевого покрытия в сельской местности необходимы офлайн-решения [6].

Новое поколение современных фермеров также пытается заключить новую сделку по продаже сельскохозяйственной продукции. Для этого несколько платформ розничной торговли помогают уменьшить изоляцию производителей в стране в масштабах Бразилии. Географическое расстояние между производителями и отраслями промышленности действительно создало невысокую зависимость от дистрибьюторов, которые предлагают ограниченное количество решений.

Что касается России, то в последние годы российский сельскохозяйственный сектор пережил значительный рост и стал лидером российского экспорта, а также сыграл огромную роль в импортозамещении, так как крупные российские агропромышленные предприятия стали двигателем внедрения современных цифровых технологий в практику ведения сельского хозяйства.

Рынок телекоммуникаций динамичен, операторы предлагают инновационные технологии и услуги. Несмотря на размеры территории, телекоммуникационные услуги доступны большинству населения по относительно низким ценам. По данным отчета Росстата за 2017 г., 63 % крупных агропромышленных предприятий, 42 % малых фермерских хозяйств и 16 % индивидуальных хозяйств подключены к сети Интернет. По показателю «Ключевые заинтересованные стороны» в РФ разработали концепцию научно-технического развития «цифрового» сельского хозяйства в 2018 г., которая содержит видение национальной стратегии в области электронного сельского хозяйства. Новые цифровые технологии уже распространяются в российском сельском хозяйстве, но главным образом на уровне крупных коммерческих агропромышленных предприятий, имеющих крупные земельные и животноводческие угодья, подкрепленные финансовыми ресурсами и управленческими ноу-хау, а также использующие спутники, переменные темпы применения вводимых ресурсов и гиперлокальную информацию о погоде [7].

Использование передовых электронных услуг позволяет фермерам планировать и отслеживать использование сельскохозяйственного оборудования, находить покупателей и продавцов для своей продукции, удаленно выявлять вредителей и болезни и принимать оперативные меры реагирования. Национальная база данных по почвам находится на экспериментальной стадии разработки. Она совместима с аналогичными базами данных ЕС, США, ФАО и Всемирной справочной базой данных по почвенным ресурсам. Применяются также прикладные программы для улучшения прослеживаемости мясных продуктов и упорядочения платежей и других финансовых операций. В связи с недостаточными темпами цифрового перехода в российском сельском хозяйстве в 2018 г. началась разработка проекта «Цифровое сельское хозяйство». Его цели амбициозны и включают увеличение экспорта сельскохозяйственной продукции с 20 млрд долл. в 2018 г. до 45 млрд долл. к 2024 г. Внедряются платформы – «Земля знаний» предоставляет базы

данных наряду с образовательными услугами и услугами по мониторингу урожая. Проект направлен на мобилизацию всех ключевых игроков цифровой сельскохозяйственной экосистемы с целью ускорения перехода сектора на цифровые технологии путем обеспечения стационарной и мобильной широкополосной связи, улучшения сбора, хранения, управления и анализа данных, внедрения цифровых платформ в секторе, запуска инновационных механизмов финансирования и использования последних достижений в области искусственного интеллекта [7].

В России развитие отечественных цифровых технологий в области управления данными и операциями в сельском хозяйстве пока находится на начальной стадии. Технологии, обслуживающие агрохолдинги в средних хозяйствах, по целому ряду причин остаются основным видом агротехнологий на рынке. Такие технологии варьируются от современных устройств, фиксирующих данные в реальном времени с помощью технологии Глобальной системы позиционирования (GPS), спутников и датчиков для оптимального управления фермерскими хозяйствами до беспилотных летательных аппаратов для автоматизации. Для малых и средних фермерских хозяйств достижение одной и той же цели – повышение производительности при более высокой эффективности – требует специальных подходов, а также может потребовать целенаправленной поддержки со стороны общественности. Ряд домо-рошенных инноваций уже приносит первые результаты на рынке, хотя они в основном обслуживают средние и крупные хозяйства (1000 га и более), а не мелкие фермы.

В российском агропромышленном комплексе сравнительно созрела разработка беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) для мониторинга качества посевов и почвы. Ряд продуктов и услуг прошли пилотирование и переходят к массовой коммерциализации. *AgroDroneGroup* и *GeoScan* используют беспилотные летательные аппараты, оснащенные камерами, для проведения аэрофотосъемки. В ходе этих съемок можно получить, в частности, ортофотоснимки (аэрофотоснимки, которые были изменены в геометрической прогрессии для получения единообразного масштаба), данные для составления карт нормализованного индекса различий растительного покрова (*NDVI*), моментальные снимки состояния посевов и уровней прорастания, а также информацию о водной эрозии [8].

Стартапы и технологические фирмы пытаются также проникнуть в сельскохозяйственный ландшафт Индии, используя новые бизнес-модели. Эти фирмы обращаются к правительствам, страховщикам, банкам, сельскохозяйственным кооперативам, агентствам по развитию и даже программам корпоративной социальной ответственности для создания жизнеспособного бизнеса и оказания помощи фермерам [9].

Для роста сельского хозяйства важно определить факторы, которые могут способствовать повышению урожайности и месту сбора урожая. С помощью инструментов искусственного интеллекта (ИИ), входящих в пространство новых технологий в сельском хозяйстве, становится возможным найти решения, основанные на данных, которые указывают на погодные условия, тип урожая, который будет необходим, тип почвы, наиболее подходящий для выращивания, и т.д.

Еще одним фактором, который может способствовать развитию сельскохозяйственного сектора, является интеграция смартфонов. Когда смартфоны стали обычным товаром для индийцев, глубокое проникновение цифровизации ощущалось по всей стране. По мере того, как все больше и больше видов деятельности переходило на смартфоны, новая технология повышала потенциал мобильных приложений и для сельскохозяйственных целей.

Правительство в основном сосредоточило внимание на поддержке использования технологий в сельском хозяйстве с помощью электронного торгового портала по сельскохозяйственным товарам *E-Nam* (Национальный рынок сельскохозяйственной продукции). Некоторые штаты выступили с отдельными инициативами, приносящими пользу фермерам. Например, в Пенджабе был создан «Пенджабский центр дистанционного зондирования» (ПЦДЗ), который информирует фермеров о сжигании растительных остатков и измерении качества воздуха. В рамках этого центра имеется три приложения – “*i-KhetMachine*”, “*e-PeHal*” и “*e-Prevent*” [9].

Для точного, или «умного», земледелия беспилотники приносят эффективность с точной информацией, уменьшая неопределенность при принятии решений. Используя правильные датчики, беспилотники могут предоставлять фермерам в режиме реального времени информацию об урожаях, ухудшении состояния почвы, засушливых регионах, грибковых инфекциях и т.д. Эта информация может быть передана фермерам в читабельном формате, чтобы они могли определить, какой район нуждается в орошении и более совершенных технологиях. В дополнение к этому для опрыскивания можно использовать беспилотные летательные аппараты. В Индии беспилотники используются на полях кукурузы в штате Андхра-Прадеш [9].

Кроме того, с помощью аналитики “*Big data*” можно повысить эффективность трудоемкого процесса ведения земельного учета, поэтому такой тип аналитики имеет большой потенциал для использования производителями сельхозпродукции.

Решается вопрос предоставления информации в режиме реального времени. Это поможет фермерам сразу же определить, работают ли их технологии, правильны ли вводимые факторы производства и к чему они должны готовиться в случае изменения погодных условий. Когда они смогут получить ценную информацию, они смогут принимать лучшие и более точные решения.

Правительственные схемы, такие как *Pradhan Mantri Fasal Bima Yojana (PMFBY)*, будут приветствовать технологию искусственного интеллекта, чтобы сократить время, затрачиваемое фермерами на урегулирование претензий. Правительство также подписало меморандум о взаимопонимании с компанией *IBM* для мониторинга сельскохозяйственного сектора с помощью искусственного интеллекта.

Крупные инвестиции Китая в сельскохозяйственные технологии позволяют обеспечить предложение и инфраструктуру для удовлетворения этого спроса. Разработанные технологии представляют интерес для развивающихся стран всего мира. Слияние сельского хозяйства и технологий имеет большое значение, и Китай делает все возможное, чтобы стать лидером.

Использование искусственного интеллекта является одним из способов упорядочения деятельности фермеров, повышения эффективности

и обеспечения устойчивости. В начале этого года Алибаба объявил о запуске *ET AgriculturalBrain*. Это приложение, поддерживаемое огромной инфраструктурой облачных вычислений *Alibaba*, может производить цифровые записи урожайности и регулировать производственные циклы. Это помогло автоматизировать сельскохозяйственный процесс за счет сокращения административного времени и повышения качества и производительности сельскохозяйственных проектов [10].

Целью многих из этих инициатив является снижение затрат на массовое производство, и в настоящее время достигается прогресс в области инноваций для обеспечения продовольственной безопасности страны и предоставления фермерам большей экономической свободы. Снижение потолка увеличивает прибыль, а с продвижением массового производства и сотрудничеством в других областях эта цель становится реальностью.

Согласно докладу, опубликованному Китайской академией сельскохозяйственных наук, ключевые технологии используются в селекции высококачественных сортов сельскохозяйственных культур, обработке продуктов питания, автоматизированных транспортных средствах, эффективном использовании воды, борьбе с загрязнением окружающей среды, переработке отходов, экологическом восстановлении и защите окружающей среды [10].

По мере роста численности населения мира возникают трудности в производстве большего количества продукции растениеводства, чтобы прокормить мир, так как наблюдается сокращение пахотных земель, нехватка воды и частые природные стихийные бедствия. Наука о сельскохозяйственных культурах приобретает все большее значение для решения этих проблем в условиях глобального потепления, а обеспечение продовольственной безопасности с помощью научно-технического прогресса стало целью всех стран мира. Устойчивое производство сельскохозяйственных культур и глобальная продовольственная безопасность зависят от инноваций во многих областях науки и технологии растениеводства, включая генетику, селекцию, агрономию, физиологию сельскохозяйственных культур, ресурсы зародышевой плазмы, химию зерна, хранение и переработку зерна, методы управления растениеводством, биотехнологию сельскохозяйственных культур и биоматематику [11].

Если говорить о Южной Африке, по мере того как она становится все более безопасной в современном мире, южноафриканские фермеры должны приспосабливаться к целому ряду новых проблем. Трудно представить себе более захватывающее время для участия в сельском хозяйстве Южной Африки: традиции необходимо уважать и развивать, но нельзя отрицать, что акцент сместился в сторону инновационных подходов, направленных на полное использование разнообразных ресурсов Южной Африки.

Хотя электроэнергия сама по себе не является передовой технологией, улучшенный доступ к дешевой, надежной и устойчивой электроэнергии с помощью ветряных и солнечных электростанций способен повысить эффективность сельского хозяйства и сократить потери продовольствия.

Ветряная и солнечная энергия является местной, и сельским фермерам легче получить к ней доступ, но прежде всего электроэнергия обеспечивает средства для использования новых способов выращивания, переработки и хранения сельскохозяйственных культур.

Подключение к Интернету позволяет фермерам получить доступ к информации, необходимой для повышения производительности. Это информация в режиме реального времени о спросе на рынке, а также точные прогнозы погоды и осадков для максимизации роста сельскохозяйственных культур и урожайности. Теперь фермеры могут использовать телефоны и другие портативные устройства для доступа к рынкам. Одним из примеров того, как это преобразует сельское хозяйство, является развитие «виртуальных» кооперативов для сбора урожая и установления более выгодных цен с поставщиками. Та же самая инфраструктура может быть использована для обеспечения финансирования сельского хозяйства на более выгодных условиях.

Приложения на базе GPS также способствуют точному земледелию. Эта технология цифрового картографирования помогает фермерам осматривать свои поля, анализировать почву, ориентироваться в тракторах, следить за выращиванием культур и собирать точные данные об урожайности. Современные системы GPS также позволяют продолжать работу в темноте и в плохую погоду [11].

Способность беспилотников и спутников собирать местную информацию с неба означает, что ГИС (географические информационные системы) также является мощным сельскохозяйственным инструментом. Например, локализованная информация позволяет экономить удобрения и собирать данные о климате и растительности, а также помогает в вопросах мониторинга запасов. Кроме того, такие органы, как Совет сельскохозяйственных исследований Южной Африки (ARC), содействующие искусственному осеменению и пересадке эмбрионов, разработали новые сорта персиковых, нектариновых и сливовых культур, внедрили новые кормовые культуры и многое другое.

Таким образом, на сегодняшний день инновации и технологии агропромышленного комплекса в странах БРИКС развиваются довольно эффективно. Инновационная деятельность является важнейшим фактором повышения конкурентоспособности сельского хозяйства стран БРИКС. Повышение производительности труда в аграрном секторе стран БРИКС является весьма актуальной задачей, для чего необходимо эффективное функционирование техники и инноваций. Это закрепит и улучшит положение стран БРИКС и поможет наиболее плотно закрепиться на международной арене. Одним из приоритетных направлений интеграции в аграрной сфере является взаимодействие и сотрудничество стран БРИКС в инновационной и технологической области. Правительства этих стран оказывают различную поддержку в области развития инноваций и обеспечивают полноценное функционирование данной отрасли АПК.

Список литературы

1. Доля сельского хозяйства в ВВП стран БРИКС. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.AGR.TOTL.ZS?end=2019> (дата обращения: 21.04.2020).
2. Изменение сельскохозяйственных угодий среди стран БРИКС. URL: <http://www.fao.org/faostat/ru/#data/EL> (дата обращения: 28.04.2020).
3. Саммиты и документы // Национальный комитет по исследованию БРИКС, Россия. URL: <http://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs> (дата обращения: 15.05.2020).
4. World Development Indicators: Employment by sector // The World Bank. URL: <http://wdi.worldbank.org/table/2.3> (дата обращения: 23.04.2020).

5. Agriculture Productivity Growth in Brazil Recent trends and future prospects // The World Bank. 2017. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/29437> (дата обращения: 20.05.2020).
6. Brazilian agricultural innovation. URL: <https://en.simaonline.com/SIMA/Latest-news/Brazilian-agricultural-innovation> (дата обращения: 20.05.2020).
7. Status of Digital Agriculture in 18 countries of Europe and Central Asia // Food and Agriculture Organization. 2020. URL: <http://www.fao.org/publications/card/ru/c/CA9578EN/> (дата обращения: 20.05.2020).
8. Unleashing the Power of Digital on Farms in Russia // The World Bank. 2018. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/russia/publication/unleashing-the-power-of-digital-on-farms-in-russia> (дата обращения: 20.05.2020).
9. Mendonca Jochelle. How young and innovative firms are breaking into India's agricultural landscape, using new business models to help farmers. 2019. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/small-biz/startups/news> (дата обращения: 20.05.2020).
10. Ralte Rachel. China sets its sights on agricultural technology // Biomin. 2018. URL: <https://www.thepigsite.com/news/2018/12/china-sets-its-sights-on-agricultural-technology> (дата обращения: 20.05.2020).
11. Xu Yunbi. Agriculture and crop science in China: Innovation and sustainability // The Crop Journal. 2017. Vol. 5, iss. 2. С. 95–99.

References

1. *Dolya sel'skogo khozyaystva v VVP stran BRIKS = The share of agriculture in the GDP of the BRICS countries*. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.AGR.TOTL.ZS?end=2019> (accessed 21.04.2020). (In Russ.)
2. *Izmenenie sel'skokhozyaystvennykh ugodiy sredi stran BRIKS = The change in agricultural land among the BRICS countries*. Available at: <http://www.fao.org/faostat/ru/#data/EL> (accessed 28.04.2020). (In Russ.)
3. Summits and documents. *Natsional'nyy komitet po issledovaniyu BRIKS, Rossiya = National Committee for BRICS Research, Russia*. Available at: <http://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs> (accessed 15.05.2020). (In Russ.)
4. World Development Indicators: Employment by sector. *The World Bank*. Available at: <http://wdi.worldbank.org/table/2.3> (accessed 23.04.2020).
5. Agriculture Productivity Growth in Brazil Recent trends and future prospects. *The World Bank*. 2017. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/29437> (accessed 20.05.2020).
6. *Brazilian agricultural innovation*. Available at: <https://en.simaonline.com/SIMA/Latest-news/Brazilian-agricultural-innovation> (accessed 20.05.2020).
7. Status of Digital Agriculture in 18 countries of Europe and Central Asia. *Food and Agriculture Organization*. 2020. Available at: <http://www.fao.org/publications/card/ru/c/CA9578EN/> (accessed 20.05.2020).
8. Unleashing the Power of Digital on Farms in Russia. *The World Bank*. 2018. Available at: <https://www.worldbank.org/en/country/russia/publication/unleashing-the-power-of-digital-on-farms-in-russia> (accessed 20.05.2020).
9. *Mendonca Jochelle. How young and innovative firms are breaking into India's agricultural landscape, using new business models to help farmers*. 2019. Available at: <https://economictimes.indiatimes.com/small-biz/startups/news> (accessed 20.05.2020).
10. Ralte Rachel. China sets its sights on agricultural technology. *Biomin*. 2018. Available at: <https://www.thepigsite.com/news/2018/12/china-sets-its-sights-on-agricultural-technology> (accessed 20.05.2020).
11. Xu Yunbi. Agriculture and crop science in China: Innovation and sustainability. *The Crop Journal*. 2017;5(2):95–99.

Информация об авторах / Information about the authors

Ольга Владимировна Сальникова

старший преподаватель, кафедра
экономической теории и международных
отношений, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: sova_newm@mail.ru

Olga V. Salnikova

Senior lecturer, sub-department of economic
theory and international relations, Penza
State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Лилия Валерьевна Рожкова

доктор социологических наук, доцент,
заведующий кафедрой экономической
теории и международных отношений,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: mamaeva_lv@mail.ru

Lilia V. Rozhkova

Doctor of sociological sciences, associate
professor, head of the sub-department of
economic theory and international relations,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Поступила в редакцию / Received 02.11.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.12.2020

Принята к публикации / Accepted 29.12.2020

УДК 33.338.2

doi:10.21685/2072-3016-2021-1-11

Государственная политика управления ресурсом знаний**Г. Б. Новосельцева¹, Н. С. Чернецова²**^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия¹Galina-NVS@rambler.ru, ²chernetsovans@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* На современном этапе перехода к новой экономике управление информационными потоками, процессами их формирования как важнейшей составляющей системообразующего ресурса выступает фундаментальной предпосылкой эффективности функционирования человеческого капитала и, как следствие, роста производительности труда и повышения конкурентоспособности экономики страны в мировом хозяйстве. Цель исследования – выявить закономерности и определить наиболее эффективные направления формирования государственной политики управления ресурсом знаний в РФ. *Материалы и методы.* Достижение целей исследования основано на анализе специфики формирования и функционирования ресурса знаний, социально-экономических проблем его производства, функции государства по управлению ресурсом знаний. Методологическую базу исследования составляют институционально-эволюционная концепция и системный подход. *Результаты.* В статье определены закономерности формирования знаний как свойства человеческого капитала и системообразующего ресурса информационно-инновационной экономики, проанализированы предпосылки и факторы развития четвертичного сектора производства в России, возможности государства в управлении данным сектором экономики. *Выводы.* Государство выступает единственным институтом современного общества, способным обеспечить создание базового сектора производства и распространения (потребления) как фундаментальных, так и прикладных знаний в социально-экономической системе. Функция государства по управлению ресурсом знаний основывается на новом уровне разделения труда. Сбалансированное развитие четвертичного производства в современной экономике невозможно без целенаправленной политики государства по управлению ресурсом знаний. Основными направлениями такой политики для РФ являются управление развитием образовательной системы как фундаментальным фактором формирования предложения и спроса на знания, а также регулирование развития сектора НИОКР посредством институциональной поддержки частного сегмента производства прикладных знаний и обеспечением развития государственного сегмента, в том числе через институты развития.

Ключевые слова: информация, знания, управление, ресурс, государственная политика

Для цитирования: Новосельцева Г. Б., Чернецова Н. С. Государственная политика управления ресурсом знаний // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 1. С. 127–138. doi:10.21685/2072-3016-2021-1-11

State policy of knowledge resource management

G.B. Novoseltseva¹, N.S. Chernetsova²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹Galina-NVS@rambler.ru, ²chernetsovans@mail.ru

Abstract. *Background.* At the present stage of transition the management of information flows, processes of their formation as a critical component of the strategic resource acts as a fundamental prerequisite of effective functioning of human capital and, as a consequence, productivity growth and competitiveness of the economy in the world economy. The purpose of the study is to identify patterns and determine the most effective ways to form the state policy of knowledge resource management in the Russian Federation. *Materials and methods.* The achievement of the research goals is based on the analysis of the specifics of the formation and functioning of the knowledge resource, socio-economic problems of its production, and the state's function in managing the knowledge resource. The research methodology is based on the institutional-evolutionary concept and a systematic approach. *Results.* The article defines the regularities of knowledge formation as a property of human capital and a system-forming resource of the information and innovation economy, analyzes the prerequisites and factors for the development of the Quaternary production sector in Russia, and the state's ability to manage this sector of the economy. *Conclusions.* The state is the only institution of modern society that can ensure the creation of a basic sector of production and distribution (consumption) of both fundamental and applied knowledge in the socio-economic system. The function of the state to manage the knowledge resource is based on a new level of division of labor. Balanced development of Quaternary production in the modern economy is impossible without a purposeful state policy on knowledge resource management. The main directions of this policy for the Russian Federation are management development of the educational system as a fundamental factor affecting the supply of and demand for knowledge, and the regulation of development of the R&D sector through institutional support private sector production of applied knowledge and development of the state segment, including through development institutions.

Keywords: information, knowledge, management, resource, public policy

For citation: Novoseltseva G.B., Chernetsova N.S. State policy of knowledge resource management. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2021;1:127–138. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-1-11

Переход экономики на информационную стадию как объективная мировая тенденция развития основывается на трансформации структуры факторов производства. Высокотехнологичный инновационный характер народного хозяйства обеспечивается интеллектуальным капиталом как базовым ресурсом производительных сил. Для формирования и функционирования такого ресурса требуется достижение определенного уровня науки, информации, знаний и их распространения в обществе через систему образования. Возможность дальнейшего успешного развития социально-экономических систем в условиях новой экономики зависит от эффективности системы организации производства и управления знаниями.

Поскольку объемы информации увеличиваются в геометрической прогрессии [1], а реальными знаниями становится только примерно 5 % ее хаотичного потока [2, 3], то очевидна необходимость повышения эффективности использования создаваемой информации. Поэтому процессы производства и

управления знаниями как информационными ресурсами в цифровом обществе представляют безусловный научный интерес.

Переход к информационно-инновационной экономике сопровождается бурным ростом всех сегментов рынка знаний: НИОКР, “know how”, программных продуктов, IT-технологий, обучающих программ и т.п., – которые функционируют как в сфере услуг, так и в сфере материальной продукции. На начало 2020 г. совокупная мировая аудитория пользователей Интернета составляла 4,5 млрд. В России Интернет использует 81 % населения [4]. Глобализация, воздействуя на рынки и на производство, усиливает интеграцию хозяйственной деятельности субъектов различного уровня, расширяет границы электронного бизнеса, где основные бизнес-процессы автоматизированы на базе информационных систем. Появились новые точки пересечения интересов крупного и малого бизнеса: аутсорсинг позволяет крупным компаниям передавать малоэффективные для них бизнес-процессы специализированным фирмам мелкого и среднего бизнеса [5]. С другой стороны, повышение прозрачности рынков вследствие глобализации снижает издержки выхода на рынок, обеспечивая возможности функционирования на нем и для малых форм бизнеса.

Информатизация ведет к сверхвысокой динамике бизнеса. Так, согласно исследованию авторитетного маркетингового агентства США Absolutnet, с 2014 по 2021 г. оборот электронного бизнеса увеличится на 246 % [6].

В то же время, наряду с расширением экономических возможностей, уже проявляются серьезные негативные последствия цифровизации хозяйственной жизни, вызванные углублением разрыва в уровне социально-экономического развития стран. Владение знаниями по производству высоких технологий обеспечивает таким государствам контроль не только над рынками, но и над всем миропорядком. Изучение возможностей государства в сфере четвертичного сектора производства – создания знаний – выступает формированием предпосылки не просто к преодолению российской экономикой кризиса, но и к выходу ее в авангард мирового хозяйства.

Отправными точками исследования выступает анализ специфики знаний как ресурса современной экономики, определение закономерностей производства этого ресурса, выяснение роли государства в воспроизводственном процессе четвертичного сектора.

В экономической теории категория «знания» выступает как в широком смысле – «данные, образы, символы, культура, идеология и ценности – ... главный ресурс экономики третьей волны» [7], так и в более узком значении – «научно-теоретические разработки, набор упорядоченных утверждений относительно фактов или идей, представляющий осмысленное суждение или результат эксперимента, передаваемый другим при помощи средств коммуникации в строго систематизированной форме» [8]. В обоих значениях знания, как и труд, не отделимы от человека и, следовательно, постоянно находятся под воздействием субъективного фактора.

Субъективный фактор всегда присутствовал в системе производительных сил. Каждый этап социально-экономического развития характеризовался определенной совокупностью человеческих свойств – знаний, опыта, квалификации. Все, включая простейшие, формы производства требуют определенных знаний. Организация производства, возможности его роста зависят

прежде всего от уровня имеющейся совокупности человеческих свойств и знаний. Производство выступает тем инструментом, через который научные знания могут влиять на экономическое развитие страны. Поэтому проявление потребности в знаниях в сфере производства товаров или услуг выступает безусловной предпосылкой развития знаний как ресурса.

В информационной экономике совершается качественное изменение в применении ресурса знаний. Происходит опредмечивание умственных и творческих функций человека, вследствие чего научные знания выступают одновременно и как основной предмет, и как главное средство труда. Структура производства формируется в зависимости от его наукоемкости, инновационного характера и, соответственно, спроса на знания. По критерию объема затрат на знания базовым сектором выступает сегмент производства и распространения новых знаний, включающий в себя институт фундаментальной науки, сферу образования, области НИОКР и разработок программного обеспечения. Следующий, первый уровень новой структуры производства образуют высокотехнологичные отрасли, такие как приборостроение, авиакосмическая, оборонная, электронная, фармацевтическая промышленность и т.п. Второй уровень производства составляют отрасли средней наукоемкости: химическая, совокупность подотраслей машиностроения, электротехнической, автомобильной промышленности. Третий уровень образуют высокотехнологичные услуги сфер телекоммуникации, бизнеса и финансов, инжиниринговых услуг, сферы НИОКР. Четвертый уровень формируют отрасли социальной сферы, предъявляющие особенно высокий спрос на знания: здравоохранение, профессиональное образование, культура, управление [9, с. 5].

При исследовании специфики знаний как ресурса прежде всего выделяют главную отличительную черту – его неисчерпаемость. Поскольку информация не исчезает в результате ее потребления, как физический объект, то и знания, будучи информационным продуктом, в процессе их использования сохраняют все свои полезные свойства. Более того, знания, включенные в процесс производства любого уровня, являются базой для формирования новых знаний. Техничко-технологические знания как разновидность ресурса имеют определенные особенности функционирования в производственном процессе. Они используются полностью в каждом производственном цикле, как любой переменный фактор, но могут применяться во множестве циклов, как это свойственно постоянному фактору. Срок их службы определяется моральным старением. Следовательно, затраты по созданию новых знаний можно рассматривать и как амортизацию использования знаний в производстве.

Вторая специфическая черта ресурса знаний – относительный характер редкости. В современной экономической системе существует целый ряд факторов, дифференцирующих доступность информации: уровень коммуникационной инфраструктуры, технико-технологическое обеспечение хозяйствующих единиц, общий образовательный уровень и др.

Третья особенность проистекает из характера знаний как общественного блага – их производство и потребление отражается в ВВП через социальные затраты, а не посредством рыночной цены [9, с. 10; 10].

Существенным отличием ресурса знаний является также то, что они могут утрачиваться, если не востребованы обществом в момент их создания,

а затем могут быть открыты заново. Процесс может повторяться неоднократно, пока не появятся предпосылки к использованию знаний, а значит к их включению в воспроизводственный процесс. К утрате знаний могут привести и другие причины. На современном этапе такой причиной может быть монополизация информации по закрытым прикладным разработкам в ряде специфических отраслей. В то же время на стадии перехода социально-экономических систем к информационной экономике появляются условия для формирования механизма уменьшения издержек системы на повторное производство знаний. В частности, одной из составляющих такого механизма является экспорт современных технологий и достижений научно-технического прогресса (НТП) в развивающиеся страны из стран экономического авангарда вместе с миграцией капитала и трудовых ресурсов в условиях глобализации. Это рыночные каналы снижения издержек. Но существуют и другие элементы механизма, работающие не только в рамках мировой экономики, но и в границах отдельного государства и имеющие преимущество над стихийными процессами – это инструменты государственного регулирования.

Государство располагает инструментами, способными обеспечить снижение издержек на повторное производство знаний. Их эффективное применение возможно по двум направлениям: в регулировании базового сектора экономики знаний и в управлении системой фиксации, аккумуляции и хранения всех новых знаний, в том числе и тех, спрос на которые еще не сформировался. Важными составными частями такой системы выступают патентный и лицензионный режимы. Однако для завершения формирования целостного механизма государственного управления знаниями необходимо осуществить новую специализацию труда для этого направления как на микро-, так и, что особенно важно, на макроуровне. Только институт государства способен осуществлять функцию целенаправленного создания базового сектора производства и распространения (потребления) фундаментальных, прикладных, общеобразовательных знаний в масштабах всей национальной социально-экономической системы. Общественная сфера или частный сектор способны фрагментарно и стихийно воздействовать на процесс производства знаний. Их активность также зависит от институтов, регулируемых государством: спонсорства, меценатства, специализированных фондов, образовательной и исследовательской инфраструктуры (научно-исследовательских институтов (НИИ), конструкторских бюро (КБ), спецлабораторий, научно-исследовательских секторов (НИС), системы профессионально-образовательных учреждений и т.п.).

Информационно-коммуникационная революция (ИКР), являющаяся ядром современного НТП, требует для своего осуществления достаточной образовательной базы общества. Основной предпосылкой производства новых знаний в информационной экономике выступает охват специализированным фундаментальным знанием значительной части общества, что позволит сформировать необходимый слой интеллектуально-научной элиты. Распространение фундаментальных знаний обеспечивается системой высшего образования, которая также создает и базу, обеспечивающую спрос на прикладные знания. Согласно данным мировой статистики наибольшая зависимость существует между темпами развития высшей школы и темпами экономически эффективной реализации новых знаний. Государственная политика стран

экономического авангарда, которые, кстати, исследовали в 60-е гг. XX в. истоки успехов СССР в космосе, медицине, авиатехнике и, соответственно, внесли коррективы в свои образовательные системы, смогли уже в конце XX в. поднять уровень функциональной грамотности рабочей силы до 80–95 % [11]. Показательно современное состояние расходов на образование в европейских странах. Возглавила первую пятерку в рейтинге 36 стран, составленном Skyeng, Норвегия, где на долю государственного финансирования образования приходится 99 %. Дальнейшие места заняли Швейцария, Дания, Люксембург, Исландия [12]. США уступают многим странам по этому показателю. Главными негативными факторами такого положения выступают высокий уровень социальной дифференциации и высокая стоимость высшего образования.

В странах постсоветского пространства прослеживается тенденция к статичности показателя расходов государства на образование (табл. 1).

Таблица 1

Расходы консолидированного бюджета на образование
в государствах – членах ЕАЭС в 2015–2019 гг. (процент от ВВП) [13]

Государства	2015	2017	2019
Армения	2,7	2,7	2,4
Беларусь	5,2	5,4	5,4
Казахстан	3,3	3,3	3,4
Кыргызстан	7,0	7,0	6,6
Россия	3,7	3,6	3,7

Наиболее значительная доля бюджета тратится на образование Белоруссией и Кыргызстаном, несмотря на сложности их экономики, что свидетельствует о целенаправленной политике этих государств к переходу на уровень информационной экономики. Расходы частного сектора на образование в странах ЕАЭС скромны в силу невысокого уровня доходов основной массы населения, что отражают данные табл. 2.

Таблица 2

Динамика расходов населения на образование
(процент от общей суммы расходов) [13]

Государства	2015	2016	2017	2018	2019
Армения	1,1	1,5	2,4	2,7	–
Беларусь	1,5	1,4	1,5	1,6	1,6
Казахстан	2,2	2,0	2,0	1,7	1,7
Кыргызстан	2,4	2,6	2,5	2,6	2,5
Россия	0,9	0,8	0,8	0,8	0,9

В России самый низкий показатель расходов частного сектора на образование. В основном затраты населения связаны с получением высшего образования. Процесс коммерциализации образовательных учреждений этого

уровня начался в 1995 г. Период становления рынка платных образовательных услуг характеризуется быстрым количественным ростом коммерческих вузов – более 20 % в год. Но в дальнейшем темпы роста быстро сокращаются до ежегодных 2–3 %. К началу 2005 г. количество коммерческих вузов составляло почти 40 % от числа государственных. В период демографического спада большинство коммерческих вузов закрылись, не выдержав конкуренции с государственными.

Динамика количественного роста государственных высших образовательных учреждений отличалась устойчивостью – с 1995 г. прирост в 1–2 % ежегодно. До 1990 г. такое увеличение происходило за пятилетие. Резкий количественный скачок отмечался в 1995 г. (свыше 10 %) и в 2002 г. (5,5 %). Особенно значительно выросло и количество студентов, причем в основном на заочной форме обучения. Данный факт отражает в большей степени реальный рост спроса населения на образование, а не функцию вузов как амортизаторов молодежной безработицы в сложный реформационный период 90-х гг. XX в.

Оптимизация финансирования, проводившаяся по требованию Международного банка реконструкции и развития (МБРР) в русле реформы образования, только за 5 лет (2011–2016) привела к сокращению количества государственных вузов с 634 до 530. К 2018 г., по данным Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», их осталось 502, что ниже уровня 1991 г. [14].

Кроме вузов институциональная структура науки в РФ представлена академией наук, объединениями и институтами научной общественности, а также системой подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов и ученых. Структурно Российская академия наук объединяет Уральское, Сибирское и Дальневосточное региональные отделения, 14 региональных научных центров, 9 профильных отделений со множеством научно-исследовательских институтов. Однако тревожной тенденцией является сокращение и снижение квалификационного уровня кадрового потенциала в научной сфере. Главными причинами являются внешняя и внутренняя «утечка умов», старение научного и научно-педагогического персонала (по данным Федеральной службы государственной статистики на 2019 г. из 24 844 докторов наук 17 512 (т.е. свыше 70 %) – старше 60 лет, а из 75 068 кандидатов наук – 23 845 (около 32 %) [15]. Данные процессы тормозят формирование информационного общества. В России наблюдается сужение базового сегмента четвертичного производства, что неизбежно сужает как спрос, так и предложение знаний.

Еще одним важнейшим направлением государственной политики управления знаниями является поддержка НИОКР. Таблица 3 показывает топ-6 стран с наивысшими показателями в этом сегменте по данным ООН [16, 17]. Достижение таких показателей – результат, который обеспечивается последовательным ростом государственных расходов на образование. Конечно, наиболее сильные экономики имеют возможность и больше тратить на науку и образование. Инвестиции в науку в США в 2018 г. составили 25,2 % всех мировых инвестиций в данный сегмент. Причем лидером финансирования выступает государство. На частный сектор приходится только 40 % затрат на НИОКР в стране [18].

Таблица 3

Страны-лидеры по расходам государства на НИОКР (2019)

Место	Страна	Расходы на НИОКР (процент от ВВП)	Место в мировой экономике (ВВП млн долл.)
1	США	2,34	20 494 100,00
2	Китай	2,12	13 608 151,86
3	Япония	3,14	4 970 915,56
4	Германия	2,94	3 996 759,29
5	Южная Корея	4,24	1 619 423,70
6	Индия	0,62	2 726 322,62

Однако пример Южной Кореи и Индии показывает, что здесь возможны различные направления политики. В Южной Корее затраты на НИОКР нацелены на охват возможно большего количества научных центров, в том числе университетских, поскольку расходы на собственно высшее образование несет население. В Индии государственной поддержкой пользуются в основном крупные отраслеобразующие центры.

Формирование информационной экономики требует переключения инвестиционного потока на системообразующий ресурс знаний. При этом именно «расходы на образование и науку суть ключевая составляющая инвестиций в создание и применение знаний. “Экономика знаний” требует перехода к всеобщему, доступному каждому человеку, высшему образованию – подобно тому, как индустриализация в свое время потребовала всеобщего среднего образования. Расходы на образование становятся главной компонентой инвестирования “в развитие” и вместе с расходами на здравоохранение, науку и культуру образуют более половины совокупных инвестиций ведущих стран мира, намного превышая материально-техническую составляющую производственного потенциала». Как следствие, темпы прироста инвестиционных вложений в науку превзошли темпы роста мирового валового продукта. Основной поток этих инвестиций направлен в прикладные науки и осуществляется частным сектором. Эксперты выделяют современную особенность инвестирования сектора знаний – сокращение доли государственных расходов на науку в высокоразвитых странах и увеличение ее в развивающихся странах [19].

На сегодняшний день главным негативным фактором, сдерживающим развитие сектора производства знаний в России, является отсутствие системы НИОКР в частном сегменте экономической системы. Опыт стран, успешно осуществляющих переход к информационной экономике, показывает, что государственный научный сектор преимущественно концентрирует усилия на проведении глубоких фундаментальных исследований, а частный сектор, ориентированный на достижение результатов в кратчайшие сроки, осуществляет прикладные НИОКР.

Представляется, что задача государственного управления ресурсом знаний вполне осознана российским правительством. В России предприняты попытки создания новых форм развития четвертичного сектора – институтов развития, таких как инновационный центр «Сколково» – научно-технологический инновационный комплекс, созданный в 2010 г., АО «РосНано»,

«Росатом», «Ростех» – государственные компании, образованные в 2007–2011 гг. Всего более 40. Функционирование «Сколково» осуществляется через одноименный фонд, привлекающий внебюджетные фонды. Научноград имеет в своей структуре институт науки и технологий, уже получивший международное признание и целенаправленно подготавливающий специалистов для инновационных предприятий. Центр функционирует по принципу кластерной структуры, создав более 60 НИОКР-центров-партнеров и целую региональную сеть инновационных центров [20]. Проект «Роснано» финансировался государством на начальной стадии. За 10 лет вложенные средства окупились. Тем не менее на современном этапе правительство заявило о необходимости реформирования институтов, поскольку они не отвечают новым целям национального развития. Особо подчеркнуто, что в них отсутствуют «единые механизмы управления». Главными направлениями развития называются создание единого института развития на базе госкорпорации «Внешэкономбанк». РФ, объединение институтов со схожими видами деятельности, сохранение институтов со специальными задачами [21].

Подводя итоги, можно констатировать, что в ходе постиндустриализации развитие человеческого капитала, прежде всего его интеллектуальной составляющей, и технико-технологический прогресс являются взаимозависимыми явлениями, стимулирующими друг друга. Быстрое научно-техническое развитие требует повышения уровня развития человеческого ресурса, повышения его квалификации, творческих способностей и т.д. А рост интеллектуального потенциала обеспечивает качественные изменения материального производства, прорывные достижения в области науки, техники, технологии и общественных отношениях. Тем самым закладываются основы механизма экономики развития, который увязывает достижение благополучия любым хозяйствующим субъектом с его личным вкладом в приумножение богатства страны.

Можно сделать вывод о том, что в условиях информационной экономики количественный рост интеллектуального потенциала способствует качественным изменениям способа производства. Формирование государственных инновационных систем является начальной стадией построения информационного общества, основу экономики которого составляет получение и использование новых знаний. Становление экономического пространства глобальной мировой экономической системы предъявляет определенные требования к структуре национального экономического пространства. Прежде всего это унификация нормативно-правовой базы и регулирующих инструментов, универсальность инфраструктуры Интернета, соответствие уровней развития материально-технической базы.

Реализация всех этих направлений определяет становление новых экономических функций государства при переходе к информационной стадии развития.

Список литературы

1. Шепелева О. Ю. Проблема цифрового неравенства и система электронного правительства России // *Nauka-Rastudent.ru*. 2016. № 10. С. 15.
2. Соколовская С. А., Еникеева Л. А. Экономико-математическая модель структуры причинно-следственных взаимодействий целей управления виртуальным предприятием // *Вестник ИНЖЭКОНа. Сер.: Экономика*. 2009. № 5 (32). С. 165.

3. Минаков В. Ф. Знания в цифровом обществе // Nauka-Rastudent.ru. 2016. № 11. С. 21.
4. Вся статистика интернета на 2020 год – цифры и тренды в мире и в России // Web-Canape. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy/>
5. Чернецова Н. С., Новосельцева Г. Б. Государственные механизмы согласования системы экономических интересов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 4. С. 191–201.
6. Тренды E-commerce – Электронной коммерции в 2019 году // vc.ru. URL: <https://vc.ru/marketing/57513-trendy-e-commerce-elektronnoy-kommercii-v-2019-godu>
7. Toffler A., Toffler H. War and Antiwar Survival at the Down of the 21-st Century. N. Y., 1994. P. 14.
8. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М. : Прогресс, 1986. С. 330–342.
9. Макаров В. Контур экономики знаний // Экономист. 2003. № 3. С. 5.
10. Мамедов О. Ю. Смешанная экономика. Двухсекторная модель. Ростов н/Д. : Феникс, 2001. С. 55–57.
11. Экономическая теория / под ред. А. Г. Грязновой, Т. В. Чечелевой. М., 2003. С. 367.
12. Топ-5 стран с самыми большими расходами на образование. URL: https://news.rambler.ru/sociology/42979658-top-5-stran-s-samymi-bolshimi-zatrataми-na-obrazovanie/?article_index=1
13. Образование в цифрах. Статистика Евразийского экономического союза. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Education%20Yearbook/EducationEAEU2020.pdf
14. Нодельман В. Минобрнауки само установит цены на платные услуги в вузах // Известия. 2016. 27 сентября. URL: <https://iz.ru/news/634587>
15. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477?print=1>
16. Рейтинг стран по расходам на науку (в % от ВВП). URL: https://zen.yandex.ru/media/show_me_world/reiting-stran-po-zatrataм-na-nauku-v-procentah-ot-vvp-5e3d6c903aa8ed76a4778ca7
17. Рейтинг экономики развитых стран мира // VisaSam.ru. URL: <https://visasam.ru/emigration/vybor/ekonomika-stran-mira-2.html>
18. Супян В. Экономика США в полицентричном мире: перспективы сохранения позиций // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2345>
19. UNESCO science report, towards 2030: executive summary. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235407>
20. Десять лет спустя // Российская газета. 2020. 4 июня. URL: <https://rg.ru/2020/06/04/v-fonde-skolkovo-podveli-itogi-10-letnej-raboty.html>
21. Бизнес. 2020. 23 ноября. URL: <https://www.rbc.ru/business/23/11/2020/5fb8ce659a79471e74bd2245>

References

1. Shepeleva O.Yu. The issue of digital inequality and the e-government system of Russia. *Nauka-Rastudent.ru* = *Nauka-Rastudent.ru*. 2016;10:15. (In Russ.)
2. Sokolovskaya S.A., Enikeeva L.A. Economic and mathematical model of the structure of the cause-and-effect interaction of the goals of managing a virtual enterprise. *Vestnik INZhEKONa. Ser.: Ekonomika* = *Bulletin of Saint Petersburg State University of Engineering and Economics. Series: Economics*. 2009;5(32):165. (In Russ.)
3. Minakov V.F. Knowledge in digital society. *Nauka-Rastudent.ru* = *Nauka-Rastudent.ru*. 2016;11:21. (In Russ.)

4. All Internet statistics for 2020 – numbers and trends in the world and in Russia. *Web-Canape*. Available at: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy/> (In Russ.)
5. Chernetsova N.S., Novosel'tseva G.B. State mechanisms for harmonizing the system of economic interests. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2019; 4:191–201. (In Russ.)
6. *Trendy E-commerce – Elektronnoy kommersii v 2019 godu = E-Commerce Trends – E-Commerce in 2019*. vc.ru. Available at: <https://vc.ru/marketing/57513-trendy-e-commerce-elektronnoy-kommercii-v-2019-godu> (In Russ.)
7. Toffler A., Toffler H. *War and Antiwar Survival at the Dawn of the 21-st Century*. New York, 1994:14.
8. Bell D. The social framework of the information society. *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade = New technocratic wave in the West*. Moscow: Progress, 1986: 330–342. (In Russ.)
9. Makarov V. The contours of the knowledge economy. *Ekonomist = Economist*. 2003; 3:5. (In Russ.)
10. Mamedov O.Yu. *Smeshannaya ekonomika. Dvukhsektornaya model' = Mixed economy. Two-sector model*. Rostov-on-Don: Feniks, 2001:55–57. (In Russ.)
11. Gryaznova A.G., Checheleva T.V. (ed.). *Ekonomicheskaya teoriya = Economic theory*. Moscow, 2003:367. (In Russ.)
12. *Top-5 stran s samymi bol'shimi raskhodami na obrazovanie = Top-5 countries with the highest spending on education*. Available at: https://news.rambler.ru/sociology/42979658-top-5-stran-s-samymi-bolshimi-zatratami-na-obrazovanie/?article_index=1 (In Russ.)
13. *Obrazovanie v tsifrakh. Statistika Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza = Education in numbers. Eurasian Economic Union statistics*. Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Education%20Yearbook/EducationEAEU2020.pdf (In Russ.)
14. Nodel'man V. The Ministry of Education and Science itself set prices for paid services in universities. *Izvestiya = Izvestiya*. September 27, 2016. Available at: <https://iz.ru/news/634587> (In Russ.)
15. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki = Federal State Statistics Service*. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477?print=1> (In Russ.)
16. *Reyting stran po raskhodam na nauku (v % ot VVP) = Ranking of countries by spending on science (% of GDP)*. Available at: https://zen.yandex.ru/media/show_me_world/reiting-stran-po-zatratam-na-nauku-v-procentah-ot-vvp-5e3d6c903aa8ed76a4778ca7 (In Russ.)
17. *Reyting ekonomiki razvitykh stran mira = Rating of economies of world developed countries*. VisaSam.ru. Available at: <https://visasam.ru/emigration/vybor/ekonomika-stran-mira-2.html> (In Russ.)
18. Supyan V. The USA economy in a polycentric world: prospects for maintaining its position. *Mezhdunarodnaya zhizn' = International life*. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2345> (In Russ.)
19. *UNESCO science report, towards 2030: executive summary*. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235407>
20. Ten years later. *Rossiyskaya gazeta = Russian newspaper*. June 4, 2020. Available at: <https://rg.ru/2020/06/04/v-fonde-skolkovo-podveli-itogi-10-letnej-raboty.html> (In Russ.)
21. *Biznes = Business*. November 23, 2020. Available at: <https://www.rbc.ru/business/23/11/2020/5fb8ce659a79471e74bd2245> (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Галина Борисовна Новосельцева

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономической
теории и международных отношений,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: Galina-NVS@rambler.ru

Galina B. Novoseltseva

Doctor of economic sciences, professor,
professor of the sub-department
of economic theory and international
relations, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Надежда Сергеевна Чернецова

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономической
теории и международных отношений,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: chernetsovans@mail.ru

Nadegda S. Chernetsova

Doctor of economic sciences, professor,
professor of the sub-department
of economic theory and international
relations, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Поступила в редакцию / Received 15.12.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.01.2021

Принята к публикации / Accepted 20.01.2021

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области социологии, экономики, права, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows (тип файла – RTF, DOC).

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах. Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Статья **обязательно** должна содержать индекс УДК, ключевые слова и развернутую аннотацию объемом от 100 до 250 слов, имеющую четкую структуру **на русском** (Актуальность и цели. Материалы и методы. Результаты. Выводы) **и английском языках** (Background. Materials and methods. Results. Conclusions).

Обращаем внимание авторов на то, что в соответствии с этическим кодексом журнала для обеспечения единообразия перевод фамилии, имени, отчества каждого автора на английский язык (в сведениях об авторах и списке литературы) осуществляется автоматически с использованием программы транслитерации в кодировке BGN (сайт translit.ru).

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисовочными подписями.

Формулы в тексте статьи **обязательно** должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Word Equation (версия 3.0) или MathType. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], ...). Номер источника указывается в квадратных скобках. **Требования к оформлению списка литературы** на русские и иностранные источники: **для книг** – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; **для журнальных статей, сборников трудов** – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, страницы; **для материалов конференций** – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, город, издательство, год, страницы.

К материалам статьи **должна** прилагаться следующая информация: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание и должность, место и юридический адрес работы (на русском и английском языках), e-mail, контактные телефоны (желательно сотовые).

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала **«Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки»** рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год по тематике:

- **социология**
- **экономика**
- **право**

Стоимость одного номера журнала – 500 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: тел. (841-2) 64-32-89; E-mail: VolgaVuz@mail.ru

Подписку можно оформить по объединенному каталогу «Пресса России», тематические разделы: «Законодательство и право», «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов», «Экономика. Статистика». Подписной индекс – 36949.

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» на 20__ г.

№ 1 – _____ шт., № 2 – _____ шт., № 3 – _____ шт., № 4 – _____ шт.

Наименование организации (полное) _____

ИНН _____ КПП _____

Почтовый индекс _____

Республика, край, область _____

Город (населенный пункт) _____

Улица _____ Дом _____

Корпус _____ Офис _____

ФИО ответственного _____

Должность _____

Тел. _____ Факс _____ E-mail _____

Руководитель предприятия _____

(подпись)

(ФИО)

Дата «____» _____ 20__ г.